

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС ВОЛГОГРАД

ISSN 2782-5531

ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

Научный журнал Волгоградского института управления

PARADIGMS OF MANAGEMENT, ECONOMICS AND LAW

Том 6
№4(18)
2025
19.12.2025

Том 6 №4(18) 2025

ДАТА ВЫХОДА В СВЕТ

19 декабря 2025 года

RELEASE DATE:

December 19, 2025

**ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ**

ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС ВОЛГОГРАД

Сетевое издание

Online publication

**ПАРАДИГМЫ
УПРАВЛЕНИЯ,
ЭКОНОМИКИ
И ПРАВА**

**PARADIGMS
OF MANAGEMENT,
ECONOMICS
AND LAW**

Средство массовой информации зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций.

Регистрационный номер:

серия ЭЛ № ФС 77-78424

от 15 июня 2020 г.

Международный индекс журнала

ISSN 2782-5531

The media outlet is registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Media
(Roskomnadzor).

Registration number:

ЭЛ series no. ФС 77-78424

of June 15, 2020

International Standard Serial Number of the Journal

ISSN 2782-5531

УЧРЕДИТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

FOUNDER:

Federal State Federal-Funded Educational Institution
of Higher Education
«Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration»

Главный редактор

Бардаков А. И.

Editor-in-Chief

Aleksey I. Bardakov

Адрес редакции:

400066, Волгоградская обл. г. Волгоград,

ул. им. Гагарина, д. 8

Тел.: (8442) 72-68-40;

e-mail: paradigm-vlgr@ranepa.ru

<http://paradigmy34.ru/>

Editorial Office Address:

400066, Volgograd region, Volgograd,

Gagarin Street Campus, building 8

Tel.: (8442) 72-68-40;

e-mail: paradigm-vlgr@ranepa.ru

<http://paradigmy34.ru/>

Издательство: Издательско-полиграфический центр
Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2025

Publishing House: Publishing and Printing Center
of the Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, 2025

Главный редактор

Бардаков Алексей Иванович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Заместители:

Соколов Алексей Алексеевич – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (управление), г. Волгоград, Россия

Чумакова Екатерина Александровна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (экономика), г. Волгоград, Россия

Миронова Светлана Михайловна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (право), г. Волгоград, Россия

Редакционный совет журнала:

Мостафа Мохамед Эльсаед АльМоатассемБеллах – Университет Мансуры, Мансура, Египет

Кечина Евгения Аркадьевна – Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Кублин Игорь Михайлович – Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина, г. Саратов, Россия

Панкратов Сергей Анатольевич – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Поцелуев Сергей Петрович – Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Яхьяев Мухтар Яхьяевич – Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Редакторы перевода:

Семикина Юлия Геннадьевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Гуляева Евгения Вячеславовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Editor-in-Chief

Alexey I. Bardakov – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Deputy Editors-in-Chief:

Alexey A. Sokolov – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Management), Volgograd, Russia

Ekaterina A. Chumakova – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Economics), Volgograd, Russia

Svetlana M. Mironova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa (Law), Volgograd, Russia

Editorial Board:

Mostafa Mohamed Elsayed AlMoatassembellah – Mansoura University, Mansoura, Egypt

Evgenia A. Kechina – Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Igor M. Kublin – Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia

Sergey A. Pankratov – Volgograd State University, Volgograd, Russia

Sergey P. Potseluev – Southern Federal University (SFU), Rostov-on-Don, Russia

Mukhtar Y. Yahyaev – Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Translation Editors:

Yulia G. Semikina – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Evgeniya V. Gulyaeva – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Редакционная коллегия журнала:

Али-заде Айдын Ариф оглы – Институт философии и социологии НАНА, г. Баку, Азербайджан

Алмосов Александр Павлович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Анисимов Алексей Павлович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аширбекова Мадина Таукеновна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Баранов Андрей Владимирович – Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Барсукова Татьяна Ивановна – Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Болтанова Елена Сергеевна – Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Брехова Юлия Викторовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Ван Цзиньлин – Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР

Гурбанов Физули Магомед оглы – Институт философии и социологии НАНА, г. Баку, Азербайджан

Дроздова Юлия Алексеевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Иванова Татьяна Борисовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Ишмухамедов Шарип Абдрахманович – Университет Туран, г. Алматы, Казахстан

Карипов Балташ Нурмухамбетович – Кокшетауский университет имени Шокана Уалиханова, г. Кокшетау, Республика Казахстан

Климук Владимир Владимирович – Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь

Лю Янь – Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР

Максимова Ирина Васильевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Маслова Надежда Валентиновна – Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, г. Санкт-Петербург, Россия

Марусинина Елена Юрьевна – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Морозов Илья Леонидович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Рагозина Татьяна Эдуардовна – Донецкий национальный технический университет, г. Донецк, Россия

Столярова Алла Николаевна – Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия

Талипова Нигора Тулкуновна – Ташкентский филиал РЭУ имени Г. В. Плеханова, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Устюкова Валентина Владимировна – Институт государства и права РАН, г. Москва, Россия

Editorial Council:

Aydin A. Alizade – Institute of Philosophy and Sociology of ANAS, Baku, Azerbaijan

Alexander P. Almosov – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA, Volgograd, Russia

Aleksei P. Anisimov – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA, Volgograd, Russia

Madina T. Ashirbekova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA, Volgograd, Russia

Andrey V. Baranov – Kuban State University, Krasnodar, Russia

Tatyana I. Barsukova – North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Elena S. Boltanova – National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Yulia V. Brekhova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA, Volgograd, Russia

Wang Jinling – Changchun University, Changchun, China

Fuzuli M. Gurbanov – Institute of Philosophy and Sociology of ANAS, Baku, Azerbaijan

Yulia A. Drozdova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA, Volgograd, Russia

Tatyana B. Ivanova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA, Volgograd, Russia

Sharip A. Ishmukhamedov – Turan University, Almaty, Kazakhstan

Baltash N. Karipov – Shoqan Ualikhanov Kokshetau State University, Kokshetau, Republic of Kazakhstan

Vladimir V. Klimuk – Baranavichy State University, Baranavichy, Republic of Belarus

Liu Yan – Changchun University, Changchun, China

Irina V. Maksimova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA, Volgograd, Russia

Nadezhda V. Maslova – Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint Petersburg, Russia

Elena Yu. Marusinina – Volgograd State University, Volgograd, Russia

Ilya L. Morozov – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA, Volgograd, Russia

Tatyana E. Ragozina – Donetsk National Technical University, Donetsk, Russia

Alla N. Stolyarova – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Nigora T. Talipova – Tashkent Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Valentina V. Ustyukova – Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

THE CONTENT

УПРАВЛЕНИЕ

MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕPOLITICAL
MANAGEMENT**Бардаков А. И.**

Трансформация и элиминация каузальности идеологии в современной России..... 7

Bardakov A. I.

Transformation and elimination of causality of ideology in modern Russia..... 7

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

**Джибилова Е. Г., Макаренко К. М.,
Петракова А. М.**

Традиционная культура и патриотизм: новая «мода на русскость» глазами молодежи..... 32

**Dzhibilova E. G., Makarenko K. M.,
Petrakova A. M.**

Traditional culture and patriotism: the new «fashion for russianness» through the eyes of youth..... 32

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ И ДЕЛОВАЯ
КОММУНИКАЦИЯINTERCULTURAL AND BUSINESS
COMMUNICATION**Степанова Е. В., Абилдаева А. С.**

Генеративные нейросети в высшем образовании: дидактический потенциал и этические дилеммы..... 45

Stepanova E. V., Abildayeva A. S.

Generative neural networks in higher education: didactic potential and ethical dilemmas..... 45

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗSOCIAL AND ECONOMIC
ANALYSIS**Иванова Т. Б., Михайлов В. Г.**

Развитие методологических подходов к управлению региональным рынком занятости (по материалам Волгоградской области)..... 56

Ivanova T. B., Mikhailov V. G.

Development of methodological approaches to managing the regional employment market (based on the materials of the Volgograd region)..... 56

Акользина Е. В., Леденёва М. В.

Особенности возрастной структуры населения России..... 73

Akolzina E. V., Ledeneva M. V.

Features of the age structure of the population of Russia..... 73

Грошев А. Д., Чумакова Е. А.

Трансформация молодежного рынка труда Российской Федерации..... 82

Groshev A. D., Chumakova E. A.

Transformation of the youth labor market in the Russian Federation..... 82

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ**

Талипова Н. Т., Талипов Б. Б.
 Модели регулирования
 интеллектуальных прав
 в зарубежной практике..... 93

**ECONOMIC
SECURITY**

Talipova N. T., Talipov B. B.
 Models of intellectual
 rights regulation
 in foreign practice..... 93

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Соколов А. А., Кублин И. М.
 Развитие инвестиционной
 и инновационной деятельности
 в российских регионах: анализ
 статистических показателей..... 106

REGIONAL ECONOMY

Sokolov A. A., Kublin I. M.
 Development of investment
 and innovation activities
 in Russian regions: analysis
 of statistical indicators..... 106

ПРАВО**LAW****ЧАСТНОЕ ПРАВО**

Филиппов П. М., Иловайский И. Б.
 Формирование прав участников транс-
 граничного инвестиционного процесса в
 XIX и первой половине
 XX веков..... 118

PRIVATE LAW

Filippov P. M., Ilovaisky I. B.
 Formation of the rights of participants
 in the cross-border investment process
 in the 19th and first half
 of the 20th centuries..... 118

УПРАВЛЕНИЕ

MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POLITICAL MANAGEMENT

УДК 316.75(470)

ТРАНСФОРМАЦИЯ И ЭЛИМИНАЦИЯ КАУЗАЛЬНОСТИ ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Алексей Иванович Бардаков

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье рассматривается идеология современной России, раскрываются закономерности трансформации и элиминации каузальности идеологий в различных социальных системах. Дается характеристика советской идеологии, базирующейся на теоретических постулатах марксизма, и выявляются особенности идеологии современного российского общества.

Методы исследования. Методология исследования трансформации и элиминации каузальности идеологии построена на наличии трех форм бытия – природа, социум, культура, что позволяет рассматривать современного индивида как целостность, состоящую из природной, социальной и человеческой составляющих. Методы исторического и логического анализа причинно-следственных взаимосвязей идеологии с бесконечным разнообразием социальных отношений позволили выявить основные закономерности эволюции и инволюции идеологии в современной России.

Дискуссия. Дискуссия об идеологии базировалась на теоретических концептах об исчезновении идеологии в цивилизованных государствах. Развернута аргументация о том, что такие утверждения есть один из вариантов идеологии. Представлена версия становления и развития идеологии, раскрыты закономерности разрушения советской идеологии и показана объективная необходимость постоянной коррекции идеологии современного российского общества. Критическое осмысление соотношения власти и идеологии, «гуманистической идеологии» позволило ее трактовать как неотъемлемый атрибут всякой социальной системы, но для человека она утрачивает свою актуальность.

Заключение. При решении задачи по трансформации и элиминации каузальности идеологий удалось установить, что идеология была и будет в общественных системах. Однако дальнейшее развитие человечества не связано с идеологическими установками, поскольку

оно происходит в форме бытия культура, поэтому в жизнедеятельности современного индивида изменяется приоритет – на первый план выходят культурные взаимосвязи, а идеология как социально-политический феномен отодвигается на второй план.

Ключевые слова: идеология, каузальность, трансформация, элиминация, государство, человек, культура.

UDC 316.75(470)

TRANSFORMATION AND ELIMINATION OF CAUSALITY OF IDEOLOGY IN MODERN RUSSIA

Aleksey I. Bardakov

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article examines the ideology of modern Russia, reveals the patterns of transformation and elimination of causality of ideologies in various social systems. The characteristic of the Soviet ideology based on the theoretical postulates of Marxism is given, and the peculiarities of the ideology of modern Russian society are revealed.

Research methods. The methodology of the study of the transformation and elimination of causality of ideology is based on the presence of three forms of being – nature, society, culture, which allows us to consider the modern individual as a whole consisting of natural, social and human components. The methods of historical and logical analysis of the cause-and-effect interrelations of ideology with an infinite variety of social relations have revealed the main patterns of evolution and involution of ideology in modern Russia.

Discussion. The discussion about ideology was based on theoretical concepts about the disappearance of ideology in civilized states. The argument is expanded that such statements are one of the variants of ideology. A version of the formation and development of ideology is presented, the patterns of the destruction of Soviet ideology are revealed, and the objective need for constant correction of the ideology of modern Russian society is shown. A critical understanding of the relationship between power and ideology, «humanistic ideology» has allowed it to be interpreted as an integral attribute of any social system, but for humans it is losing its relevance.

Conclusion. When solving the problem of transformation and elimination of causality of ideologies, it was possible to establish that ideology was and will be in social systems. However, the further development of mankind is not related to ideological attitudes, since it occurs in the form of culture, therefore, the priority in the life of a modern individual changes – cultural relationships come to the fore, and ideology as a socio-political phenomenon is pushed into the background.

Keywords: ideology, causality, transformation, elimination, state, man, culture.

Дай бог не вляпаться во власть
и не геройствовать подложно,
и быть богатым – но не красть,
конечно, если так возможно.

Евгений Евтушенко

Введение. Слова поэта Евгения Евтушенко, представленные в эпиграфе, имеют не только высокий эмоциональный потенциал, побуждающий к духовному развитию гражданина и человека, но и социально-политические рекомендации – не обретать власть, «не геройствовать подложно», не красть. Поэт не использует слово «идеология», но он своим авторским утверждением (обращением, просьбой к Богу) участвует в формировании другой или иной идеологии, реализация которой в социальных системах весьма сомнительна. Конечно, в нашем случае, простор для интерпретации стихотворения поэта достаточно велик и многообразен, так можно вести речь о воздействии авторской мысли на мировоззрение, духовно-нравственное состояние человека. Однако общеизвестно, что мировоззренческие установки базируются на четко обозначенных или завуалированных идеологических концепциях, да и нравственные нарративы имеют корреляцию с идеологией, поэтому есть основания полагать, что поэт объективно отражает социокультурную реальность, скорее всего, не осознавая влияния своих слов на идеологию. В этом контексте важно понять, что происходит с идеологией в современном российском обществе? Для решения обозначенной задачи, видимо, необходимо остановиться на трансформации и элиминации причин/ы (*causae/causa*) идеологии в современной России.

В общественном дискурсе остается открытым вопрос о феномене идеологии в ныне существующих социальных системах. Позиции исследователей по этому вопросу самые разнообразные, вплоть до прямо противоположных, а период обсуждения достаточно длителен. Так, Н. А. Бердяев, находясь под впечатлением революционных событий России второго десятилетия XX века, писал: «Трагизм современного кризиса в том, что в глубине души никто уже не верит ни в какие политические формы и ни в какие общественные идеологии» [4, с. 598]. А через несколько десятилетий в 1960 году выходит книга Мартина Липсета «Политический человек: социальные основания политики», где он утверждает, что в обществах Запада «Демократическая классовая борьба продолжится, но уже без идеологии, без красных флагов, без первомайских демонстраций» [16, с. 478]. В СССР идеологические структуры такую позицию встретили в «штыки», в 1971 году выходит объемное исследование Л. Н. Москвичева «Теория «деидеологизации»: иллюзии и действительность: критические очерки об одной модной буржуазной концепции» [22], где автор последовательно проводит мысль, что концепция «конца идеологии» артикулирует идеи правых социал-демократов и ревизионистов, а также она призвана обосновать вариативность социализма в контексте ли-

беральных идей [22, с. 4]. Нельзя не заметить, что теоретический концепт деидеологизации подвергался критике как отечественными, так и зарубежными авторами, но свою лепту в борьбе с социализмом как социально-политическим строем он внес. Факт распада Советского Союза является прямым свидетельством несостоятельности существующей на тот момент идеологии, а сложившаяся практика постсоциализма в нашей стране вновь и вновь актуализирует интерес к политическому устройству, идеологии не только теоретиков, но и широких народных масс, поэтому не случайно Президент Российской Федерации озвучивает эту проблему [29; 30].

Методы исследования. Формы бытия – природа, социум, культура – были методологической основой исследования феномена идеология. Для решения поставленных задач были систематизированы теоретические концепции по идеологической проблематике, осуществлен сбор эмпирического материала различных исторических периодов и разных социальных систем. Осуществлен сравнительный анализ причинно-следственного взаимодействия социальности и идеологии, спрогнозирована тенденция бытия идеологии. Методы исторического и логического исследования были востребованы для выявления закономерностей трансформации и элиминации каузальности идеологии.

Дискуссия. Дискуссия предполагает корректное использование терминов и понятий, поэтому будет уместным уточнить терминологические параметры и смысловое содержание категории «идеология». Не отрицая терминологической точности и научной продуктивности многоотраслевой энциклопедической литературы, размещенной в интернете, предпочитаю отталкиваться от дефиниций исследователей советского периода, поскольку идеология, конечно, не все 70 лет, отражала интересы наибольшего количества жителей страны. В. Ж. Келле определяет идеологию как систему «... взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (*программы*) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (*развитие*) данных обществ. отношений. В классовом обществе И. всегда носит классовый характер. В сфере И. отражаются положение обществ. классов, их коренные интересы» [14, с. 199-200]. Справедливости ради надо отметить, что сегодня «поисковик» в интернете выдает по сути эти же характеристики идеологии, разве что с другой акцентуацией и последовательностью изложения исследуемого предмета, что указывает на наличие идеологического момента в этом процессе. Соглашаясь в целом с вышеприведенным определением, считаю возможным некоторое его уточнение в связи с изменившейся социальной реальностью. Идеология – это система идей, взглядов и убеждений (далее – система ИВиУ), продуцируемая государством и определяющая общественное сознание индивидов социума. Надеюсь, что предложенная дефиниция позволит более точно и корректно излагать/понимать авторскую мысль в процессе освоения предмета исследования.

Становление идеологии

Для понимания причин идеологии необходимо остановиться на становлении системы идей, взглядов и убеждений, поскольку только понимая механизмы происхождения и практику функционирования социального феномена можно раскрыть последующие процессы его трансформации и элиминации.

Классический пример становления идеологии – это формирование системы ИВиУ в парадигмах религиозного сознания, обусловленных как политико-экономическими, так и духовно-ментальными детерминантами. Дарон Аджемоглу и Джеймс А. Робинсон прекрасно показывают, как происходит становление ислама в период жизни пророка Мухаммеда, а по сути, раскрывают механизм встраивания идеологии в сложный процесс обретения социальными отношениями доминанты над родовыми, клановыми взаимосвязями [1, с. 118-127]. Однако достаточно сложно согласиться с исследователями в том, что в родоплеменных образованиях «... безгосударственных обществах ... появляются индивиды, которые хотят заполучить больше власти, больше богатства и больше контроля над другими» [1, с. 126]. Дело в том, что желание, потребность обрести власть возникает только в условиях доминанты социальных отношений, поскольку родовые взаимосвязи не провоцируют и не позволяют возникнуть власти, так как функция организатора жизни рода априори связана с возрастными характеристиками, то есть старший рода (старшие рода), обладающий деятельной способностью, осуществляет организацию жизнедеятельности этой биосоциальной целостности. А в зависимости от традиций, географии – это могла быть и женщина. В контексте нашей исследовательской задачи важно то, что доминанта природных или биотических взаимосвязей не предполагает власти, как отношения господства одной части общества над другой, соответственно, нет института, который бы формировал систему ИВиУ, да она и не нужна в этом образовании. Общественное, а точнее, коллективное сознание биосоциального образования, конечно, есть, но оно – отражение природных взаимосвязей, поскольку они количественно преобладают и тем самым формируют родовое сознание, которое в последующем «вырастет» в общественное сознание.

Можно согласиться с Д. Аджемоглу, Д. А. Робинсоном в том, что «... появившись и оформившись, ... религиозная идеология» [1, с. 126] становится важным фактором концентрации власти, однако, если в природных образованиях функция организатора жизни имеет четкую корреляцию с возрастным старшинством, то в социальных системах функция вождя, лидера сопряжена с его успешной деятельностью в области экономики, военного дела, духовного (религиозного) развития, а также с легитимностью его власти, что и порождает необходимость идеологии. Важно понимать, что религиозная форма сознания имеет важное значение в становлении идеологии, но в определенных исторических условиях она может быть вытеснена из центра общественного сознания, например, марксистско-ленинской теорией или маркетинговыми уловками общества потребления. Следует добавить, что никакая

социальная система не может проходить этапы своего становления и развития без идеологии, но в зависимости от географии и исторического периода продуцируемая система ИВиУ будет иметь свою специфику.

Становление или возрождение/восстановление определенной идеологии может происходить и при смене социально-экономических, социально-политических основ общества, что и присутствовало в практике трансформации советской в постсоветскую (российскую) социальность. В процессе распада СССР, то есть разрушения некой целостности, вполне закономерно у людей возникла потребность себя идентифицировать с частями бывшего целого. Все попытки формирования новых целостностей по территориальному признаку не получили широкой поддержки, а вот по национальному признаку идентификация стала в некоторых территориях зашкаливать – выражалось это, прежде всего, в желании утвердить свой государственно-национальный суверенитет.

Следует четко обозначить, что национальные и националистические интересы качественно различные вещи. Национальный интерес, то есть интересы многочисленных наций, составляющих единый российский народ, законны и регулируются, удовлетворяются российским государством посредством органов власти, институтов гражданского общества, а также иными законными способами. Качественная характеристика социальных групп, идентифицирующих себя по национальному признаку и формирующим свои национальные интересы, не имеет антагонистических противоречий с целями российского народа. Национальное развитие сопряжено с уважительным отношением к другим национальным ценностям, традициям, что предопределяет обогащение как отдельной нации, так и всей их совокупности. Надо сказать прямо, что наилучший результат в этом процессе достигается вовсе не только в связи с опорой на внутреннюю культуру, просвещенность каждой национальной группы, а также последовательной, грамотной, системной работой специализированных структур государственного и общественного характера, использующих идеологию как наиболее значимый фактор формирования общественного сознания. Субъекты реализации идеологической работы, конечно, не застрахованы от ошибок, «перегибов», но достаточно сложно согласиться с В. А. Ачкасовым в том, что в современную российскую государственную идеологию «... произошло проникновение ... этнических мотивов» [2, с. 190] русских националистов. Видимо, речь идет об установлении баланса интересов в национальном вопросе, да и система ИВиУ формируется преимущественно теоретическими концептами, а не только политическими декларациями. А произнесенное публично Президентом Российской Федерации «Я лакец, я дагестанец, я чеченец, ингуш, русский, татарин, еврей, мордвин, осетин» [31] снимает все вопросы по официальной государственной политике по поводу русско-го национализма. Это не значит, что все параметры национальных отношений находятся в идеальном состоянии, но этого достаточно, чтобы вести речь о верности идеологической работы в этом направлении.

Националистические интересы – это прямая противоположность национальным интересам. Реализация националистических интересов связана с идеологией, обосновывающей исключительность национальной группы с соответствующим правом на приоритетное или господствующее положение во всех сферах жизнедеятельности конкретного общества. Закономерность трансформации этнической группы в свое национальное состояние такова, что отсутствие баланса между национальным и интернациональным с необходимостью приводит к национализму. Концентрация финансово-экономических ресурсов и власти в целом у одной национальности, при наличии многих или нескольких национальных групп в социальной системе, всегда негативно отразится на развитии этого общества. Игнорирование национальных интересов не позволит сформироваться устойчивой идеологии, без которой невозможна социально-политическая, социально-экономическая стабильность и духовное развитие общества. К этому следует добавить, опираясь на положительную динамику межнациональных отношений, необходимо находить точки соприкосновения, общие ценности и в межконфессиональных связях нашего отечества для успешного формирования идеологии российского общества. Нет оснований не доверять выводам И. Л. Бабич о точках зрения руководителей религиозных объединений, «... они (руководители – А.Б.), – пишет автор, – отказываются формировать новую идеологию на основе общих ценностей, ... а акцентируют внимание ... на том, что истина и моральные ценности находятся только внутри их религиозного учения» [3, с. 142]. Такая ситуация затрудняет объединение всех российских граждан в единое сообщество, поскольку при такой ситуации достаточно сложно формировать государственную идеологию. Позитивный момент эксперт видит в том, что светская интеллигенция критически относится к религии и опирается «... на культуру, и в первую очередь, национальную культуру» [3, с. 142]. В этом вопросе также нужен баланс, конечно, каждый гражданин имеет право идентифицировать или не идентифицировать себя с религиозным объединением, но нельзя допускать крайних форм в виде религиозного экстремизма или борьбы с законными конфессиональными образованиями.

В качестве положительного примера межконфессионального и межнационального взаимодействия между нациями можно привести Татарстан, который является лидером во многих сферах жизнедеятельности среди российских регионов. Данная республика прошла не простой путь постсоветского становления, где националистические нотки в первые постсоветские годы присутствовали, но в этом субъекте Российской Федерации нашлись силы, проявившие политическую волю по установлению правопорядка в рамках российского законодательства. Н. И. Карбаинов сетует на то, что «... татарская национальная идеология не выдерживает конкуренции» [13, с. 229] с идеологией федерального уровня, но вряд ли следует это оценивать отрицательно. Наличие национальной идеологии у части большого российского народа – это богатство не только части, но и всей целостности, поскольку духовная составляющая, отражаемая во взглядах и идеях, обогащает весь российский народ. А вот поли-

тическая составляющая, которая могла бы быть реализована в виде отдельного государства, принесла бы внутренний раздор и внешние трагические события, что, очевидно, татарскому народу не нужно. Правильно выстроенная идеологическая работа позволяет Татарстану занимать лидирующие позиции внутри страны и выступать важным фактором участия российского государства в международных делах.

В качестве обобщения положительного опыта идеологической работы можно зафиксировать, что прогрессивно развивающаяся экономика как важный фактор социальности – основополагающей причины идеологии, в совокупности с грамотно выстроенной работой по формированию общественного сознания имеют выход в практику общественной жизни. При этом практика общественной жизни не бывает «застывшей», она находится в постоянном изменении, что требует коррекции и адаптации системы ИВиУ. К этому следует добавить, что типичная для Татарстана стратификация населения республики, как и по всей России, по доходу также играет свою роль в идентификации граждан по национальному или общероссийскому основанию, что способствует укреплению идеологии, продуцируемой на федеральном уровне.

Таким образом становление идеологии всегда сопряжено с изменениями социальных взаимосвязей, которые детерминируют форму власти, обоснованием легитимности которой и призвана заниматься идеология, что является обязательным фактором устойчивости функционирования общественной системы.

Власть и идеология

Отталкиваясь от предложенной дефиниции идеологии, можно заметить, что основная функция этого социального феномена сводится к определению общественного сознания, что значимо для понимания причины возникновения и развития идеологии. Общественное сознание – отражение общественного бытия, то есть совокупности социальных взаимосвязей (социальности), следовательно социальность и есть условие и основополагающая causa идеологии. Можно говорить о том, что социальность не существует без идеологии, проявляемой в религиозных, национальных, классовых или иных формах. С изменением социальности меняется политическая форма общества, что предопределяет коррекцию или замену системы взглядов, идей и убеждений. Безусловно, изменение идеологии сопряжено с трансформацией ее причин, которые зарождаются в старых политических системах и проходят противоречивый путь своего становления. О противоречивости и сложности метаморфоза советской идеологии в свою противоположность достаточно точно говорит В. В. Бибахин. Полемизируя с видными советскими философами (Ю. Н. Давыдов, П. П. Гайденок, Н. В. Мотрошилова), стремящимися заменить сформированную догматику на идеях зрелого Маркса новой или обновленной концепцией, базирующейся на идеях молодого Маркса, автор замечает: «Реформисты марксизма надеялись на наивность власти, на ее зависимость от идеологии, а власть давно уже произносила «Маркс» и думала о чем-то своем» [5, с. 136]. Важным момен-

том в этом сюжете является также то, что В. В. Бибихин приходит к своим выводам в период реформ, предшествующих распаду СССР, автор видит не только несостоятельность теоретических концептов по поводу марксистско-ленинского обоснования идеологических конструкций, но и фиксирует практику идеологической фрустрации.

Идеологическая беспомощность советской системы имеет свои причины и закономерности развития и элиминации. Социальная группа, являющаяся властью (совокупность лиц, обладающих функцией распоряжения государственной собственностью), конечно, обновлялась, но ровно настолько, чтобы восстановить выбывшие элементы властно-управленческой системы. При этом и подбор кадров, и разработка и реализация идеологических установок осуществлялась властью достаточно долго в интересах целостности социума, то есть в интересах народа, что соответствовало теории марксистско-ленинской концепции. Далее, согласно марксистско-ленинской теории в связи с развитием производительных сил, просвещенностью народных масс и их высокой культурой должна следовать элиминация власти, отмирание государства. И даже если отказаться от догматов отмирания государства, элиминации власти, что и присутствовало в идеологических установках в последние три десятилетия советского периода, идея демократии, то есть устойчивая динамика расширения участия граждан страны в организации своей жизни, не снималась.

Объективно уже в 60-е годы XX столетия возникли не идеальные, но достаточные условия, чтобы были сделаны первые шаги по расширению возможностей советских граждан в организации своей жизни, соответственно, должен был увеличиться объем компетенций у самого народа по распоряжению собственностью, утрачивающей государственный статус, то есть объективно должна была произойти смена формы собственности государственной на общественную, которая по своей сути трансформирует предмет собственности в свою противоположность, не-собственность. В просвещенном, окультуренном советском обществе создалась уникальная ситуация, она состояла в том, что обладатели власти могли в плановом порядке отказываться от властных функций по вопросам местного значения, тем самым подключая народ к формам самоуправления. Идея самоуправления в постсоветской России получила широкое развитие; так, исследователи (С.В. Букалова, К.Г. Меркулова) настаивают на значимости местного самоуправления только в форме института гражданского общества, при использовании прямых форм демократии и обязательно на малых пространствах [6, с. 73-79]. Такое развитие событий в последние десятилетия советского периода, безусловно, предполагало, что властные полномочия социальной группы, распоряжающейся государственной собственностью, должны были иметь устойчивую тенденцию своего сокращения. У социальной группы, обладающей властью, объективно возникла дилемма – согласиться с постепенной утратой власти или же поискать варианты сохранения власти. Канон (κανών) общественного развития как раз и состоит в том, что отдельный человек, хотя это и крайне редко, может отказаться от власти, а вот социальная группа – нет, а сомневающиеся из группы будут вытес-

нены. Поэтому обвинения, предъявляемые советской элите (номенклатуре), в предательстве не совсем корректны, поскольку эта социальная группа (согласно марксистско-ленинской теории и идеологии) имела классовый интерес, состоящий в сохранении функции распоряжения собственностью за узким кругом лиц. При возникновении угрозы уменьшения или утраты этой функции социальная группа с необходимостью начала поиск новых форм сохранения политической власти. Свои услуги по поиску новых форм власти в Советском Союзе начали оказывать западные страны, обратившись к руководителям советского государства с «...настойчивым призывом перейти к политике деидеологизации» [23, с. 15], что стало, по мнению Л. А. Мусаеляна, одной из причин распада государства [23, с. 15].

Начали трансформацию причин идеологии с кооперативов, где соседствовала государственная и лично/частная формы собственности, дальнейший метаморфоз государственной собственности в частную был закономерен и неизбежен. Процесс перехода от доминанты одной формы собственности к другой с необходимостью детерминирует изменение политической системы, где идеология является важнейшей ее составляющей. Конечно, все эти трансформации всегда сопряжены с социальной напряженностью, человеческими трагедиями, но закономерности общественного развития неумолимы – бывшая партийно-государственная номенклатура трансформируется в социальную группу, обладающую всеми признаками буржуазии, которую достаточно долго ошибочно называют элитой. Достаточно нелицеприятную характеристику так называемой элиты можно встретить у А. А. Зиновьева, который отмечает: «Политическую сферу захватили политические мародеры, экономическую – экономические мародеры, а сферу менталитетную – идеологические мародеры. В результате небольшой процент населения устроился прекрасно» [11]. Пути решения проблемы именования социальной группы власти Н. Г. Денисов видит в лишении «... в общественном мнении статуса элиты олигархат и чиновничество» [10, с. 106] и предлагает «человека труда» наделить этим статусом, что является важной компонентой идеологии. Конечно, есть надежда, что после утверждений В. В. Путина об участниках СВО как настоящей элите [27; 28], терминология и категориальный аппарат в этом аспекте будет использоваться более корректно.

Возродившаяся и конституционно закреплённая [п. 1, Ст. 35] частная форма собственности как важнейший элемент социальности имеет большое влияние на формирование современной российской идеологии. Призывы о необходимости создать единую идеологию современного российского государства выглядят несколько наивными, поскольку конституционная норма о признании идеологического многообразия [п. 1, Ст. 13], по своей сути и есть нынешняя идеология. Конечно, по поводу наличия-отсутствия государственной идеологии в современной России имеется большая дискуссия. Весьма убедительно выглядит в этом вопросе позиция Л. А. Мусаеляна. «Любая новая конституция, – утверждает автор, – есть социальный концепт, опирающийся на некую идеологему» [23, с. 10], то есть любое общество,

имеющее конституцию, осуществляет свою жизнедеятельность в рамках государственной идеологии. Исследователь также настаивает, что приватизация, смена формы собственности сделала «... необратимым движение России по капиталистическому пути» [23, с. 14].

Имеются и противоположные взгляды на наличие государственной идеологии. Н. Ю. Лапина ведет речь об общей закономерности для европейских стран, полагая, что на рубеже XX–XXI веков произошло размывание «... базовых идеологических установок» [15, с. 35], поскольку политические партии не имеют четких идеологических ориентиров. Подобную точку зрения высказывает и политолог И. И. Глебова. Автор исходит из того, что в России между партиями нет конкуренции, соответственно, нет идеологии. «Если бы появилась партия, – утверждает исследователь, – у неё была бы идеология» [12, с. 395], далее она подчеркивает, что отсутствие идеологии – это не слабость, а сила власти. Уязвимость излагаемых позиций состоит в том, что идеологию они связывают идеологическими установками политических партий, что является важным фактором государственной идеологии, но он не единственный, так как существуют политические силы в виде конфессиональных, региональных, экономических и других социальных образований, которые имеют свой общественный интерес, а, соответственно, и систему идей, взглядов и убеждений. Хочу заметить, решая задачу соотношения общего и особенного в идеологии политических партий удалось установить, что основная субъектная, властная функция в современной России сосредоточена у государств и оно «... определяет партию власти, а все остальные партии и их идеологии находятся под бдительным контролем государственных структур» [17, с. 1059].

Важным моментом в развитии идеологии является время, так с того момента как А. А. Зиновьев сетовал, что нынешней российской власти «... не хватает идеологической подпитки» [11] прошло более двух десятилетий и многое изменилось, появилась «... гражданская, светская идеология, приближенная к реалиям XXI века» [11], о чем и говорил исследователь. Эффективность нынешней российской идеологии в виде сплава деклараций политических партий, реляций конфессиональных образований и иных постулатов, не противоречащих законодательству и традиционным ценностям России, многих социальных институтов вполне вписываются в характеристику системы взглядов, идей и убеждений, которой удовлетворена подавляющая часть российского общества. Это подтверждается и исследованием О. А. Мирясовой. Автор обращает внимание на то, что россияне в своем большинстве склонны «иметь политические взгляды» [21, с. 209], которые имеют корреляцию с существующей идеологией. При этом важно, замечает О.В. Попова, «... вовлечь граждан в политические мероприятия в роли пассивных статистов ... Для «зоны власти» субъектность граждан и их объединений в принципе явление нежелательное» [26, с. 210].

Хочу заметить, что создавшееся положение нельзя оценивать только в отрицательном ключе. Дело в том, что власть несет ответственность за стабильность в социуме, поэтому власти «... гармонично соединяющие религиозные и идеологические представления, право-

сознание, отношения родства и технологические навыки» [32, с. 151], отмечает В. Л. Римский, действуют во благо общества. Отсутствие четкости, а точнее строгих идеологических догматов, является потребностью властно-управленческого сословия современной России, поскольку позволяет корректировать мировоззрение граждан в целом, и идеологические установки в частности в зависимости от внутренних и внешних факторов общественной жизни. Постсоветская Россия прошла путь от власти олигархов к доминированию власти новой российской номенклатуры, базирующейся на обладании функции распоряжения государственной собственностью и владения частной собственностью, что можно характеризовать как положительное изменение.

Вместе с тем сфера идеологии имеет и очевидное проблемное поле. Соглашаясь с Л. А. Мусаеляном в том, что в 90-х годах власть относительно пути развития, будущего России не использовала «... идеологически и политически нагруженную терминологию» [23, с. 16], следует заметить, что ее нет и сегодня, видимо, это связано с транзитом экономики и политики российского общества, а также с отсутствием свежей теории, которая бы отражала интересы господствующего класса и на которой бы базировались современные идеологические постулаты. Отсутствие фундаментальной, социально-политической теории для обоснования дальнейшего развития российского общества обуславливает определенные трудности в идеологической сфере. Так, для самосохранения власти «... оказывается, – пишет А. В. Рубцов, – удобнее вписывать разные, порой взаимоисключающие идеи» [34, с. 98], что далеко не всегда выглядит убедительно. Категорически против взаимоисключающих идей как центра современной российской идеологии выступает Н. Г. Денисов, он предпринимает попытки выработать рекомендации по формированию «национальной (государственной)» идеологии как идейной системы, обеспечивающей единство, целостность общества и государства [10, с. 104]. Не отрицая объединяющего значения государственной идеологии всякого общества, хочу заметить, что любая социальная система имманентно содержит в себе социально-классовые (социально-групповые) противоречия, соответственно, одна часть общества будет занимать господствующее положение по отношению к другим социальным группам, она же будет определять основные параметры идеологии. Поэтому поиск объединяющей или примеряющей идеологии в социальных системах представляется малопродуктивным.

Гуманистическая идеология

Попытки сформировать идеологию, которая бы отражала интересы всех граждан социума, предпринимаются достаточно давно, остановлюсь на нескольких сюжетах в этом направлении. Обычно поиск в этом направлении ведется в парадигме «гуманистическая идеология», причем одни исследователи трактуют ее как негативное явление, а другие пытаются обосновать ее универсальность и объективную востребованность в обществах будущего. «Гуманистическая идеология, – настаивал Н. А. Бердяев, – в наши дни и есть «отста-

лая» и «реакционная» идеология» [4, с. 520]. Реакционность идеологии того времени автор связывает со строительством коммунизма в СССР. Признавая прозорливость русского философа по отношению к идеологии коммунизма, следует отметить, что любая идеология имеет свой «срок годности», то есть нет вечной идеологии, на определенном этапе общественного изменения требуется коррекция системы ИВиУ или ее замена, поэтому всякая идеология рано или поздно будет «отсталая». К этому надо добавить, что Н. А. Бердяев резко отрицательно относился к демократии, он сомневался, что «... воля народа будет направлена к добру, что воля народа пожелает свободы» [4, с. 579]. Примечательно также то, что такая постановка вопроса осознанно или неосознанно является четкой идеологической установкой на социальное неравенство людей, которая посредством различного инструментария закрепляется в общественном сознании для устойчивого функционирования социальной системы.

Процесс закрепления идеологических установок тесно взаимосвязан образовательным процессом, а система образования не может быть не увязана в контекст доминирующих социально-экономических, социально-политических отношений. Достаточно сложно согласиться с В. А. Гуторовым, утверждающим, что в дискуссиях о преимуществе элитарной и демократической моделях образования преобладают не научные, а идеологические аспекты [9, с. 474-475]. Дело в том, что каждая из моделей образования является неотъемлемой частью идеологии. Элитарная модель образования востребована в социальных системах, где преобладает рыночная экономика и либеральное мировоззрение. С демократической моделью образования немного сложнее, поскольку она связана, прежде всего, с социалистическими идеями, что отсылает нас к советскому прошлому, но в то же время ей не чужды национальные традиционные ценности, что сопряжено с идеями консерватизма. К этому следует также добавить, что просвещение в целом и образовательный процесс в частности имманентно содержат в себе гуманистическое начало, но на определенном этапе развития всякой социальности они начинают использоваться в качестве идеологического инструмента. В постсоветский период России хорошо видно, что первые десятилетия образовательная система была направлена на формирование в общественном сознании «светлого будущего» связанного с рыночной экономикой, а потом, вот уже более десятилетия, образовательные институты всех уровней направлены на восстановление уважительного отношения к традиционным ценностям и формирование патриотизма. В этом процессе трансформации идеологических установок есть нюанс, состоящий в том, что не только рыночная экономика «не пошла», но и надстроечные элементы имели слабую корреляцию с экономическими и духовными составляющими российского бытия, поэтому власти пришлось корректировать политические цели и идеологические постулаты. Отказ (хотя процесс отказа далек от завершения) от Болонской системы образования – это важный практический показатель отторжения идеологии, базирующейся на либеральных идеях, а решение Минобрнауки ввести в высшей школе три обязательных предмета – «История России», «Основы российской государствен-

ности» и «Философия» [7], свидетельствует о том, что идеология будет направлена на формирование патриотизма.

Патриоты в своей совокупности образуют ту социальную группу, которая способна обеспечить внутреннее развитие социума и может противостоять внешним угрозам, но для реализации этих целей необходимо чтобы значительная или подавляющая часть россиян была патриотами. Для этого необходимо чтобы в общественном сознании нивелировались, затухали социально-групповые различия, поэтому требуется теоретическая подпитка идеологии, которая бы была если не гуманистическая, то есть общечеловеческая, то хотя бы общенародная, то есть идеология всех жителей государства или значительной его части. В этом плане показательна позиция исследователей (Ю. В. Пазюк, В. П. Ефимова, С. Н. Осипов), полагающих, что в условиях санкций Запада нашему отечеству «... необходима *общенародная идеология развития* – идеология полноценной человеческой жизни, саморазвития и самосовершенствования общества, государства и каждого человека» [25, с. 128]. Желания хорошие, но их реализация маловероятна, так как развитие человека и государства действительно достаточно долго находится в их единстве, но на определенном уровне (высоком уровне и есть основания полагать, что Россия уже достигла этого уровня) эволюции социума у них возникают противоречия. Государство заинтересовано в законопослушном социальном индивиде (гражданине), который не только не возражает, но и нуждается в постоянном контроле структур власти, а человек свое развитие связывает с минимизацией деятельности государства в его социально-производственные процессы и элиминацией вмешательства в его личную жизнь. Хочу добавить, что патриот современного российского общества содержит в себе эти противоположные тенденции, если под патриотом понимать человека, который не ограничивается словами о любви к Родине, а целенаправленно осуществляет деятельность во благо своего отечества, проявляет заботу о детях и родителях, участвует в делах местных сообществ, занимается самосовершенствованием, становясь просвещенным и культурным индивидом, что является важным для развития современного государства и человека.

Весьма основательная аргументация по обоснованию востребованности в постсоветской России «гуманистической идеологии» была развернута Ю.Г. Волковым. «Гуманистическая идеология, – утверждает автор, – действительно нужна всем и государству, и обществу, и каждому человеку, и всему человечеству в целом» [8, с. 462]. К такому утверждению, видимо, исследователь приходит в связи со сложившимися у него в годы советского периода убеждениями, что дальнейшее развитие отдельного человека и человечества в целом связано с развитием творческой сущности человека. Разделяя взгляды ученого в том, что развитие человека связано с его творческим потенциалом, хочу заметить, что никакая социальная система не может дать полноты развития человека, поскольку любой социальности имманентно присуща идеология, которая «заряжена» на формирования социальных, а не человеческих качеств индивида. Ю. Г. Волков явно поторопился, когда писал: «... после краха социали-

стической идеологии произошел крах идеологии вообще, в том числе и либеральной, и современный мир пока остается без жизнеспособной идеологии» [8, с. 462]. Как показала практика, когда заводят речь об отмене или исчезновении идеологии, то это и есть современная либеральная идеология. Надо заметить, что постановка вопроса об исчезновении, отмирании, отмене тех или иных социально-политических феноменов в политическом знании не является чем-то новым, такая постановка всегда сопряжена с желанием представить миру новую социально-политическую концепцию развития общества, обосновать возможность более прогрессивного общественного устройства в новых исторических условиях. Можно согласиться с В. П. Макаренко, который дал развернутую характеристику девяти идеологий [19, с. 10-398], что все они были призваны обосновать, оправдать ту или иную социальную систему, тот или иной общественный порядок. Тут важно понимать, что идеология – неотъемлемый атрибут социальной системы, которая порождает, формирует необходимого ей социального индивида. Социальная система способствует развитию человека, но ровно настолько, чтобы он способствовал ее развитию. Никто не ставит знак тождества между развитием социума и человека, но предлагают гуманистическую (человеческую) идеологию как вариант свободного развития человека. Да и само терминологическое сочетание «гуманистическая идеология» подобно выражению «КПСС – партия всего советского народа», что без иронии воспринимать достаточно трудно, поскольку партия – это часть, а идеология всегда содержит момент обоснования справедливости отчуждения труда маленькой частью общества у большой. Опять же, идеология при своем возникновении может не противоречить человеческому в индивиде, но в своей эволюции всякая идеология будет противостоять развитию человека. Мир исчерпал возможности по декларации социально-экономического, социально-политического обустройства общества, которое бы имело очевидные преимущества перед всеми другими вариантами этого обустройства, соответственно, и идеологии, выполняющие апологетические функции при существующей экономике и политике, тоже исчерпали свои ресурсы. Исчерпан ресурс идеологий в их классическом виде (либерализм, консерватизм, марксизм, социализм, феминизм, экологизм, коммунитаризм, национализм, анархизм), но смешанная экономика и политика предопределяют эклектичность и экстравагантность идеологии, идеология такова, какова ее причина – социальность.

Идеология будущего или преодоление идеологии

Не отрицая продуктивности поиска наилучшей или оптимальной идеологии для развития социальных систем, категорически возражаю против поиска идеологии, которая будет способствовать развитию человека, поскольку природное, социальное и человеческое в индивиде – это взаимосвязанные, но относительно самостоятельные стороны, поэтому социальное имеет корреляцию с идеологией, а человеческое нет. Сложившаяся традиция отождествления социального и человеческого в индивиде предопределяет поиск путей совершенствования социума как основного условия развития человека. В качестве примера можно

взять исследование советского периода, так В. В. Орлов, исследуя проблемы человека и его мировоззрения, последовательно проводит мысль о том, что и первое, и второе определяется общественными отношениями, а поскольку, по его мнению, советские экономические отношения, политическая система самые лучшие, то и человек получает наивысшее развитие [24, с. 14–143]. Советского исследователя можно понять, поскольку он во многом прав, по крайней мере в том, что в общественном сознании формировались установки на развитие гармоничной личности, творческого потенциала человека. Меньше всего хотелось бы критиковать и тем более упрекать советских исследователей в отождествлении человеческого и социального в советском индивиде, поскольку эта идея восходит к теоретическим константам марксизма. Объективная ситуация в СССР была в том, что подавляющее большинство обществоведов работало в парадигмах марксизма, при этом, хочу заметить – научный поиск они вели «не за страх, а за совесть». Их общественное сознание также было продуцировано государством, но имело не только четкую идеологическую ориентацию, но и моральные основы.

«Сущность человека, – утверждает К. Маркс, – не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [20, с. 3]. Утверждение К. Маркса о том, что сущность человека заключается в совокупности общественных отношений имело великое научное значение для своего времени, поскольку обосновывалось, что человек не только природное, но и социальное существо. Наряду с этим и многими другими научно значимыми вещами Маркс настаивал на необходимости критического осмысления всякого научного знания, в том числе и марксизма. Современные исследователи в своём большинстве (зарубежные, российские) крайне редко апеллируют к Марксу, но опираются на его теорию о единстве в человеке природного и социального, что ограничивает поиск путей развития социальных систем и человека как относительно самостоятельных феноменов. Маркс критиковал Фейербаха за то, что он сводил сущность человека к «природным узам» [20, с. 3], а нынешние «Фейербахи» сводят эту сущность к социальности индивида, что давно не так. Надо заметить, что существуют и иные взгляды на сущность человека. Н. Н. Ростова, характеризуя стратегии изучения человека, отмечает, что «антропологическая тенденция претендует на выработку нового понимания сущности человека и концептуализации различия человеческого и нечеловеческого в человеке» [33, с. 72].

Современный индивид – это совокупность природного, социального и человеческого, что детерминируется тремя формами бытия – природа, социум и культура. Такая методология позволяет снять вопросы по поиску наилучших социальных систем и наиболее адекватных идеологий для развития человека, поскольку предлагается исследовать социальность индивида в координатах общественных отношений, а человечность в координатах культурных взаимосвязей. Конечно, природное, социальное и человеческое существуют только в своем единстве, но они имеют свою относительную самостоятельность, что предопределяет их исследование как общее, так и единичное.

В рамках рассмотрения трансформации и элиминации каузальности идеологии интересен опыт исследования творчества и деятельности Варлама Тихоновича Шаламова. Исследователь С. М. Соловьев убедительно показывает, что В. Т. Шаламов разочаровывается в диссидентском движении, поскольку это были люди, «... для которых принцип “соответствия слова и дела” вовсе не был главной этической максимой», а «этическая позиция Шаламова не позволила ему вписаться в послесталинский литературный официоз» [35, с. 147], поэтому он был обречен остаться в одиночестве. Чтобы правильно понять соотношение идеологических и этических принципов В. Т. Шаламова необходимо исходить из того, что он не случайная жертва репрессий, а последовательный, идейный борец-революционер со сталинской формой советской власти, за что и пробыл в заключении долгие годы. Несмотря на самые сложные, трагические перипетии своей жизни он не изменил своей идеологии, не предал своих идеалов – в этом плане он идеал социального индивида, но ведь его сила не в этом, а в этическом поведении. Шаламова готовы были принять и «горячо» поддержать диссиденты-шестидесятники, которые могут предать, а также идут на компромиссы с врагами Родины; рады его принять и представители «литературного официоза», которые долго восхваляли, а потом с таким же рвением ругали Сталина, но как первые, так и вторые хотят от него одного, чтобы он не только разделял, но и пропагандировал их идеологию, поскольку он – духовная величина. Для полноты картины хочу заметить, что для В. Т. Шаламова система ИВиУ не была и не могла быть лучше идеологии диссидентов либералов и официальной советской идеологии, то есть в идеологическом плане он как социальный индивид равен представителям других идеологий, которые не предают своих политических идеалов.

Величие же В. Т. Шаламова состоит в его человеческих качествах, становление и развитие которых не связано с бытием социума и меньше всего определяется его социально-политической атрибутивностью. Становление и развитие человеческих качеств связано с культурой как формой бытия, в рамках которой происходит возделывание добродетели индивида, его высокой духовности, поэтому неслучайно Ф. Федье называет В. Т. Шаламова «... символом самой русской души» [36, с. 58]. В. Т. Шаламов известен тем, что он своими произведениями, поступками, делами в координатах этических отношений (культурных взаимосвязей) творит добро, борется со злом, тем самым развивает свою человеческую составляющую. Это как раз показывает, что для общества высокой культуры важно – какой ты человек, а не твои идеологические приоритеты.

Не менее показателен пример приоритетности человеческого над социальным в жизни, деятельности и творчестве А. А. Зиновьева. Социолог, писатель А. А. Зиновьев, отвергая навешанные на него идеологические ярлыки, в интервью сказал: «...я – самостоятельное государство из одного человека, я никому не служу, не следую ни за кем...» [11]. Ученый вовсе не отрицал значимости социума. Это хорошо видно по его позиции о роли В. В. Путина в развитии России. Он прогнозировал, что россияне различных слоев будут связывать

свои надежды с деятельностью Президента Российской Федерации, поэтому «... он вынужден будет действовать в рамках народных чаяний» [11], то есть он четко подчеркивает относительную самостоятельность человека от социума, человеческого от социального. А дальнейшее существование людей в их природной, социальной и человеческой ипостасях он связывает с развитием человечества, а не социальных систем или новых идеологий [11]. Соглашаясь в целом с автором в том, что социальность противостоит человеку, хочу заметить, что противодействие человеку, человечеству осуществляется не группой лиц с антигуманными качествами, а самой системой, поскольку действия, поступки общественных индивидов – это результат воздействия идеологии. Следует также добавить, что добродетельные качества индивида, то есть то, что делает индивида человеком, не может возникнуть в форме бытия социум, это происходит только в форме бытия культура. В этом плане рождение нового человека, о котором ведет речь А. А. Зиновьев, происходит в бытии культуры. Индивид, формирование которого происходит приоритетно в бытии культуры, не отрицает необходимости идеологии для социальной системы, так как обладает социальными качествами, но отдает предпочтение человеческим взаимосвязям, что подтверждается практикой жизнедеятельности А. А. Зиновьева.

О путях дальнейшего развития человечества и значимости идеологии для этого развития есть глубокие размышления А. Ф. Лосева, который связывает дальнейшее развитие человечества со всеобщим благоденствием и свободным самочувствием всех людей, где каждый «... должен работать на пользу будущего всеобщечеловеческого благоденствия» [18, с. 308]. Ученый не ведет речь о совершенствовании или развитии социальной системы, у него речь идет о человеке, который испытывает радость от труда. «Кто не трудится для всеобщего благоденствия, – отмечает А. Ф. Лосев, – тот не имеет мировоззрения, а имеет только миропрезрение» [18, с. 313]. Опять же, характеризуя мировоззрение, автор не ведет речь о политике, экономике и других общественных отношениях; мировоззрение, интеллигентность и идеологию он рассматривает как неотъемлемые элементы личности, формируемые бытием культуры. А отвечая на вопрос об идеологии интеллигентности, ученый отмечает, что она «... возникает сама собой и неизвестно откуда; и действует она, сама не понимая своих действий; и преследует она цели общечеловеческого благоденствия, часто не имея об этом никакого понятия» [18, с. 316], а «культура интеллигенции ... включает переделывание действительности ... ради достижения общечеловеческого благоденствия» [18, с. 317].

Хочу заметить, что такое насыщенное цитирование текста А. Ф. Лосева связано с желанием наиболее точно передать его авторскую мысль, имеющую важное значение для выстраивания нашей аргументации. Из содержания текста следует, что все высказывания ученого имеют очевидный этический характер, то есть у него все переплетено, связано с культурой. Вышеизложенное позволяет сделать вывод, о том, что автор не отрицает социальность,

но развитие человечества у него сопряжено с ростом культуры, в бытии которой деятельность каждого индивида будет направлена на продуцирование благоденствия.

Опираясь на фундаментальную концепцию А. Ф. Лосева о развитии человечества, можно утверждать, что культура возделывает человеческую составляющую индивида, соответственно, сущность человека – это совокупность культурных взаимосвязей. Такой подход к исследованию человека позволяет искать пути развития человека и человечества за пределами социальных систем. Соответственно, в таких парадигмах становления и развития человека отпадает необходимость в идеологии как важном факторе социально-политического ориентирования индивида. Для человека идеология перестает быть востребованной, поскольку значительная часть его жизни происходит в координатах культуры, а не социальных взаимосвязей. Экономика, политика и другие общественные отношения формируют социального индивида (социальную составляющую индивида), поэтому для него идеология не только необходимость, но в определенные исторические периоды и благо. Социальность как главная *causa* идеологии в координатах социальных взаимосвязей никуда не исчезала и не исчезнет, поэтому для социального индивида идеология остается неотъемлемым элементом его жизнедеятельности, а поскольку *causa* идеологии на определенных этапах претерпевает трансформацию, то и идеология изменяет формы своего проявления. Совершенно иначе обстоит дело в координатах культурных взаимосвязей, там идет процесс элиминации причины идеологии, то есть это еще не состоявшийся факт, поскольку бытие культуры, да и человек находятся на этапе своего становления.

Заключение. В поисках ответа на вопрос о трансформации и элиминации каузальности идеологии удалось установить, что *causa* идеологии остается неизменной, но формы ее проявления периодически претерпевают трансформацию. Исходя из того, что идеология существует только в социальных системах и, обозначая социальность причиной идеологии, необходимо понимать, что в условиях доминирования природных взаимосвязей жизнедеятельности людей идеологии еще не существовало, а при доминанте культурных взаимосвязей социальность и ее продукт идеологии утрачивают свое доминирующее положение. Делая обобщающий вывод, можно говорить, что трудный процесс становления идеологии сопряжен с увеличением «объема» социальных отношений, а развитие идеологии связано однозначным доминированием общественных связей. А противоречивый процесс элиминации идеологии обусловлен расширением бытия культуры как основной формы существования будущего человечества и становлением человеческих свойств индивида. В условиях доминанты социальности идеология имеет важное, а порой и определяющее значение для индивида. В условиях же доминанты культуры идеология не исчезает, но утрачивает влияние на жизнедеятельность индивида. Человек будущего не сможет отказаться от идеологии, так как является носителем социальных качеств, но приоритетность культурных взаимосвязей в его жизнедеятельности отодвинет её на второй план.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аджемоглу, Д. Узкий коридор / Дарон Аджемоглу, Джеймс А. Робинсон; [перевод с английского О. Перфильева]. Москва : Издательство АСТ, 2021. 704 с.
2. Ачкасов, В. А. Власть и русский национализм в современной России // Власть и элиты / Гл. ред. А. В. Дука. Т. 5. СПб.: Интерсоцис, 2018. С. 180-204.
3. Бабич, И. Л. Северный Кавказ и Москва : религиозная идентичность в контексте развития гражданского общества // Государственная национальная политика России : экспертное мнение/ ред. Степанов В. В., Черных А. В. Москва: ИЭА РАН, 2018. С. 139-150.
4. Бердяев, Н. А. Философия неравенства / Составитель и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.
5. Биbihин, В. В. Собственность. Философия своего. СПб. : Наука, 2012. 536 с.
6. Букалова, С. В., Меркулова, К. Г. «Демократия малых пространств» : эволюция института местного самоуправления в России в контексте идей А. И. Солженицына // Власть. 2020. Т. 28. № 4. С. 73-79.
7. В Минобрнауки рассказали, какие предметы станут обязательными для студентов. URL :<https://ria.ru/20251124/predmet-2057135228.html> (дата обращения : 24.11.2025).
8. Волков, Ю. Г. Идеология для России (основные идеи гуманистической идеологии России) // Безопасность Евразии. 2004. № 2 (16). С. 458-465. EDN RDPRJD.
9. Гуторов, В. А. Элиты и образование: опыт политико-теоретического анализа // Власть и элиты / Гл. ред. А. В. Дука. Т. 5. СПб. :Интерсоцис, 2018. С. 461-483.
10. Денисов, Н. Г. Идеология и социокультурный ландшафт России: образы будущей государственности и цивилизации // Культурная жизнь Юга России. 2020. № 4 (79). С. 101-109. DOI 10.24412/2070-075X-2020-4-101-109. EDN PXFLKA.
11. Зиновьев, А. А. Я мечтаю о новом человеке // Библиотека Альдебаран. URL: https://vk.com/doc4605748_654138843?hash=3qCCxhKQBry2wFjyjqbXV22NYoePxzLvPb28iPwywmX&dl=HTBR7JqT9fGSdbKjqzZIV6bqzc8XkZ9rFW5G4Ch2WKz (дата обращения : 19.09.2025).
12. Интеллектуальный Ростов : книга дискуссий : коллективная монография / отв. Ред. В.П. Макаренко; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2014. 696 с.
13. Карбаинов, Н. И. Идеологема 1552 года в постсоветском Татарстане : версия элит и массовые представления // Власть и элиты / Гл. ред. А. В. Дука. Т. 5. СПб. : Интерсоцис, 2018. С. 211-237.
14. Келле, В. Ж. Идеология // Философский энциклопедический словарь / Гл. ред.: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 199-201.

15. Лапина, Н. Ю. Время Макрона: кто пришел к власти во Франции? // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. Т. 5. СПб. :Интерсоцис, 2018. С. 25-53.
16. Липсет, М. Политический человек : социальные основания политики / М. Липсет; пер. с англ. Е. Е Генделя, В. П. Гайдамака, А. В. Матешук. Москва : Мысль, 2016. 612 с.
17. Логинов, А. М. Идеологии политических партий современной России: общее и особенное / А. М. Логинов, А. И. Бардаков // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. Т. 14, № 5 (70). С. 1053-1062. DOI 10.35775/PSI.2025.70.5.007. EDN UMJAYB.
18. Лосев, А. Ф. Дерзание духа. М. : Политиздат, 1988. 366 с.
19. Макаренко, В. П. Главные идеологии современности. Собрание сочинений : в 5 т. / В. П. Макаренко ; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог : Издательство Южного федерального университета. Том 3: Главные идеологии современности. Кавказ как предмет концептологического анализа. Концепт колониализма. Экономика, власть и культура. Политическая теория Н. Макиавелли: интерпретация И. Берлина. 2021. 638 с. ISBN 978-5-9275-3910-9 (Т.3), DOI 10.18522/801294501
20. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 3. М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 1-4.
21. Мирясова, О. А. Путь к субъектности: формальные права, эмпауэрмент и мобилизация // Конституирование современной политики в России : институциональные проблемы / отв. ред. С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова. М. : Политическая энциклопедия, 2018. С. 193-210.
22. Москвичев, Л. Н. Теория «деидеологизации» : иллюзии и действительность : критические очерки об одной модной буржуазной концепции / Л. Н. Москвичев. М. : Мысль, 1971. 240 с.
23. Мусаелян, Л. А. К вопросу об отсутствии в России государственной идеологии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 55. С. 6-21. DOI 10.17072/1995-4190-2022-55-6-21. EDN HVJWJC.
24. Орлов, В. В. Человек, мир, мировоззрение. М. : Мол. гвардия, 1985. 220 с.
25. Пазюк, Ю. В. Идеология России в условиях противостояния Россия-Запад / Ю. В. Пазюк, В. П. Ефимова, С. Н. Осипов // Труды Института системного анализа Российской академии наук. 2023. Т. 73, № 3. С. 127-136. DOI 10.14357/20790279230313. EDN URYVPK.
26. Попова, О. В. Расколы в отношении политико-административной матрицы государственной идентичности и запрос на проект развития // Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред. С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова. - М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 210-217.
27. Путин назвал бойцов СВО элитой и золотым фондом России. URL: <https://ria.ru/20250421/putin-2012598736.html> (дата обращения: 20.05.2025).

28. Путин назвал героев СВО настоящей элитой страны. URL: <https://iz.ru/1804269/2024-12-09/putin-nazval-geroev-svo-nastoiashchei-elitoy-strany> (дата обращения: 20.05.2025).
29. Путин назвал неквасной патриотизм современной альтернативой советской идеологии. URL: <https://tass.ru/politika/25546559> (дата обращения: 05.11.2025).
30. Путин предложил альтернативу советской идеологии. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/690c10c49a7947d9057e5a93> (дата обращения: 05.11.2025).
31. Путин : Я лакец, я дагестанец, я чеченец, ингуш, русский, татарин, еврей, мордвин, осетин... URL: <https://www.kp.ru/daily/27371/4553876/> (дата обращения: 03.03.2022).
32. Римский, В. Л. Архаизация политических элит и государственного управления России // Власть и элиты / Гл. ред. А. В. Дука. Т. 5. СПб. : Интерсоцис, 2018. С. 150-179.
33. Ростова, Н. Н. О трех философских реакциях на кризис гуманизма // LogosetPraxis. 2024. Т. 23, № 3. С. 68-73. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.3.8>
34. Рубцов, А. В. Идеология в России времени постмодерна и спецоперации // Политическая концептология : журнал междисциплинарных исследований. 2023. № 1. С. 95-99. DOI 10.18522/2949-0707.2023.1.9599. EDN ZLEBIX.
35. Соловьев, С. М. Неизбежность одиночества. Варлам Шаламов и идеологическая традиция // Человек. 2012. № 3. С. 140-148. EDN PAXOOD.
36. Федье, Ф. «Мир спасет красота». В России / перевод Петра Епифанова. СПб.: JaromirHladikpress, 2020. 120 с.

REFERENCES

1. Adzhemoglu, D. Uzkiy koridor / Daron Adzhemoglu, Dzhejms A. Robinson; [perevod s anglijskogo O. Perfil'eva]. Moskva : Izdatel'stvo AST, 2021. 704 s.
2. Achkasov, V. A. Vlast' i russkij nacionalizm v sovremennoj Rossii // Vlast' i e`lity` / Gl. red. A. V. Duka. T. 5. SPb.: Intersocis, 2018. S. 180-204.
3. Babich, I. L. Severny`j Kavkaz i Moskva : religioznaya identichnost` v kontekste razvitiya grazhdanskogo obshhestva // Gosudarstvennaya nacional'naya politika Rossii : e`kspertnoe mnenie/ red. Stepanov V. V., Cherny`x A. V. Moskva: IE`A RAN, 2018. S. 139-150.
4. Berdyaev, N. A. Filosofiya neravenstva / Sostavitel' i otv. red. O. A. Platonov. M.: Institut russkoj civilizacii, 2012. 624 s.
5. Bibixin, V. V. Sobstvennost`. Filosofiya svoego. SPb. : Nauka, 2012. 536 s.
6. Bukalova, S. V., Merkulova, K. G. Demokratiya maly`x prostranstv : e`voluciya instituta mestnogo samoupravleniya v Rossii v kontekste idej A.I. Solzhenicyna // Vlast`. 2020. T. 28. № 4. S. 73-79.
7. V Minobrnauki rasskazali, kakie predmety` stanut obyazatel`ny`mi dlya studentov. URL :<https://ria.ru/20251124/predmet-2057135228.html> (data obrashheniya : 24.11.2025).

8. Volkov, Yu. G. Ideologiya dlya Rossii (osnovny`e idei gumanisticheskoy ideologii Rossii) // Bezopasnost` Evrazii. 2004. № 2 (16). S. 458-465. EDN RDPRJD.
9. Gutorov, V. A. E`lity` i obrazovanie: opy`t politiko-teoreticheskogo analiza // Vlast` i e`lity` / Gl. red. A. V. Duka. T. 5. SPb. :Intersocis, 2018. S. 461-483.
10. Denisov, N. G. Ideologiya i sociokul`turny`j landshaft Rossii: obrazy` budushhej gosudarstvennosti i civilizacii // Kul`turnaya zhizn` Yuga Rossii. 2020. № 4 (79). S. 101-109. DOI 10.24412/2070-075X-2020-4-101-109. EDN PXFLKA.
11. Zinov`ev, A. A. Ya mechtayu o novom cheloveke // Biblioteka Al`debaran. URL: https://vk.com/doc4605748_654138843?hash=3qCCxhKQBry2wFjyjqbXV22NYoePxzLvPb28iPwywmX&dl=HTBR7JqT9fGSdbKjqzZIV6bqzc8XkZ9rFW5G4Ch2WKz (data obrashheniya : 19.09.2025).
12. Intellektual`ny`j Rostov : kniga diskussij : kollektivnaya monografiya / otv. Red. V.P. Makarenko; Yuzhny`j federal`ny`j universitet. Rostov-na-Donu : Izdatel`stvo Yuzhnogo federal`nogo universiteta, 2014. 696 s.
13. Karbainov, N. I. Ideologema 1552 goda v postsovetском Tatarstane : versiya e`lit i massovy`e predstavleniya // Vlast` i e`lity` / Gl. red. A. V. Duka. T. 5. SPb. :Intersocis, 2018. S. 211-237.
14. Kelle, V. Zh. Ideologiya // Filosofskij e`nciklopedicheskij slovar` / Gl. red.: L. F. Il`ichyov, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalyov, V. G. Panov. M.: Sovetskaya e`nciklopediya, 1983. S. 199-201.
15. Lapina, N. Yu. Vremya Makrona: kto prishel k vlasti vo Francii? // Vlast` i e`lity` / Gl. red. A.V. Duka. T.5. SPb. :Intersocis, 2018. S. 25-53.
16. Lipset, M. Politicheskij chelovek : social`ny`e osnovaniya politiki / M. Lipset; per. s angl. E. E. Gendelya, V. P. Gajdamaka, A. V. Mateshuk. Moskva : My`sl`, 2016. 612 s.
17. Loginov, A. M. Ideologii politicheskix partij sovremennoj Rossii: obshhee i osobennoe / A. M. Loginov, A. I. Bardakov // Evrazijskij Soyuz: voprosy` mezhdunarodny`x otnoshenij. 2025. T. 14, № 5 (70). S. 1053-1062. DOI 10.35775/PSI.2025.70.5.007. EDN UMJAYB.
18. Losev, A. F. Derzanie duxa. M. : Politizdat, 1988. 366 s.
19. Makarenko, V. P. Glavny`e ideologii sovremennosti. Sobranie sochinenij : v 5 t. / V. P. Makarenko ; Yuzhny`j federal`ny`j universitet. Rostov-na-Donu; Taganrog : Izdatel`stvo Yuzhnogo federal`nogo universiteta. Tom 3: Glavny`e ideologii sovremennosti. Kavkaz kak predmet konceptologicheskogo analiza. Koncept kolonializma. E`konomika, vlast` i kul`tura. Politicheskaya teoriya N. Makiavelli: interpretaciya I. Berlina. 2021. 638 s. ISBN 978-5-9275-3910-9 (T. 3), DOI 10.18522/801294501.
20. Marks, K. Tezisy` o Fejerbaxe. Sochineniya / K. Marks, F. E`ngel`s. 2-e izd. T. 3. M. : Gosudarstvennoe izdatel`stvo politicheskoy literatury`, 1955. S. 1-4.

21. Miryasova, O. A. Put` k sub`ektnosti: formal`ny`e prava, e`mpaue`rment i mobilizaciya // *Konstituirovaniye sovremennoj politiki v Rossii : institucional`ny`e problemy` / otv. red. S. V. Patrushev, L. E. Filippova. M. : Politicheskaya e`nciklopediya, 2018. S. 193-210.*
22. Moskvichev, L. N. Teoriya deideologizacii : illyuzii i dejstvitel`nost` : kriticheskie ocherki ob odnoj modnoj burzhuaznoj koncepcii / L. N. Moskvichev. M. : My`sl`, 1971. 240 s.
23. Musaelyan, L. A. K voprosu ob otsutstvii v Rossii gosudarstvennoj ideologii // *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2022. № 55. S. 6-21. DOI 10.17072/1995-4190-2022-55-6-21. EDN HVJWJC.*
24. Orlov, V. V. Chelovek, mir, mirovozzrenie. M. : Mol. gvardiya, 1985. 220 s.
25. Pazyuk, Yu. V. Ideologiya Rossii v usloviyax protivostoyaniya Rossiya-Zapad / Yu. V. Pazyuk, V. P. Efimova, S. N. Osipov // *Trudy` Instituta sistemnogo analiza Rossijskoj akademii nauk. 2023. T. 73, № 3. S. 127-136. DOI 10.14357/20790279230313. EDN URYVPK.*
26. Popova, O. V. Raskoly` v otnoshenii politiko-administrativnoj matricy gosudarstvennoj identichnosti i zapros na proekt razvitiya // *Konstituirovaniye sovremennoj politiki v Rossii: institucional`ny`e problemy` / otv. red. S. V. Patrushev, L. E. Filippova. M.: Politicheskaya e`nciklopediya, 2018. S. 210-217.*
27. Putin nazval bojcov SVO e`litoj i zoloty`m fondom Rossii. URL: <https://ria.ru/20250421/putin-2012598736.html> (data obrashheniya: 20.05.2025).
28. Putin nazval geroev SVO nastoyashhej e`litoj strany`. URL: <https://iz.ru/1804269/2024-12-09/putin-nazval-geroev-svo-nastoiashchei-elitoy-strany> (data obrashheniya: 20.05.2025).
29. Putin nazval nekvasnoj patriotizm sovremennoj al`ternativoj sovetskoj ideologii. URL: <https://tass.ru/politika/25546559> (data obrashheniya: 05.11.2025).
30. Putin predlozhil al`ternativu sovetskoj ideologii. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/690c10c49a7947d9057e5a93> (data obrashheniya: 05.11.2025).
31. Putin : Ya lakecz, ya dagestanecz, ya chechenecz, ingush, russkij, tatarin, evrej, mordvin, osetin... URL: <https://www.kp.ru/daily/27371/4553876/> (data obrashheniya: 03.03.2022).
32. Rimskij, V. L. Arxaizaciya politicheskix e`lit i gosudarstvennogo upravleniya Rossii // *Vlast` i e`lity` / Gl. red. A.V.Duka. T.5. SPb. : Intersocis, 2018. S. 150-179.*
33. Rostova, N. N. O trex filosofskix reakciyax na krizis gumanizma // *LogosetPraxis. 2024. T. 23, № 3. S. 68-73. DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.3.8*
34. Rubczov, A. V. Ideologiya v Rossii vremeni postmoderna i speczoperacii // *Politicheskaya konceptologiya : zhurnal metadisciplinarny`x issledovanij. 2023. № 1. S. 95-99. DOI 10.18522/2949-0707.2023.1.9599. EDN ZLEBIX.*
35. Solov`ev, S. M. Neizbezhnost` odinochestva. Varlam Shalamov i ideologicheskaya tradiciya // *Chelovek. 2012. № 3. S. 140-148. EDN PAXOOD.*
36. Fed`e, F. «Mir spaset krasota». V Rossii / perevod Petra Epifanova. SPb.: JaromirHladikpress, 2020. 120 s.

Информация об авторе

Алексей Иванович Бардаков, доктор политических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал РАН-ХиГС, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, bardakov-ai@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1349-4997>, SPIN-код: 3796-6157, AuthorID: 269068

Information about the Author

Aleksey I. Bardakov, Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor, Associate Professor Department of Public Administration and Management, Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarin st., 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, bardakov-ai@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1349-4997>, SPIN-код: 3796-6157, AuthorID: 269068

Для цитирования: Бардаков А. И. Трансформация и элиминация каузальности идеологии в современной России // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 4 (18). С. 7-31. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N4.pdf

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

УДК 316.722

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ПАТРИОТИЗМ: НОВАЯ «МОДА НА РУССКОСТЬ» ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ¹

Елена Геннадьевна Джигилова

Государственный академический университет гуманитарных наук,
г. Москва, Российская Федерация

Кирилл Михайлович Макаренко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Анастасия Михайловна Петракова

Государственный академический университет гуманитарных наук,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья посвящена анализу феномена растущей «моды на традиционность» среди современной российской молодежи. Авторы публикации предпринимают попытку выявить ключевые сферы повседневной жизни, в которых этот тренд находит свое выражение. Значимое место отводится попытке концептуализировать понятие «традиционности» в контексте именно молодёжного восприятия. В рамках дихотомии «традиция/современность» особое внимание уделено роли гражданской идентичности как значимого фактора, влияющего на интерпретации и практики выражения традиционности.

Методология и методы. Методологической основой исследования выступает синергетический подход, объединяющий элементы символического интеракционизма и социального конструктивизма. Объединение данных подходов позволяет трактовать объект исследования как искусственно конструируемый (как политическими субъектами, так и обывателя-

¹ Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2025-0023 «Патриотизм в цифровую эпоху: механизмы формирования, трансформации и продвижения патриотических нарративов для молодежи в новых медиа и социальных сетях»).

ми, в т.ч. молодежью) и функционирующий в особом символическом пространстве. Конкретными методами исследования стали репрезентативный телефонный опрос ($n = 1200$) и три фокус-группы с представителями молодежи разных возрастных когорт.

Анализ. При сохранении значительных межпоколенческих различий в оценках важности соблюдения традиций, духовных принципов, данные исследований демонстрируют усиливающийся тренд на практику репрезентации традиционности в культуре. Формирование тренда происходит под влиянием государственных структур, которые ставят перед собой конкретные задачи: решение проблем низкой рождаемости и формирование, и укрепление гражданской идентичности. При этом традиционность не становится причиной массового формирования контркультур, а органично встраивается в молодежную повседневность, что проявляется в повышенном интересе к национальной кухне, музыке, фильмам и иным продуктам культуры.

Результаты. Промежуточные выводы исследования фиксируют наличие двойственности обозначенного тренда на «русскость». С одной стороны, она выступает как ресурс идентификации, способ выражения чего-то своего, особенного, как предмет гордости уникальностью культуры в условиях идентификационного кризиса (как попытка его преодоления). С другой стороны, часть молодых людей воспринимает этот тренд как навязанный, синтетический конструкт, не имеющий реальных исторических оснований. Такая амбивалентность отражает сложный и неоднородный характер процессов формирования и выражения традиционности в среде современной российской молодежи.

Ключевые слова: традиционные ценности, российская культура, патриотизм, молодежь, современная Россия, русскость, идентичность, национальная культура.

UDC 316.722

TRADITIONAL CULTURE AND PATRIOTISM: THE NEW «FASHION FOR RUSSIANNES» THROUGH THE EYES OF YOUTH

Elena G. Dzhilova

State Academic University of Humanities, Moscow, Russian Federation

Kirill M. Makarenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Anastasia M. Petrakova

State Academic University of Humanities, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to the analysis of the phenomenon of the growing «fashion for tradition» among modern Russian youth. The authors of the publication attempt to identify the key areas of everyday life in which this trend finds its expression. A significant

place is given to the attempt to conceptualize the concept of «tradition» in the context of youth perception. Within the framework of the «tradition/modernity» dichotomy, special attention is paid to the role of civic identity as a significant factor influencing interpretations and practices of traditional expression.

Methodology and methods. The methodological basis of the research is a synergetic approach combining elements of symbolic interactionism and social constructivism. Combining these approaches makes it possible to interpret the object of research as artificially constructed (both by political actors and by ordinary people, including young people) and functioning in a special symbolic space. The specific research methods were a representative telephone survey (n=1200) and three focus groups with youth representatives of different age cohorts.

Analysis. While maintaining significant intergenerational differences in assessments of the importance of observing traditions and spiritual principles, research data demonstrate an increasing trend towards the practice of representing traditionalism in culture. The trend is being formed under the influence of government structures that set themselves specific tasks: solving the problems of low fertility and the formation and strengthening of civic identity. At the same time, tradition does not become the reason for the mass formation of countercultures, but is organically integrated into youth everyday life, which is manifested in an increased interest in national cuisine, music, films and other cultural products.

Results. The intermediate conclusions of the study fix the existence of a duality of the indicated trend towards «Russianness». On the one hand, it acts as an identification resource, a way of expressing something special, as an object of pride in the uniqueness of culture in the context of an identification crisis (as an attempt to overcome it). On the other hand, some young people perceive this trend as an imposed, synthetic construct that has no real historical basis. This ambivalence reflects the complex and heterogeneous nature of the processes of formation and expression of traditionalism among modern Russian youth.

Keywords: traditional values, Russian culture, patriotism, youth, modern Russia, Russianness, identity, national culture.

Введение. В книге «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» С. Хантингтон пишет, что кризисы (конкретно в книге: 11 сентября 2001 г.) служат стимулом возрождения национальной принадлежности или, как автор указывает далее, «приступом патриотизма», что выражается в увеличении числа вывешиваемых государственных флагов на зданиях почт, магазинов, частных домовладений. Флаги становятся символов национальной гордости, обретают символический, почти религиозный статус [12, с. 9]. Столкновение народа с экзистенциальной проблемой продуцирует поиск ответа на вопрос «кто мы?», что приемлемо как для американской, так и для любой другой культуры, в том числе и русской.

В результате поиска ответа на данный вопрос формируется национально-государственная идентичность.

Подразумевая сложность данного концепта, мы солидарны с позицией исследователей А. Г. Саниной и А. В. Павлова, согласно которым следует выделять четыре характеристики идентичности: «1) знания о государстве в его исторической и современной перспективе (когнитивный элемент); 2) эмоциональное отношение к государству/стране/родине (эмоционально-оценочный элемент); 3) те или иные «идеальные» представления о нормах и ценностях, которые разделяют все люди как граждане государства и которые имеют для самого государства и для граждан понятную значимость (нормативно-ценностный элемент); 4) действия, в которых проявляются те или иные установки, связанные с восприятием своего места в государстве (поведенческий элемент)» [8, с. 35-36]. Тем самым, идентичность подразумевает не только ощущение себя частью какой-то социальной общности, но также разделение ценностей этой группы и формирование особых социально одобряемых моделей поведения. Идентичность, таким образом, становится не только характеристикой индивида, но и чертой, определяющей его мышление и деятельность. Уникальный набор ценностей, разделяемых в определенном социуме, определяется культурой в ее национальном и/или цивилизационном разрезе.

Известные российские социологи Ю. А. Зубок и В. И. Чупров отмечают, что культура крайне сильно подвержена индивидуальному и групповому конструированию. При этом, в результате регулярного переосмысления предыдущего опыта, изменение культуры «выстраивается на основе конкурирующих между собой смыслов и значений» [5, с. 173]. Данный тезис крайне важен в нашем исследовании, так как тренд на «русскость» сосуществует с противоположными тенденциями. Навязывание нового культурно-ценностного пространства представляется в качестве реакции на внешние вызовы, при этом восприятие новых символов может не считываться молодёжью в качестве значимых.

Если в рамках реализуемого в настоящее время политического курса использование национальных символов является одним из инструментов формирования идентичности, то для сферы реального сектора экономики это может казаться, по меньшей мере, странным, особенно в контексте существования глобальных экономических трендов, направленных на универсализм, а не уникальность, свойственную разным культурам. Однако, реальность доказывает, что элементы национальной традиционной культуры, все чаще, находят отражение в рекламе. Агентство Wainbrand Partners отмечает, что тренд на русскость является «ответом на внешние вызовы». Яркое выражение данный феномен получил в рекламных кампаниях 2025 года, особенно в проектах крупных российских брендов, индустрии моды, продуктов питания, банков и недвижимости [11]. Отражению национального культурного кода в сфере дизайна посвятила статью В. Гудкова в РБК. Автор упоминает, что «русский стиль» не только стал со временем узнаваемым, но и обретает все большую актуальность [6].

Методология и методы. В контексте данной статьи методология представлена синтезом принципов социального конструктивизма и символического интеракционизма, подразумевающих наличие особого символического пространства, конструируемого индивидами и социальными группами, в рамках которого происходит общение, обмен смыслами, формирование моделей поведения и реакций на окружающую действительность.

Особо важным представляется разобраться с целой серией дефиниций, составляющих теоретическую рамку исследования. В отношении «традиции» зачастую используется дуалистический подход, подразумевающий противопоставление изучаемого феномена с его противоположностью: «современность» / «инновации».

Как отмечает Л. Ю. Егле в отношении понятия «традиция» в современном дискурсе сложились противоположные, но довольно устойчивые представления. С одной стороны, традиция представляется в качестве устаревшей, архаичной, косной структуры, препятствующей развитию современной культуры, а с другой – фундаментальной ценностью и социальным идеалом, служащим фундаментом динамики культуры [4, с. 44].

В рамках социологического подхода традиция понимается как «механизм воспроизводства социальных институтов и норм, при котором поддержание последних обосновывается, узаконивается самим фактом их существования в прошлом» [7, с. 253]. Данный аспект представляется нам крайне важным, особенно в контексте кризисов идентичности, которые актуализируют вопросы национальной (в т.ч. исторической) гордости.

Считаем важным отметить выводы, обозначенные в статье Л. Ю. Егле в отношении традиции и фиксирующие ключевые смыслы категории: «во-первых, это её процессуальный характер (от поколения к поколению, от прошлого к настоящему); во-вторых, её субстанциональный аспект (обычаи, обряды, нормы, ритуалы, каноны); в-третьих, «техники» её функционирования (устная передача, образовательная система, средства массовой информации)» [4, с. 49]. Тем самым, традиция формируется и воспроизводится в социальной памяти общества. Ключевыми являются образы, которые закрепляются в деятельности институтов и наслаиваются на массовое сознание граждан. В молодежной субкультуре нередко проявляются тенденция к интеграции современных трендов в повседневную жизнь. В этом контексте нас интересует вопрос, а могут ли «традиции» стать модными для молодежи в современной России? Как будут считываться эти «традиции», в чем проявляться и какой смысл нести?

Значимой аналитической задачей представляется проведение демаркационной линии между следующими терминами: «традиционная культура», «народная культура», «русскость». В ракурсе данного исследования под традиционной культурой мы будем понимать совокупность устоявшихся обычаев, ритуалов и норм, имеющих историческое происхождение и регулярно воспроизводимый их характер передачи. Народная культура, в свою очередь, представляется в качестве значимого элемента традиционной культуры, отражающейся в языке, фольклоре, одежде, кухне. Русскость представляется в качестве социального кон-

структа, структурно объединяющего элементы традиционной и народной культуры и репрезентирующего их в соответствии с запросами социальных общностей на формирование идентичности. Тем самым, русскость – это форма выражения традиции в современном российском обществе.

А. С. Тимощук в диссертации на соискание степени доктора философских наук констатирует, что «Ядро традиционной культуры имеет аксиологический характер. Ценности формируют социальные установки, мотивационную сферу, отношение к миру, когнитивные эталоны, стереотипы сознания, национальный характер» [9, с. 9]. В контексте данной статьи представленный тезис имеет большое значение, так как современный государственный дискурс прямо увязывает эти смыслы соединенные воедино посредством формулировки «традиционные духовно-нравственные ценности», а молодежь осознанно или нет, но воспроизводит их в ходе коммуникации как между собой, так и с внешним миром.

В рамках реализации научного проекта «Патриотизм в цифровую эпоху: механизмы формирования, трансформации и продвижения патриотических нарративов для молодежи в новых медиа и социальных сетях» при непосредственном участии авторов данной публикации было проведено комплексное: количественное (репрезентативный телефонный опрос молодежи) и качественное (3 фокус группы с представителями разных возрастных когорт молодежи) исследование.

Анализ. Результаты опроса аналитического центра ВЦИОМ, проведенного в декабре 2023 года, на вопрос «Вы согласны или не согласны со следующим суждением: «Важно всегда следовать традиционным духовным принципам, даже если они противоречат современной реальности?» показывают следующие результаты [10].

Таблица 1 – Результаты ответа на вопрос «Вы согласны или не согласны со следующим суждением: «Важно всегда следовать традиционным духовным принципам, даже если они противоречат современной реальности?»», представленные в разрезе возрастных когорт молодежи (по данным ВЦИОМ [10])

	Все опрошенные	18-24 года	25-34 года
Скорее согласен	65	44	49
Скорее не согласен	25	53	40
Затрудняюсь ответить	10	3	11

Как мы можем убедиться, результаты ответов молодежи существенно отличаются от средних оценок по генеральной совокупности опрошенных. Безусловно, молодежи свойственно в большей степени следовать трендам, формировать мейнстримное поведение и быть более современными. Однако, в 2025 году все заметнее проявляется тренд на традици-

онную национальную культуру и то, что ранее считалось «клюквой», устарелым и неискренним, становится популярным и воспроизводимым.

В исследовании Н. В. Дулиной и ее соавторов на основе опроса 9751 студентов вузов РФ отмечается, что 78,2 % респондентов считают важным сохранение национальной культуры [3, с. 69]. Также в статье выделяются конкретные проявления сохранения народной культуры. Не ставя перед собой задачу отражения всех результатов по данному вопросу, представим наиболее популярные по ответам респондентов позиции.

**Таблица 2 – Распределение проявлений отношения к национальной культуре
(по данным статьи Н. В. Дулиной и др. [3, с. 71])**

№	Вы лично	Мать, отец	Бабушка, дедушка
1	Учат и пользуются родным языком в повседневности	Готовят блюда национальной кухни	Уважают и соблюдают народные обычаи
2	Читают литературу на родном языке	Учат и пользуются родным языком в повседневности	Готовят блюда национальной кухни
3	Готовят блюда национальной кухни	Читают литературу на родном языке	Учат и пользуются родным языком в повседневности
4	Уважают и соблюдают народные обычаи	Уважают и соблюдают народные обычаи	Читают литературу на родном языке
5	Слушают национальную музыку	Воспитывают детей в традициях своего народа	Знают и поют народные песни

В топе наиболее популярных проявлений национальной культуры у представителей всех поколений представлены разные аспекты жизни: начиная от национальной кухни, заканчивая народной музыкой.

И. А. Груздев и С. В. Старцев отмечали, что ренессанс традиционных ценностей в современной России обусловлен потребностью в решении «конкретных социальных проблем: низкой рождаемости, оттока специалистов из национального рынка труда. Главная цель этого консервативного поворота – поиск объединяющей идеи и коллективной идентичности, которые смогли бы солидаризировать российское общество и отличить политический проект России от проектов других стран» [2, с. 71]. Данный тезис вызывает особый интерес, так как он придает ценностным основаниям конкретно ориентированный, практический характер, что подчеркивает их важность и своевременность.

В конце статьи авторы пишут, что тренд на традиционные ценности не единственный, который проявляется у современной российской молодежи. Параллельно с ним сосуществует тенденция на индивидуализм: карьера, личный успех, признание. Исследователи указывают, что подобное сочетание традиционных и современных ценностей создает уникальный культурный ландшафт, где «индивидуальные стремления не полностью вытесняют коллекти-

вистские установки» [2, с. 85]. Тем самым проявляется эклектизм политического (и шире – социального) сознания молодежи, когда сосуществует разновекторные (а зачастую и противоположно направленные) тренды. При этом сочетание коллективистских и индивидуалистических культурных кодов представляется известному российскому экономисту, декану экономического факультета МГУ А. А. Аузану в качестве одной из ключевых характеристик России, или как он сам отметил: «двухъядерная культура – это цивилизационная характеристика». Разнонаправленные векторы работают парадоксальным образом, создавая как препоны для экономического развития, так и пространство для решения сложнейших проблем, требующих включения и индивидуализма, и коллективизма [1]. Частично данная логика проявляется и в разделении молодежью ценностей традиционного и современного толка.

Результаты исследования, проведенного при непосредственном участии авторов, частично дополняют представленные выше выводы. В сентябре 2025 года было проведено 3 фокус группы с представителями разных возрастов (16-22 года, 23-29 лет, 30-35 лет) молодежи России. Основываясь на высказываниях информантов и соотнося данные с результатами репрезентативного телефонного опроса молодежи России, удалось прийти к ряду выводов.

Тренды на традиционную русскую культуру, на «русскость» становятся значимым явлением молодежной культуры. Особо заметными они становятся в музыке, одежде, кухне. Это вызывает преимущественно положительный эмоциональный отклик у участников фокус-групп, затрагивая тему культурных традиций и связи поколений.

«Считаю, что это хороший тренд. Мы должны понимать, кто мы вообще есть, где мы родились, и поддерживать наши русские традиции, это красиво в любом случае. Если девушек брать там, ну, вот эту вот, моду на одежду» (фокус-группа, 23-29 лет).

«Песни, которые слушали наши отцы, матери, они присутствуют сейчас, в наше время» (фокус-группа, 23-29 лет).

Солидаризация в вопросах традиций и их репрезентации в современной культуре становятся одним из факторов формирования/закрепления гражданской идентичности.

Вирусные форматы распространения такого контента у одних создают ощущение его повсеместности, они сами охотно включаются в репликацию: *«я человек, который сидит каждый день в ТикТоке, я это вижу постоянно, уже сама это пою и слушаю»*. У других – тренд не сформировался как массовое явление. Они предпочитают другой контент и те же самые ролики встречаются в их ленте эпизодически, либо вовсе не появляются: *«у нас другой вайб»*.

«Это искусственный форс, просто таргет, мем и всё» (фокус-группа, 16-22 года).

Интерпретация явления двойственна. С одной стороны, это объясняется искренним проявлением возврата к корням и объединяющим смыслам, с другой – как целенаправленная

маркетинговая или идеологическая манипуляция, и такие подозрения отталкивают часть молодежи.

«Как таковые песни я особо никогда не слушал и никогда их не выключал. Но они всегда сопровождаются каким-то позитивным настроением, после них какая-то такая легкость на душе, что ли» (фокус-группа, 16-22 года).

«Может быть, людям просто чего-то хочется такого душевного. И это, мне кажется, просто завирусилось как-то в социальных сетях. Сейчас, наверное, это просто такой тренд» (фокус-группа, 23-29 лет).

«Может быть, это искусственно созданный хайп, чтобы, как бы, показать русскому народу, что, вот, у нас тоже в России есть. Давайте вспомним, как мы раньше жили, чтобы как-то скрепить народ» (фокус-группа, 23-29 лет).

«Вся эта тенденция вызывает определённые не очень приятные чувства, потому что кажется, что это куплено специально, сделано специально, но, с другой стороны, это интересно» (фокус-группа, 16-22 года).

Мотивация интереса к контенту с национальным колоритом у участников фокус-групп:

- Эстетика и красота. Традиционная одежда, костюмы и танцы воспринимаются как визуально привлекательные и «свои».
- Ностальгия по детству, преемственность поколений: *«возвращает нас в детство, что-то такое родное, потому что наши родители, в основном, эти песни слушали: Кадышеву, Буланову».*
- Гордость за прошлое, желание сохранить культурные коды и идентичность, затерянные в период ориентации на внешние культуры.
- Усталость от однотипного контента, потребность в смысловой наполненности, «душевности»: *«3-4 слова – и вся песня, просто зарифмуют слова, а о чём она, про что?».*
- Устойчивое позитивное восприятие, основанное на личном опыте участия (народные танцы, песни): *«я сама русскими народными танцами занималась раньше, я вообще люблю такое».*
- Мода, эффект подражания: *«все слушают – надо тоже послушать».*

«Мне вообще нравится этот стиль – и красивый, и необычный, и, вроде бы, свой. И я очень часто замечаю, когда люди на улице ходят в такой одежде, много всяких ресторанов и культурных, национальных, тоже под стиль» (фокус-группа, 16-22 года).

«Это возвращение нас к своим истокам. Большое количество лет мы хотели гнаться за кем-то. За Америкой, за Европой хотели угнаться, быть похожими на них. И как будто бы, растеряли свою целостность» (фокус-группа, 23-29 лет).

В выражениях молодежи явно фиксируется желание выделить уникальность своей культуры. Вопрос выбора моды и музыки в высказываниях информантов приобретает выра-

женный идентификационный и политический характер, когда следование за чужими трендами считается как нечто отрицательное. Тем самым, актуализируется поиск своего собственного, особого, в том числе, в историческом культурном прошлом.

Несмотря на то, что молодежь является единой социальной группой, определяемой на основе общих критериев, мы фиксируем отличия в восприятии тренда на «русскость» по возрастным когортам.

- **16-22 года:** от эмоционального положительного отклика до полного отсутствия интереса. Тренд цепляет прежде всего визуально (костюмы, стилизация, короткие ролики). Есть запрос на искренность и органичность контента, инфлюенсера. Коммерческие проекты интереса не вызывают, либо вызывают отторжение.

- **23-29 лет:** воспринимается как стремление к скреплению нации, присутствует эмоциональная отдача и готовность к репликации. Не проявляют скепсиса к коммерциализации трендов.

- **30-35 лет:** тренд часто интерпретируют в контексте культурной политики и преемственности. Смысловая наполненность и качество исполнения традиционных жанров воспринимаются как достоинство, способное привлекать разные поколения.

«**Все новое – хорошо забытое старое**». Феномен Н. Кадышевой не уникален, новый виток популярности отмечается у творчества Т. Булановой, группы «Любэ» и «Комбинация». Современные исполнители подхватывают тренды, опираются в своем творчестве на то, что было сделано до них: делают каверы, исполняют песни на родных языках и т.д. Попытки реанимировать эстетику прошлого органично вплетаются в ткань обсуждения предметов гордости. Достижения тех времен кажутся молодежи более осязаемыми и эмоционально значимыми, чем современные успехи. Поэтому тренд на традиционную культуру, вероятно, сохранится, но конкретные авторы и форматы будут сменять друг друга быстро.

«Молодёжи сложно гордиться чем-то в настоящем, какую-нибудь программу новую создали, что-нибудь там разработали. Этим сложно гордиться в моменте. Но, при этом мы гордимся, чем-то что сделал наш народ лет ещё 30-40 назад» (фокус-группа, 16-22 года).

Таким образом, ренессанс традиционной культуры является реальным явлением российского общества. В среде молодежи он считается в контексте поиска культурных корней в условиях идентификационного кризиса. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров в статье 2018 года отмечали, что ценностное отношение молодежи к культуре имеет свойство меняться в зависимости от внешних условий. Стабильность продуцирует терминальное значение культуры, а условия риска – инструментальное. Интерес вызывает то, что в качестве инструментальной ценности культуры в рискогенных условиях выделялись, прежде всего, «эстрадная музыка», «интернет-культура», «литература, поэзия» (60 %, 46,5 %, 43,8 % соответственно) [5, с. 187].

Как мы можем убедиться, именно эстрадная музыка и интернет-культура являются драйверами единения молодежи в современных кризисных условиях.

Мода на «русскость» является сложным комплексным феноменом, имеющим амбивалентную основу. С одной стороны, такой тренд отражает реальный запрос молодежи на формирование и выражение позитивной идентичности, закрепление «душевности» и особенности русского народа в диспозиции глобальному контенту. С другой – представляется политическим инструментом, используемым для формирования национальной солидарности и общего ценностного пространства. Устойчивость обозначившегося тренда будет определяться соотношением искренности культурных проявлений (которая представляется крайне важной для молодежи) и политико-коммерческой инструментализацией (ради получения символического или финансового капитала).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аузан, А. А. Культурные коды экономики: почему в России существуют две страны // Forbes. 04.11.2021. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/443291-kul-turnye-kody-ekonomiki-pocemu-v-rossii-susestvuut-dve-raznye-strany> (дата обращения: 20.10.2025).
2. Груздев, И. А. Ренессанс традиции: рецепция активной молодежью России традиционных ценностей / И. А. Груздев, С. В. Старцев // Patria. 2024. Т. 1. № 1. С. 71-91.
3. Дулина, Н. В. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи / Н. В. Дулина, В. А. Мансуров, Е. И. Пронина, Г. С. Широкалова, Д. В. Шкурин, П. С. Юрьев // Научный результат. Социология и управление. 2022. № 3. С. 61-78.
4. Егле, Л. Ю. Традиционная культура: основные подходы к исследованию // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 29-2. С. 43-50.
5. Зубок Ю. А. Культура в жизни молодёжи: потребность, интерес, ценность / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Социология молодёжи. 2018. № 4. Т. 9. С. 170-191.
6. Как российские дизайнеры интерпретируют национальный культурный код // РБК 05.11.2024. URL: <https://style.rbc.ru/industry/671fb3c69a7947175d47643f> (дата обращения: 15.10.2025).
7. Левада, Ю. Традиция // Философская энцикл.: в 5 т. М., 1970. Т. 5.
8. Санина, А. Г. Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы / А. Г. Санина, А. В. Павлов // Управленческое консультирование. 2015. № 9 (81). С. 30-40.
9. Тимощук, А. С. Традиционная культура: сущность и существование // автореф. дис. ... д. филос. н., 24.00.01. Нижний Новгород, 2007. 46 с.
10. Традиции в эпоху перемен. ВЦИОМ URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 02.11.2025).

11. Тренд на русскость: PR, реклама и культурные изменения URL: https://www.cossa.ru/wainbrand_partners/338389/ (дата обращения: 10.10.2025)

12. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон; Пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. 635 с.

REFERENCES

1. Auzan, A.A. Kul'turny'e kody` e`konomiki: pochemu v Rossii sushhestvuyut dve strany` // Forbes. 04.11.2021 URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/443291-kul-turnye-kody-ekonomiki-pocemu-v-rossii-susestvuyut-dve-raznye-strany> (Accessed 20.10.2025).

2. Gruzdev, I. A. Renessans tradicii: recepciya aktivnoj molodezh`yu Rossii tradicionny`x cennostej / I. A. Gruzdev, S. V. Starcev // Patria. 2024. T. 1. №1. Pp. 71-91.

3. Dulina, N. V. Narodnaya kul'tura v ocenках rossijskoj studencheskoj molodezhi / N. V. Dulina, V. A. Mansurov, E. I. Pronina, G. S. Shirokalova, D. V. Shkurin, P. S. Yur`ev // Nauchny`j rezul'tat. Sociologiya i upravlenie. 2022. №3. Pp. 61-78.

4. Egle, L. Yu. Tradicionnaya kul'tura: osnovny`e podxody` k issledovaniyu // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury` i iskusstv. 2014. № 29-2. Pp. 43-50.

5. Zubok Yu. A. Kul'tura v zhizni molodyozhi: potrebnost`, interes, cennost` / Yu. A. Zubok, V. I. Chuprov // Sociologiya molodyozhi. 2018. № 4. T. 9. Pp. 170-191.

6. Kak rossijskie dizajnery` interpretiruyut nacional`ny`j kul'turny`j kod // RBK 05.11.2024. URL: <https://style.rbc.ru/industry/671fb3c69a7947175d47643f> (Accessed 15.10.2025)

7. Levada, Yu. Tradiciya // Filosofskaya e`ncikl.: v 5 t. M. 1970. T. 5.

8. Sanina, A. G. Gosudarstvennaya identichnost`: sodержание ponyatiya i postanovka problemy` / A. G. Sanina, A. V. Pavlov // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2015. № 9 (81). Pp. 30-40.

9. Timoshhuk, A. S. Tradicionnaya kul'tura: sushhnost` i sushhestvovanie // avtoref. dis. D. filos. n., 24.00.01. Nizhnij Novgorod. 2007. 46 p.

10. Tradicii v e`poxu peremen. VCIOM URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen?utm_source=chatgpt.com (Accessed 02.11.2025).

11. Trend na russkost`: PR, reklama i kul'turny`e izmeneniya URL: https://www.cossa.ru/wainbrand_partners/338389/ (data obrashheniya: 10.10.2025)

12. Xantington, S. Kto my`? Vy`zovy` amerikanskoj nacional`noj identichnosti / S. Xantington; Per. s angl. A. Bashkirova. M.: ООО «Izdatel'stvo ACT»: ООО «Tranzitkniga». 2004. 635 p.

Информация об авторах

Елена Геннадьевна Джибилова, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, НИУ Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Мароновский переулок, 26, 119049, г. Москва, Российская Федерация, egdjibilova@gaugn.ru, AuthorID: 858998.

Кирилл Михайлович Макаренко, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет (ВолГУ), просп. Университетский, 100, 400062, г. Волгоград, Российская Федерация, Makarenko_km@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1161-5719>, SPIN-код: 4247-5293, AuthorID: 903952.

Анастасия Михайловна Петракова, научный сотрудник, НИУ Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Мароновский переулок, 26, 119049, г. Москва, Российская Федерация, info@gaugn.ru.

Information about Authors

Elena G. Djibilova, Candidate of Sociological Science, Leading Research Fellow, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Maronovsky per., 26, 119049 Moscow, Russian Federation, egdjibilova@gaugn.ru, AuthorID: 858998.

Kirill M. Makarenko, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, Makarenko_km@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1161-5719>, SPIN-code: 4247-5293, AuthorID: 903952.

Anastasia M. Petrakova, Research Fellow, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Maronovsky per., 26, 119049 Moscow, Russian Federation, info@gaugn.ru.

Для цитирования: Джибилова Е. Г. Традиционная культура и патриотизм: новая «мода на русскость» глазами молодежи / Е. Г. Джибилова, К. М. Макаренко, А. М. Петракова // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 4 (18). С. 32-44. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N4.pdf

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ И ДЕЛОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

INTERCULTURAL AND BUSINESS COMMUNICATION

УДК 004.8:378

ГЕНЕРАТИВНЫЕ НЕЙРОСЕТИ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ: ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ

Екатерина Владимировна Степанова

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,

г. Волгоград, Российская Федерация

Айгуль Сейдилдаевна Абилдаева

Таразский университет имени М. Х. Дулати, г. Тараз, Республика Казахстан

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются возможности и ограничения применения искусственного интеллекта (ИИ) в образовательном процессе в сфере преподавания иностранных языков.

Методы. В исследовании применяется анализ актуальных практик и стандартов использования ИИ в вузах России и Казахстана, обзор специализированных AI-инструментов, изучаются системы данных эмпирических исследований в области цифровой дидактики.

Результаты. Были определены основные преимущества ИИ, в том числе автоматизация рутинных задач, персонализированное обучение, генерация учебных материалов. Проанализированы основные риски, включающие угрозы академической честности, снижение умственной нагрузки студентов, формирование «иллюзии компетентности», недостоверность данных, правовые и этические вызовы, был представлен обзор AI-инструментов, используемых для формирования языковых компетенций. Предлагаются пути интеграции ИИ через инновационные формы оценивания и повышение цифровой грамотности преподавате-

лей. Особое внимание уделяется инструментам Speechify и ElevenLabs для развития языковых навыков.

Заключение. Делается вывод о необходимости сбалансированного подхода, сочетающего педагогические инновации с сохранением интеллектуальной самостоятельности студентов; авторы предлагают пути интеграции технологий в обучение, в частности с помощью разработки уникальных заданий, устойчивых к автоматической обработке и повышение цифровой грамотности преподавателей, применение ИИ при обязательной проверке студенческих работ.

Ключевые слова: генеративные нейросети, методы обучения, цифровая дидактика, генеративные модели, академическая честность, нейросетевые технологии в лингвистике.

UDC 004.8:378

GENERATIVE NEURAL NETWORKS IN HIGHER EDUCATION: DIDACTIC POTENTIAL AND ETHICAL DILEMMAS

Ekaterina V. Stepanova

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA,

Volgograd, Russian Federation

Aigul S. Abildayeva

M. Kh. Dulaty Taraz University, Taraz, Republic of Kazakhstan

Abstract. Introduction. This paper examines the uses, potential, and limitations of artificial intelligence (AI) in education, with a focus on foreign language teaching.

Methods. The study analyzes current practices and standards for using AI in universities in Russia and Kazakhstan, reviews specialized AI tools, and examines data systems from empirical research in digital didactics.

Results. The key benefits of AI were identified, including the automation of routine tasks, personalized learning, and the generation of educational materials. Key risks were analyzed, including threats to academic integrity, reduced student mental workload, the development of an «illusion of competence», data unreliability, and legal and ethical challenges. An overview of AI tools used to develop language competencies was presented. Ways to integrate AI through innovative assessment forms and improving the digital literacy of teachers are proposed. Particular attention is paid to the Speechify and ElevenLabs tools for developing language skills.

Conclusion. The authors conclude that a balanced approach is needed, combining pedagogical innovation with the preservation of students' intellectual independence. The authors propose ways to integrate technology into education, particularly through the development of unique as-

signments resistant to automated processing, improving teachers' digital literacy, and the use of AI in mandatory assessment of student work.

Keywords: Generative Neural Networks, Teaching Methods, Digital Didactics, Generative Language Models, Academic Integrity, Neural Network Technologies in Linguistics.

Introduction. Artificial intelligence (AI) has evolved significantly and at the current stage of development it is mainly associated with neural networks and deep learning. Generative neural networks are deep learning models optimized to approximate the probability distribution of a given dataset in order to synthesize new data with similar statistical properties through methods such as backpropagation and adversarial training” [6]. The potential of AI is particularly evident in foreign language teaching, as a means of pronunciation practicing and vocabulary expansion. Despite the fact that there are obvious advantages, the widespread use of AI might cause challenges in the education sphere, as it threatens academic integrity and causes risk of demotivating students from self-sufficient intellectual work. It also has issues with reliability and legal regulation. This article examines the contradictory aspects of AI application in education, analyzes specific tools in foreign language teaching, and proposes ways to balance the integration of technologies in order to minimize associated risks.

Methods. The methodological basis of the study is an analysis of existing practices, academic approaches, method of interpretation of isolated regulations of universities in Russia and Kazakhstan; empirical data on the implementation of AI in educational institutions and the effectiveness of adaptive platforms. The classification method was applied for AI tools functional analysis by category used for adaptive learning, language modeling, generative systems, etc.

Discussion and Results. To get the most out of technology while avoiding associated risks, a balance between using AI and interacting with a teacher should be maintained when learning foreign languages. Key areas of AI application in the field of teaching include speech recognition to improve pronunciation, practice phonetics and diagnose errors, spell checking and suggesting corrections, chatbots to develop speaking skills to increase fluency and confidence in communication [3; 9]. Common applications include grammar correctors that correct syntax errors; online games and applications to expand vocabulary, as well as personalized learning systems that adapt materials to students' interests, including aspects of culture and literature. Interactive dictionaries instantly translate words, making it easier to read literature in a foreign language, image and video generators help to better memorize vocabulary from these texts. According to a study by the National Research University Higher School of Economics, about two-thirds of the surveyed Russian institutions are using generative neural networks in test mode; most respondents apply the technology together with different digital communication services, such as Internet of Things and other technologies [5].

Currently, some universities in Russia and Kazakhstan allow their students to use neural networks as a tool for contextual analysis, selection of ideas and materials, for completing educa-

tional and research assignments for writing academic and scientific papers. At the same time, the generated data must be confirmed and supplemented by personal reasoning, processed information and independent conclusions, as well as other reliable sources. At the same time, students must process the information themselves. Some universities create local regulations that fix the permissible amount of information generated by a neural network, for example, no more than 35-45% in final scientific qualification works of students in higher education programs [6].

At the same time, these decisions are isolated and are not numerous in Russia and Kazakhstan, where in most cases the attitude towards generative neural networks remain ambiguous and wary. Firstly, morality and ethics in the use of AI leads to many university professors being cautiously optimistic about the technology. For example, Microsoft laid off 10% of its employees in early 2025 because their work was taken over by artificial intelligence. In addition, there are legal gaps in the area of liability of artificial intelligence for failures in the digital environment that have led to serious consequences. The problem of academic dishonesty in the context of the spread of artificial intelligence technologies remains quite acute. Modern advances in artificial intelligence, in particular the development of generative language models such as ChatGPT, pose serious challenges to the education system, since they provide students with tools to minimize intellectual effort when performing academic and research tasks. Instead of deeply analyzing the educational material, independently formulating thoughts and developing critical thinking, students delegate a significant part of work load to artificial intelligence. This leads to the fact that students are not able to develop critical competencies and skills [4].

The situation requires a fundamental transformation of the educational process, within the framework of which traditional methods of knowledge assessment require revision. One of the most pressing problems is the substitution of independent work with automated text generation. Modern neural network models are capable of generating scientific educational papers in a matter of seconds, writing essays, imitating the style and logic of human presentation. As a result, students, instead of mastering the discipline, limit themselves to superficial interaction with the content, without developing the skills of analysis, synthesis and argumentation, which creates the illusion of competence, while the real level of understanding of the subject remains low, which is proven by an oral survey of students on the generated materials presented by them [10; 11; 2].

Moreover, the widespread use of generative neural networks in the educational process contributes to the devaluation of academic integrity. Previously, plagiarism and cheating required minimal effort, including searching for completed works, manual copying of individual parts that were suitable in meaning, structure or topic. Currently, generating a unique text is becoming a trivial task; at this stage of development, anti-plagiarism systems are not always able to reliably determine whether the text was written by a person or generated by an algorithm, which complicates the fight against such practices [1]. The cognitive consequences of students' dependence on artificial intelligence require special attention, since a decrease in the level of independent intellectual activity

leads to deterioration in the skills of logical thinking, argumentation and creative problem solving in the learning process. In the long term, these trends can lead to the formation of a generation of specialists incapable of independent analytical work [7].

At the same time, artificial intelligence has become part of the modern life of students and teachers. Recognizing this fact, it is necessary to develop effective methods for using this technology in professional practice. The application of generative neural networks by educators in the study process might be made more complicated due to insufficient competence of the faculty members in technical area as well as low practical experience, which can be explained by the fact that the average age of an educator both in Russia and Kazakhstan is over 45 years. However, it should be noted that teachers and lecturers have sufficient skills in working with information technology in general and can adopt skills in working with AI, thanks to a simple interface and convenience. Modern research in the field of digital didactics reveals a significant transformation of the homework process under the influence of generative AI systems: there is a stable tendency to minimize the independent cognitive activity of students when preparing academic papers. In the course of an experimental study, it was found that when formulating a written assignment with a detailed problem situation, the degree of automation of the solution using AI reaches 78-92 % (according to monitoring data) [8].

In the context of the educational process, a methodological dilemma arises: the integrative approach involves legitimizing the use of generative neural networks as a tool for primary data collection with mandatory subsequent critical processing and verification of data by the student, while the restrictive approach is based on the development of special types of tasks that are resistant to automated processing. Such tasks may include ones with limited initial information which is lower than the sensitivity threshold of language models. An opposite option is hyper-detailed cases which are above the factual capacities of neural networks when it comes down to interrelated parameters analyses. However, the compilation and verification of these tasks requires the formation of appropriate competencies of teachers. Experimental data demonstrate that modern generative models have such limitations as low reliability of factual verification, since they generate plausible, but actually unreliable information when processing specialized requests, as well as limited relevance of the knowledge base; in most publicly available models, data updating has been discontinued for 2022. In some cases, these limitations create a natural mechanism for teachers to identify automatically generated works. However, it should be taken into account that the dynamics of the development of neural network technologies (according to arXiv.org, 2024) suggests overcoming these limitations in the medium term, which requires the advanced development of new pedagogical strategies for assessing students' independent work.

Modern foreign language didactics has specialized software solutions that have proven their effectiveness in empirical studies. The analysis allows us to classify the most popular platforms into the following functional categories: adaptive learning, audiolingual, modeling languages, and gen-

erative educational systems. Adaptive learning platforms such as Duolingo and Character.ai use dialog agent technology to practice speaking skills with imitation accuracy and provide a 34% increase in vocabulary with regular use (study by Vesselinov & Grego, 2022).

Language modeling systems include Grammarly, Quillbot, DeepL, which provide multi-level text processing, including paraphrase, stylistic adaptation, contextual translation with an accuracy of up to 76 %, designed to automatically improve the text, preserving its meaning and context. Neural networks and natural language processing algorithms are used in the system, offering alternative versions of phrases, sentences and paragraphs, improve the structure of the text, correct grammatical errors and improve literacy (MLA, 2023). Grammarly demonstrates 89 % efficiency in correcting grammatical, punctuation and syntactic errors in writing (study by Dembsey, 2023). The methodological application of Questgen.ai, in particular, confirms its effectiveness in the formation of criterion-oriented tests and the development of cognitive reading strategies. It is possible to use this tool to automate the control of vocabulary acquisition. Speechify, ElevenLabs audio-lingual platforms for converting text to speech use artificial intelligence and natural language processing to convert written text into natural-sounding audio. Thanks to AI technologies, the text reflects natural patterns of human speech, resulting in increased realism, which increases the effectiveness of students' perception of audio texts by 42 % and allows you to create authentic phonetic exercises taking into account 58 dialect variants. These tools can also be used for listening and pronunciation. In addition, educators can boost presentation options by uploading academic materials, texts, lectures, and accompany them with system voices with natural intonation (text-to-speech). This tool is especially convenient for distance learning, since students can listen to the text while simultaneously following its written version, which improves the connection between the graphic and phonetic forms of the word (dual coding effect).

Audio-lingual platforms can be used for pronunciation training with the ability to slow down / speed up speech to adapt the material to the level of students and compare their own pronunciation with the standard. Another promising area of using AI platforms is adaptive reading to support students with dyslexia or other disabilities. Voice-over of texts reduces the cognitive load when reading (study by Logacev et al., 2023). Converting PDF articles to audio format allows you to work through the material outside the classroom, for example, while traveling). Generation of educational dialogues by ElevenLabs using neural network voice synthesis provides opportunities for personalized audio cases. It is possible to upload the dialogue text and select a voice with accent accentuations (British and American English for comparing accents) or generate an authentic conversation and real situations between native speakers on a selected professional topic (psychology, medicine, law, engineering). In foreign language classes, interactive tasks types using generative neural network systems might be based on such tasks as listening and answering questions, generating several versions of one text with changing vocabulary, stylistic features or structure to check understanding. Another option is creation and checking questions in voice format, when a dialogue system with

students answering orally is simulated. These tasks may be especially relevant in preparation for exams (IELTS, TOEFL) when training the Listening section, since it is possible to simulate exam recordings with different voices and speech speeds, as well as a Speaking simulator, in which the examiner's questions are synthesized, the student's answer is recorded and sent to the teacher for checking.

An interesting technique can be the combined use of technologies, such as Speechify and ElevenLabs, for creative projects and preparing test materials. The teacher creates an audio test in ElevenLabs (for example, a lecture with «errors»), students mark inaccuracies using the transcription in Speechify. These technologies allow you to personalize learning to the level of the group, create authentic materials without searching for native speakers, and automate routine tasks of generating and checking materials. The use of AI speeds up the creation of educational text material, the teacher independently writes one text, and AI will create several texts based on the proposed sample or structure. Models for paraphrasing text material can be used to increase students' vocabulary [11].

A promising direction is the integration of these platforms into blended learning models, which is confirmed by OECD research (2023) on a 28 % increase in the effectiveness of the educational process with a competent combination of digital and traditional methods [8]. However, when teaching AI, tools can only serve as a supplement to traditional methods, including live discussions and written work. To minimize negative consequences, it is necessary to adapt educational approaches. A possible solution would be to move from reproductive tasks, such as essays and summaries, to tasks that require critical thinking and personal interpretation of students' material. It is also necessary to work on forming a conscious attitude towards technology in students, emphasizing the importance of independent work, which will be supported by the introduction of effective tutoring systems capable of monitoring the use of AI.

Conclusion. The integration of artificial intelligence into the educational process, especially in linguistics, is an objective and irreversible trend that carries both significant didactic potential and significant risks for the development of critical competencies. Although AI and generative neural networks provide powerful tools for optimizing learning, its incorrect use threatens academic integrity and reduces the quality of education. To maintain a balance between technological progress and the intellectual development of students, a systematic approach is needed that combines pedagogical innovations with increased control over the independence of work. The current stage of development of educational technologies is characterized by a temporary «window of opportunity» when the natural limitations of AI systems in general and generative neural networks in particular allow maintaining the effectiveness of traditional control methods, but already require the development of fundamentally new approaches to the design of educational tasks in the context of total digitalization of cognitive processes. The conducted study allows to conclude that the use of artificial intelligence in the educational process is characterized by dialectical duality: on the one hand, de-

spite the obvious benefits of automating routine processes, serious risks arise: algorithms operating on incomplete data and according to unclear rules create a security threat in a legal vacuum (prevention of professional burnout of teachers), the possibility of adaptive learning and the generation of educational content. To minimize the negative consequences and optimize the integration of AI technologies into educational practice, it is necessary to develop new assessment forms resistant to automated processing. Secondly, systematical improvement of digital competences of the faculty members should be organized using further education courses covering functional limitations of AI systems, architectural features and generative neural networks. Thirdly, purposefully use the technological capabilities of AI to create high-quality didactic materials and personalize the process of teaching foreign languages, which in the long term will contribute to the professional development of teachers and increase the effectiveness of the educational process in higher education.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Иванов, П. С. Перспективы применения нейросетевых технологий в обучении английскому языку // Методика преподавания иностранного языка. 2022. № 1. С. 12-18.
2. Сидорова, И. В. Искусственный интеллект как инструмент преподавания английского языка в цифровую эпоху // Иностранные языки в школе. 2021. № 6. С. 25-30.
3. Cotton, D. R. et al. ChatGPT and Assessment: Is Detection Working? *Assessment & Evaluation in Higher Education*, 48 (5), 1-14, 2023. DOI: 10.1080/02602938.2023.2241676.
4. Dembsey, J. M. Grammarly's effectiveness in improving EFL writing. *Computer Assisted Language Learning*, 36 (2), 145-167, 2023.
5. Deng, J. et al. Neural Speech Synthesis in Language Education: A Case Study of ElevenLabs. System, p. 120, 103-221, 2024 DOI: 10.1016/j.system.2024.103221.
6. Godwin-Jones, R. Emerging technologies for language learning. *Language Learning & Technology*, 26 (1), 4-18, 2022.
7. Holmes, W. et al. (). *Ethics of AI in Education: A Systematic Review*. *International Journal of Artificial Intelligence in Education*, 33, 1–25, 2022. DOI: 10.1007/s40593-022-00325-y.
8. Johnson M. L. The role of artificial intelligence in modern English language teaching // *Journal of Language Teaching and Research*. 2020. Vol. 11, № 4. P. 567–573.
9. Kohnke, L., Moorhouse, B. L., & Zou, D. ChatGPT for language teaching and learning. *RELJ Journal*, 54 (2), 1-14, 2023.
10. OECD. Digital education outlook 2023: Pushing the frontiers with AI, blockchain and robots. OECD Publishing, 2024.
11. Wang Y., Li J. Enhancing EFL learning with AI-powered tools: A case study // *Computer Assisted Language Learning*. 2019. Vol. 32, № 7. P. 650-670.

REFERENCES

1. Ivanov, P. S. Perspektivy` primeneniya nejrosetevy`x texnologij v obuchenii anglijskomu yazy`ku // Metodika prepodavaniya inostrannogo yazy`ka. 2022. № 1. S. 12-18.
2. Sidorova, I. V. Iskusstvenny`j intellekt kak instrument prepodavaniya anglijskogo yazy`ka v cifrovuyu e`poxu // Inostranny`e yazy`ki v shkole. 2021. № 6. S. 25-30.
3. Cotton, D. R. et al. ChatGPT and Assessment: Is Detection Working? Assessment & Evaluation in Higher Education, 48 (5), 1-14, 2023. DOI: 10.1080/02602938.2023.2241676.
4. Dembsey, J. M. Grammarly's effectiveness in improving EFL writing. Computer Assisted Language Learning, 36 (2), 145-167, 2023.
5. Deng, J. et al. Neural Speech Synthesis in Language Education: A Case Study of Eleven-Labs. System, p. 120, 103-221, 2024 DOI: 10.1016/j.system.2024.103221.
6. Godwin-Jones, R. Emerging technologies for language learning. Language Learning & Technology, 26 (1), 4-18, 2022.
7. Holmes, W. et al. (). *Ethics of AI in Education: A Systematic Review*. International Journal of Artificial Intelligence in Education, 33, 1–25, 2022. DOI: 10.1007/s40593-022-00325-y.
8. Johnson M.L. The role of artificial intelligence in modern English language teaching // Journal of Language Teaching and Research. 2020. Vol. 11, № 4. P. 567-573.
9. Kohnke, L., Moorhouse, B. L., & Zou, D. ChatGPT for language teaching and learning. RELC Journal, 54 (2), 1-14, 2023.
10. OECD. Digital education outlook 2023: Pushing the frontiers with AI, blockchain and robots. OECD Publishing, 2024.
11. Wang Y., Li J. Enhancing EFL learning with AI-powered tools: A case study // Computer Assisted Language Learning. 2019. Vol. 32, № 7. P. 650-670.

Сведения об авторах

Екатерина Владимировна Степанова, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, stepanova-ev@ranepa.ru, SPIN-код: 3637-4696

Айгуль Сейдилдаевна Абилдаева, старший преподаватель кафедры «Практические иностранные языки», Таразский университет имени М. Х. Дулати, ул. Сулейманова 7, г. Тараз, Республика Казахстан, aigul76eng@mail.ru

Information about Authors

Ekaterina V. Stepanova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 8 Gagarin St. 400005 Volgograd, Russian Federation, stepanova-ev@ranepa.ru, SPIN-код: 3637-4696

Aigul S. Abildayeva, Senior Lecturer at the Practical Foreign Languages Department, Dulaty University, Suleimanova str. 7, Taraz, Republic of Kazakhstan, aigul76eng@mail.ru

Для цитирования: Степанова Е. В., Абилдаева А. С. Генеративные нейросети в высшем образовании: дидактический потенциал и этические дилеммы // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 4 (18). С. 45-54. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N4.pdf

Citation: Stepanova E. V., Abildayeva A. S. Generative neural networks in higher education: didactic potential and ethical dilemmas // Paradigms of Management, Economics and Law. 2025. Т. 6, № 4 (18). С. 45-54. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N4.pdf

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

SOCIAL AND ECONOMIC ANALYSIS

УДК 323.4

РАЗВИТИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К УПРАВЛЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНЫМ РЫНКОМ ЗАНЯТОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Татьяна Борисовна Иванова

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,

г. Волгоград, Российская Федерация

Владимир Геннадьевич Михайлов

Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева,

г. Кемерово, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В настоящее время идет трансформация управления региональным рынком занятости. Это вызывает необходимость развития используемых для этого методологических подходов. Цель данного исследования – предложить направления их изменений. Гипотеза состоит в том, что для гармонизации состояния рынка труда надо формировать компетенции, связанные с переходом между секторами формальной и неформальной занятости, как механизма обеспечивающего получение дохода, устойчивости социально-психологического состояния и самореализации индивида.

Материалы и методы. Использованы неокейнсианский, неоклассический, институциональный подходы, поведенческая экономика. Применены монографический, статистический методы, алгоритмы проектного управления. Детализация нормативно – правовой базы и статистические расчеты выполнены по материалам Волгоградской области на временном периоде 2022-2025 годы.

Результаты. Специфика занятости населения Волгоградской области: более 70% трудится в формальном секторе, но его доля сокращается при росте удельного веса неформального. Из них около трех четвертых самозанятые, не использующие наемный труд, среди которых платформенных занятых не более 50 %. Пик неформальной занятости и безработи-

цы приходится на возраст 30–39 лет. Взаимодействие занятости в формальном и неформальном секторах экономики определяются: 1) макроэкономическими факторами (ВРП, уровнем безработицы, заработной платы), 2) поведенческими установками индивидов, за счет которых доля неформалов стабилизируется. В настоящее время неформальный сектор становится объектом государственного регулирования, но существуют разные точки зрения на перспективы его развития.

Выводы и рекомендации. Обоснована необходимость создания условий для гибких перетоков занятых между секторами. Разработана программа формирования концепции управления кадровым потенциалом региона. Учтена подготовка трудоспособного населения к работе в неформальном секторе. Предусмотрены возможности для реализации потребности экономики в решении кадровых проблем в формальном секторе.

Ключевые слова: формальный сектор экономики, неформальный сектор экономики, платформенная занятость, государственное регулирование рынка труда и занятости

UDC 323.4

DEVELOPMENT OF METHODOLOGICAL APPROACHES TO MANAGING THE REGIONAL EMPLOYMENT MARKET (BASED ON THE MATERIALS OF THE VOLGOGRAD REGION)

Tatiana B. Ivanova

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA,
Volgograd, Russian Federation

Vladimir G. Mikhailov

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University,
Kemerovo, Russian Federation

Abstract. Introduction. Currently, there is a transformation of the management of the regional employment market. This necessitates the development of methodological approaches used for this purpose. The purpose of this study is to propose directions for their modification. The hypothesis is that in order to harmonize the state of the labor market, it is necessary to form competencies related to the transition between the formal and informal employment sectors, as a mechanism that ensures income, stability of the socio-psychological state, and self-realization of the individual.

Materials and methods. The study uses the neo-Keynesian, neoclassical, and institutional approaches, as well as behavioral economics. It employs monographic and statistical methods, as well as project management algorithms. The study details the regulatory framework and performs statistical calculations based on data from the Volgograd Region for the period 2022–2025.

Results. The specifics of employment in the Volgograd region: more than 70 % of the population works in the formal sector, but its share is decreasing as the share of the informal sector is increasing. Of these, about three-quarters are self-employed and do not use hired labor, with no more than 50 % of them being platform workers. The peak of informal employment and unemployment occurs between the ages of 30 and 39. The interaction between employment in the formal and informal sectors of the economy is determined by: 1) macroeconomic factors (GDP, unemployment rate, and wages), and 2) individual behavioral patterns that stabilize the share of the informal sector. Currently, the informal sector is becoming subject to government regulation, but there are different perspectives on its future development.

Conclusions and recommendations. Conclusions and recommendations. The need to create conditions for flexible flows of employees between sectors has been substantiated. A program has been developed to form a concept for managing the region's human resources. The preparation of the working-age population for work in the informal sector has been taken into account. Opportunities have been provided to meet the economic needs of solving personnel problems in the formal sector.

Keywords: formal sector of the economy, informal sector of the economy, platform employment, state regulation of the labor market and employment.

Введение. Дефицит кадров 2024 года, демографические проблемы, стратегический курс на повышение качества жизни и обеспечение безопасности и суверенитета страны активизировали внимание к рынку труда и занятости населения, расширили применение инструментов его исследования и регулирования. Среди них [11]:

- 1) формирование пятилетнего прогноза кадровой потребности с учетом мнения работодателей,
- 2) совершенствование системы образования и популяризация средней профессиональной подготовки,
- 3) развитие цифровой платформы «Работа в России», включающей не только сервисы для трудоустройства, но и для формирования карьерных траекторий,
- 4) повышение профессиональной переподготовки и квалификации населения в рамках реализации национального проекта «Кадры»,
- 5) создание особых условий для приоритетных или социально незащищенных слоев населения – участников СВО, многодетных семей, инвалидов, молодежи, исходя из факторов, обуславливающих сложности их трудоустройства.

Общегосударственные подходы находят достойное продолжение на региональном уровне, обеспечивая реализацию как ранее намеченных направлений воздействия на рынок труда, так и разработку новых инструментов. Так, значительное число нормативно-правовых актов по этому направлению принято в Волгоградской области. В Стратегии социально-

экономического развития региона [5] предусмотрены мероприятия по следующим направлениям: 1) обеспечение работодателей кадрами: прогнозирование потребности в специалистах определенного профиля, создание условий их подготовки, например, путем формирования образовательно-производственных кластеров в рамках проекта «Профессионалитет», стимулирование трудоустройства уязвимых слоев населения, увеличение числа рабочих мест; 2) развитие кадрового потенциала: помощь в разработке индивидуальных карьерных траекторий, ранняя профориентация, повышение престижности рабочих профессий, привлечение к трудовой деятельности женщин с детьми за счет предоставления им возможностей переобучения и предоставления мест в детских дошкольных учреждениях, социальная поддержка безработных; 3) использование инструментов переключения лиц старше 15 лет между формальным и неформальным секторами занятости: оказание помощи в ведении предпринимательской деятельности, популяризация новых налоговых режимов (самозанятости). Использованию указанных инструментов способствует реализация региональных проектов «Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами», «Создание условий для легкого старта и комфортного ведения бизнеса», «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства». В 2024 году была утверждена государственная программа Волгоградской области «Развитие рынка труда и обеспечение занятости в Волгоградской области» [6], в которой сделан акцент на обеспечение устойчивого роста численности населения за счет подпрограмм «Активная политика занятости и социальная поддержка безработных граждан», «Реализация государственной политики в сфере охраны труда», «Оказание содействия добровольному переселению в Волгоградскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2021–2030 годы». Одним из инструментов их реализации является внедрение «организационных и технологических инноваций с использованием цифровых и платформенных решений в целях поддержки уровня занятости населения» [6].

Эти документы актуализировали Концепцию развития трудовых ресурсов Волгоградской области на 2017–2025 годы [7], в которой отмечались такие проблемы рынка труда Волгоградской области как сокращение численности населения, неформальная занятость, скрытая безработица. Для их нейтрализации предлагалось создание возможностей сочетания работы и семейных обязанностей, переподготовка кадров, снижение нелегальной занятости, в том числе мигрантов, формирование механизма перераспределения специалистов внутри региона, развитие предпринимательской деятельности, в том числе за счет привлечения молодежи, создание новых рабочих мест для всех слоев населения с особым вниманием к социально уязвимым слоям населения. Среди результатов ключевых направлений реализации Концепции указывалось: снижение неформальной занятости, повышение удельного веса занятых в общей численности трудоспособного населения, рост квалификации кадров в соответствии с потребностями работодателей.

Предпринятые меры в сочетании с внешними факторами социально-экономического развития страны (демографическая яма, СВО, антироссийское санкции) обусловили резкое снижение уровня зарегистрированной безработицы. По итогам 2024 года она составила 0,18 %, еще более снизившись по сравнению с 2023 годом. Это стало историческим минимумом современной истории региона [9]. По итогам 2024 года рейтинг рынка труда Волгоградской области, рассчитываемый РИА Рейтинг, улучшился, получив 78,54 балла, рассчитанных на основе заработной платы, условий труда, занятости и емкости [12].

Тем не менее, несмотря на позитивные изменения, достигнутые в 2024 году, в 2025 стали наращиваться, как и в других субъектах РФ, негативные тенденции – сокращение вакансий, снижение темпов роста заработной платы, рост цен в сфере пассажироперевозок как во многом сферы неформальной экономики.

Цель данного исследования – предложить направления развития методологических подходов к управлению региональным рынком занятости. Гипотеза состоит в том, что для гармонизации состояния рынка труда надо формировать компетенции, связанные с переходом между секторами занятости, как механизм, обеспечивающий получение дохода, устойчивость социально – психологического состояния и самореализацию индивида.

Материалы и методы. Сложившийся в настоящее время в обществе методологический подход к управлению региональным рынком занятости основан на использовании неокейнсианской, неоклассической, институциональной теориях, а также поведенческой экономики. Он связан с исследованием преимущественно традиционных форм занятости, формированием лояльности и вовлеченности сотрудников в производственный процесс на конкретном предприятии. Изменчивость рынка труда и занятости, цифровизация, вариативность поведенческих установок вызывают необходимость развития методологических подходов к управлению этим направлением общественной жизни, что отражено в цели исследования. В ходе его проведения были решены следующие задачи: 1) проанализирована специфика занятости населения Волгоградской области, 2) на основе монографического метода рассмотрено взаимодействие занятости в формальном и неформальном секторах экономики, 3) разработана программа кадрового потенциала региона с учетом подготовки трудоспособного населения к работе в неформальном секторе и реализацией потребности экономики в решении кадровых проблем формального сектора. Статистические расчеты выполнены по материалам выборочных обследований рабочей силы Росстата для Волгоградской области. Ограниченность исследования одним регионом обусловлена задачами, поставленными в ходе выполнения гранта, и степенью детализации проработки исследуемого материала. Используемый временной горизонт 2022–2025 годы (в объеме опубликованных данных) обусловлен целесообразностью учета только современных тенденций, которые сформировались после COVID–19 под влиянием расширения цифровизации трудовых отношений, усилением действия внешнеэкономических факторов, ростом популяризации режима самозанятости.

Результаты исследования. Анализ специфики занятости населения Волгоградской области. Результаты выборочного обследования рабочей силы по материалам Волгоградской области, характеризующие рынок формально и неформальной занятости, приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Доля занятых в различных секторах занятости в общей численности занятого населения в возрасте 15 лет и старше, %

Период	Формальном	Неформальном	Только в неформальном	В формальном и неформальном	Работа в неформальном	
					Основная	Дополнительная
1 квартал 2022 г.	78,6	21,4	20,4	1,0	0,07	0,93
2 квартал 2022 г.	78,4	21,6	20,4	1,3		1,29
3 квартал 2022 г.	78,2	21,8	20,4	1,5		1,45
Итого 2022 год	78,3	21,7	20,5	1,2	0,02	1,19
1 квартал 2023 г.	75,8	24,2	22,7	1,5		1,52
2 квартал 2023 г.	79,4	20,6	19,2	1,4	0,05	1,32
3 квартал 2023 г.	76,8	23,2	22,4	0,8		0,80
Итого 2023 год	76,8	23,2	22,0	1,2	0,01	1,16
1 квартал 2024 г.	72,2	27,8	26,4	1,4		1,42
2 квартал 2024 г.	71,3	28,7	27,5	1,2		1,25
3 квартал 2024 г.	70,0	30,0	27,5	2,5	0,13	2,36
Итого 2024 год	70,8	29,2	27,6	1,6	0,03	1,57
1 квартал 2025 г.	72,6	27	25,4	2,0	0,00	1,98
2 квартал 2025 г.	71,0	29	27,7	1,4		1,38

Источник: рассчитано авторами по [2].

Приведенные расчеты показывают следующие закономерности распределения занятых старше 15 лет по секторам за период 2022–2025 годов в целом и по отдельным кварталам:

- доля занятых в формальном сокращается при росте удельного веса в неформальном,
- 94 % от доли неформального сектора приходится на лиц, которые не работают в формальном,
- для 98 % тех, кто работает в обоих секторах, неформальная занятость является дополнительной, но их по сравнению с теми, кто работает только в неформальном секторе в среднем в 16,5 раз меньше,
- в 3 квартале (2022–2024 годы) доля неформальных занятых возрастает по сравнению с первым и вторым, эта динамика обусловлена как занятыми только в неформальном секторе (2023 год), так и в обоих секторах сразу (2022, 2024 гг.)

В целом это отражает полученную авторами ранее закономерность на основе исследования секторов занятости по всем субъектам РФ: существует приверженность индивидов к определенной форме получения дохода. При среднем значении в 23,6 % доли лиц, занятых

только в неформальном секторе, стандартное отклонение составляет 3,25, то есть разброс равен 13,8 %. Медианное значение меньше среднего, равно 22,6 %, превышает нижнее значение интервала отклонения, имеющего значение 20,3 %. Это позволяет говорить, что доля жителей Волгоградской области, работающих только в неформальном секторе экономики, составляет 22–23 % всех занятых старше 15 лет.

Результаты выборочного обследования рабочей силы позволяют получить еще ряд характеристик занятости населения Волгоградской области за 2024 год:

- 91,7 % работает за заработную плату, остальные с целью получения прибыли,
- самозанятые, не использующие наемный труд, составляют среди независимых работников 77,3 %, а среди всех занятых 6,4 %,
 - в качестве основной назвали платформенную занятость 3,2 % всех работающих, из которых 57,6 % мужчины, 92 % проживают в городе.

То есть, неформальная экономика в большей степени представлена самозанятыми мужчинами, являющимися городскими жителями, из которых не более 50 % являются платформенными занятыми.

В таблице 2 приведены возрастные характеристики формальной и неформальной занятости. Расчеты сделаны в 2 вариантах: 1) в каждой возрастной группе доля занятых в формальном и неформальном секторах одинакова, 2) доля занятых в неформальном секторе по разным возрастным группам отличается, данные получены на основе социологического опроса, проведенного авторами в июле – августе 2024 года в Волгоградской области. Во всех случаях пик численности неформального сектора приходится на возрастную группу 30–39 лет. Среди них же и более всего безработных – 47,3 % от общего числа. 79,5 % безработных имеют опыт работы, почти треть из них (28,6 %) уволились с прежнего места работы по собственному желанию, а еще треть (31,7 %) по другим причинам.

**Таблица 2 – Численность занятых различных возрастных групп
в неформальном секторе (ЧЗВГ)**

Возраст, лет	15 - 19	20 - 29	30 - 39	40 - 49	50 - 59	60 - 69	70+
ЧЗВГ при равной средней доле 22,5 %, тыс. чел.	0,97	49,59	81,11	77,76	62,4	18,7	0,13
Доля самозанятых, %	65	14	14	9	6	6	6
ЧЗВГ, исходя из доли самозанятых, тыс. чел.	2,81	25,26	50,47	31,10	16,66	4,99	0,04
Доля занятых в неформальном секторе, исходя из % самозанятых в возрастной группе	12,19	2,63	2,63	1,69	1,13	1,13	1,13
ЧЗВГ по доле занятых в неформальном секторе, исходя из % самозанятых в возрастной группе	0,53	4,74	9,46	5,83	3,12	0,93	0,00

Источник: рассчитано авторами на основе предыдущих расчетов и результатов социологического опроса, проведенного в июле – августе 2024 года в Волгоградской области.

В целом каждый пятый житель Волгоградской области работает в неформальном секторе, $\frac{3}{4}$ которого – самозанятые, не использующие наемный труд. Через платформы деятельность как основную ведут только 3,2 % занятых, что составляет не более 50 % самозанятых. Пик неформальной занятости и безработицы приходится на возраст 30–39 лет.

Анализ взаимодействия занятости в формальном и неформальном секторах экономики. Из проведенного выше анализа видно многообразие форм занятости населения. Помимо них, в исследованиях рабочей силы, проводимых Ростатом по методике МОТ [8], фиксируются численность волонтеров, занятых домашним хозяйством, помощников при осуществлении собственного производства и другие. Это позволяет формировать более детализированную картину хозяйственной деятельности населения.

В тоже время даже занятость в формальном секторе имеет более сложную конфигурацию по сравнению с существующими подходами её оценки, направленными в основном на фиксацию безработицы. Работа по найму в организованном секторе может осуществляться на крупных предприятиях, в том числе с государственным участием, на средних и малых, которые имеют многолетнюю историю существования, нередко ещё со времен существования СССР или даже царской России. Часть из них является основой моногородов, участвуют в выполнении гособоронзаказа, они могут являться крупными налогоплательщиками федерального или регионального уровней. Возможна работа в созданных относительно недавно малых и средних предприятиях, ориентированных на достаточно длительно устойчивое развитие, часть из них станет «газелями», часть через 5–7 лет прекратит существование, а их собственники займутся организацией иных видов деятельности или станут наемными работниками. Степень устойчивости и параметры функционирования в каждой из приведенных групп существенно различаются, но они не оцениваются при прогнозировании изменений рынка труда. В тоже время именно здесь сталкиваются две противоположные стороны занятости. С одной, физические лица со своими представлениями о карьерно – образовательной траектории, с другой, работодатели, предоставляющие рабочие места, в том числе индивиды, формирующие собственную занятость в неформальном секторе. Формами взаимодействия между ними являются:

- переток из формального в неформальный сектор и обратно,
- поиск работы в статусе безработного,
- организация собственного дела в виде юридического лица с возможностью найма работников за счет различных форм поддержки – государственной, на основе кредитов, помощи родственников и друзей,
- деятельность в неформальном секторе – регистрация в качестве индивидуального предпринимателя, самозанятого, помощь в ведении домашнего бизнеса,
- уход в теньевую экономику.

Исследования [2] взаимосвязей формального и неформального секторов показали, что в краткосрочном плане с ростом инвестиций, малого предпринимательства, валового регионального продукта, заработной платы неформальная занятость имеет тенденцию к сокращению, но в динамике повышение доходов приводит к расширению спроса на услуги, противодействуя сокращению неформалов, делая их присутствие в экономике достаточно стабильной величиной. В тоже время при отсутствии экономического роста было диагностировано сжатие неформальной занятости, как реакции на сокращение платежеспособного спроса, причем при определяющей роли в этих изменениях трудоустройства по найму.

При этом неформальный рассматривается субъектами хозяйственной деятельности как способ сокращения государственного воздействия. При льготных условиях его осуществления, как это было в последние годы с самозанятостью, неформальный сектор выходит из тени, но при ужесточении условий может вновь в неё возвращаться. По опросу ФНС, проведенному в октябре 2025 года, 64 % самозанятых указали, что при ужесточении госрегулирования прекратят деятельность или перейдут в теневой сектор и только 10 % вернутся в традиционный найм [13]. На основании этих же материалов были сделаны выводы, что рост самозанятости идет за счет выхода из теневого сектора, а не переоформления трудовых отношений. За время реализации пилотного проекта (2019–2024 годы) число граждан, не декларирующих доходы, снизилось в 4 раза – до 1,3 млн. человек.

Повышение масштабов и значимости неформального сектора обусловило расширение инструментов государственного воздействия с учетом присутствия на рынке труда неформалов. В частности, предлагается развитие государственного регулирования по таким направлениям как [11]:

- 1) создание возможностей оперативного реагирования на конфигурацию занятости при изменениях потребности в трудовых ресурсах,
- 2) регулирование правоотношений физических лиц при оказании услуг и/или выполнении работ через цифровые платформы,
- 3) обеспечение противодействия нелегальной занятости и легализации трудовых отношений,
- 4) повышение социальной защищенности самозанятых,
- 5) ведение базы данных о доходах, не связанных с трудовыми правоотношениями.

Все это позволяет говорить о расширении подхода к формированию и регулированию занятости с учетом повышения её многообразия. Но в действующих в настоящее время нормативных актах субъектов федерации заложено положение о принятии мер для сокращения неформальной занятости [7]. При этом на федеральном уровне запланировано сокращение только её определенной части – нелегальной [11] для чего территориальным органам Федеральной службы по труду и занятости поручено до 1 декабря 2025 года сформировать механизм противодействия нелегальной занятости.

Тем не менее, и в научной литературе вопрос о направлении воздействия на неформальную занятость остается дискуссионным. В работе Н. В. Пилипчук [10] на основе анализа противодействия неформальной занятости в странах Евросоюза получено: 1) её сокращение должно вестись не на глобальном, а на национальном уровне; 2) развитие урбанизации приводит к сокращению неформального сектора [15]; 3) отсутствует положительное взаимодействие между активностью онлайн-фрилансеров и числом неформалов; 4) сокращение последних идет при росте ВРП и числа работающих в сфере услуг; 5) слабая корреляция между безработицей и уровнем неформальной занятости; 6) в развитых странах величина неформального сектора стабилизируется и формируется противодействие попыткам его дальнейшего снижения. То есть, хотя в исследовании и отмечается необходимость сокращения неформалов, но проведенный статистический анализ показывает ограниченность такой возможности. В результате авторы делают разделяемый и нами вывод о наличии скрытых взаимосвязей между формальной и неформальной занятостью, которые требуют дальнейшего изучения.

В статье Т. Б. Ивановой [14] на основе изучения мирового опыта, в том числе пилотного проекта «Работа на фриланс – проекте» МОТ в Уганде, обоснован иной подход к неформальной занятости. Предлагается её не сокращать, а расширять возможности получения работниками необходимых профессиональных компетенций, разрабатывая и реализуя программы повышения платформенной грамотности по аналогии с программой повышения финансовой грамотности, внедряемой во всех странах мира. Исследования 2025 года показали, что данный вывод следует распространить на формирование компетенций и по иным формам существования неформальной занятости. Одной из них является креативная индустрия, развитие которой стало широко стимулироваться с принятием федерального закона «О развитии креативных (творческих) индустрий» [4]. В связи с этим предлагается программа выстраивания концепции управления кадровым потенциалом региона с учетом подготовки трудоспособного населения к работе в неформальном секторе и реализацией потребности экономики в решении кадровых проблем формального сектора.

Разработка программы управления кадровым потенциалом региона с учетом подготовки трудоспособного населения к работе в неформальном секторе и реализацией потребности экономики в решении кадровых проблем формального. При разработке программы использованы шаблоны формирования паспорта подпрограмм по развитию рынка труда и занятости Волгоградской области.

Наименование: Расширение направлений управления кадровым потенциалом региона в неформальном и формальном секторах экономики.

Уполномоченный орган исполнительной власти Волгоградской области, ответственный за реализацию программы: комитет экономической политики и развития Волгоградской области.

Цели программы: создание условий для оперативного перехода трудоспособного населения между формальным и неформальным секторами экономики как отражение изменения состояния рынка труда и жизненных потребностей индивидов.

Задачи программы: 1) формирование профессиональных компетенций деятельности на неформальном рынке в контексте его использования при формировании карьерно-образовательных траекторий; 2) развитие форм проведения свободного времени, связанных с креативной индустрией; 3) поддержка создания условий гибкой организационной культуры, обеспечивающий бесшовный переход между формальной и неформальной занятостью.

Этапы и сроки реализации программы: 2027–2030 годы в один этап.

Финансирование: за счет средств областного бюджета, субсидии из федерального бюджета, предоставляемые в целях софинансирования расходных обязательств региона, внебюджетные источники.

Основные показатели эффективности программы: 1) число образовательных программ, введенных в учреждениях СПО и ВПО региона, по формированию карьерно-образовательных траекторий с учетом ИП, самозанятости; 2) количество лиц, прошедших подготовку по образовательным программам, введенным в учреждениях СПО и ВПО региона, по формированию карьерно-образовательных траекторий с учетом ИП, самозанятости; 3) число образовательных программ, введенных в учреждениях СПО и ВПО региона, по функционированию креативной индустрии; 4) количество лиц, прошедших подготовку по образовательным программам, введенным в учреждениях СПО и ВПО региона, по функционированию креативной индустрии; 5) число мероприятий по созданию условий гибкой организационной культуры, обеспечивающей бесшовный переход между формальной и неформальной занятостью; 6) количество участников мероприятий по созданию условий гибкой организационной культуры, обеспечивающей бесшовный переход между формальной и неформальной занятостью.

Ожидаемые конечные результаты реализации программы к 2030 году: 1) достижение доли образовательных программ, введенных в учреждениях СПО и ВПО региона, по формированию карьерно-образовательных траекторий с учетом ИП, самозанятости до 70 % от их общего числа; 2) увеличение количества лиц, прошедших подготовку по образовательным программам, введенным в учреждениях СПО и ВПО региона, по формированию карьерно-образовательных траекторий с учетом ИП, самозанятости до 50 % обучающихся от численности на начало каждого учебного года; 3) достижение доли образовательных программ, введенных в учреждениях СПО и ВПО региона, по функционированию креативной индустрии до 70 % их общего числа; 4) увеличение количества лиц, прошедших подготовку по образовательным программам, введенным в учреждениях СПО и ВПО региона, по функционированию креативной индустрии до 50 % обучающихся от численности на начало каждого учебного года; 5) провести не менее 100 обучающих методологических мероприятий по со-

зданию условий гибкой организационной культуры, обеспечивающей бесшовный переход между формальной и неформальной занятостью; б) обеспечить участие в мероприятиях по созданию условий гибкой организационной культуры, обеспечивающей бесшовный переход между формальной и неформальной занятостью, не менее 20 предприятий региона всех форм собственности.

Основные мероприятия по реализации программы: 1) нормативно-правовое сопровождение; 2) информационное сопровождение; 3) прохождение профессионального обучения, получение дополнительного профессионального образования, в том числе в области креативной индустрии; 4) организация стажировок работы на маркетплейсах; 5) консультирования в выстраивании карьерно-образовательных траекторий с учетом возможностей неформальной занятости.

Финансирование программы возможно за счет средств, выделяемых на сферу образования в части реализуемых образовательных программ. В настоящее время осуществляется их пересмотр и потому введение дополнительных курсов будет осуществляться гармонично в рамках их текущего пересмотра.

Выводы и рекомендации. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. В условиях повышения множественности форм занятости концепция управления кадровым потенциалом региона заключается в необходимости формирования у населения навыков работы в обоих секторах экономики как формальном, так и неформальном. Это создаст компетенции для работы в каждом из них, облегчит переход из одного в другой и станет, тем самым, инструментом стабилизации регионального развития, обеспечивающего возможности получения дохода, повышения устойчивости социально-психологического состояния индивида и его самореализации, сокращая миграционные потоки, обусловленные отсутствием рабочих мест. Деятельность в неформальной занятости способствует при достижении положительных финансовых результатов переходу в формальную, например, за счет открытия собственного дела. Сокращение миграции трудовых ресурсов расширяет возможности привлечения кадров в условиях дефицитного рынка труда в формальный сектор.

Приведенный концептуальный подход отражен в предложенной программе «Расширение направлений управления кадровым потенциалом региона в неформальном и формальном секторах экономики». Её целью является создание условий для оперативного перехода трудоспособного населения между формальным и неформальными секторами экономики как отражение изменения состояния рынка труда и жизненных потребностей индивидов. Эти взаимодействия будут усложняться при изменении системы государственного регулирования, прежде всего, налогообложения, что является в настоящее время предметом активного обсуждения экспертного сообщества.

ПРИМЕЧАНИЯ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда и Комитета образования и науки Волгоградской области по гранту № 24-28-20066 <https://rscf.ru/project/24-28-20066/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2016–2024 годы. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 01.11.2025).
2. Нуреев, Р. М., Ахмадеев, Д. Р. Формальная и неформальная занятость как «близнецы – братья»: современная российская практика // Terra Economicus. 2015. Т. 13, № 3. С. 16-33.
3. О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Поддержка занятости населения». Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 10 ноября 2023 года № 552-п (с изменениями на 29 сентября 2025 года). Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 01.11.2025).
4. О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации. Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 01.11.2025).
5. О Стратегии развития Волгоградской области до 2030 года. Закон Волгоградской области от 28.12.2021 г. № 134-ОД. Принят Волгоградской областной Думой 24.12.2021 в ред. Закона Волгоградской области от 13.10.2023 № 78-ОД. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/578044892?ysclid=mhzugf2p5j48344339> (дата обращения: 01.11.2025).
6. Об утверждении государственной программы Волгоградской области «Развитие рынка труда и обеспечение занятости в Волгоградской области». Постановление Администрации Волгоградской области от 25.09.2017 № 503-п (с изм. на 28.12.2024г.). Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/450356607?ysclid=mhzt66yzsn91272287> (дата обращения: 01.11.2025).
7. Об утверждении Концепции развития трудовых ресурсов Волгоградской области на 2017–2025 годы. Постановление Губернатора Волгоградской области от 10.08.2017 г. № 502. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/450294906?ysclid=mhzy4ju565399027992> (дата обращения: 01.11.2025).

8. Основные методологические и организационные положения по проведению выборочного обследования рабочей силы. Приказ Росстата от 29 декабря 2023 г. № 707 в ред. от 13.11.2024. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.11.2025).
9. Отчет Губернатора Волгоградской области о результатах деятельности Администрации Волгоградской области в 2024 году. URL: <https://www.volgograd.ru/gubernator/about/files/Отчет-2024.pdf> (дата обращения: 01.11.2025)
10. Пилипчук, Н. В. Неформальная занятость: оценка роли международного сотрудничества и факторов воздействия / Н. В. Пилипчук, Е. Е. Кукина, И. Г. Суханова // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2024. Т. 26, № 1. С. 94-109. DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2024.1.8>
11. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 12 февраля 2025 года № 14-СФ «Текущее состояние и перспективы развития рынка труда и сферы занятости населения» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 01.11.2025).
12. Рейтинг регионов по рынку труда – итоги 2024 года. РИА Рейтинг. Россия сегодня. URL: <https://riarating.ru/> <https://riarating.ru/infografika/20250908/630285706.html> (дата обращения: 01.11.2025).
13. Среди самозанятых 64 % прекратят деятельность при недовольстве НПД, 15.11.2025. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2025/10/29/1150656-sredi-samozanyatih> (дата обращения: 01.11.2025).
14. Цифровая занятость в карьерно-образовательных траекториях индивида: расширение направлений профессиональной подготовки и формируемых компетенций / Т. Б. Иванова, С. М. Миронова, Е. Г. Смолина, М. Д. Фисенко // Перспективы науки и образования. 2025. № 3(75). С. 646-659. DOI 10.32744/pse.2025.3.43
15. New Urbanization and Informal Employment: Scale, Pattern, and Social Integration / M. Chen [et al.] // Progress in Geography. 2021. P. 50–60.

REFERENCES

1. *Itogi vy`borochnogo obsledovaniya rabochej sily`. 2016 - 2024 gody`* [Results of the Sample Labor Force Survey. 2016 – 2024]. Federal`naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (accessed 1 november 2025).
2. Nureev, R. M., Axmadeev, D. R. Formal`naya i neformal`naya zanyatost` kak «bliznecy – brat`ya»: sovremennaya rossijskaya praktika [Formal and informal employment as «twins»: modern Russian practice] // *Terra Economicus*, 2015. T.13, № 3. S. 16-33.
3. О *gosudarstvennoj programme Xanty` – Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry` «Podderzhka zanyatosti naseleniya»* [About the state program of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra «Support for Employment»]. Postanovlenie Pravitel`stva Xanty` – Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry` ot 10 noyabrya 2023 goda № 552-p (s izmeneniyami na 29

sentyabrya 2025 goda). E`lektronny`j fond pravovy`x i normativno-texnicheskix dokumentov. Available at: <https://docs.cntd.ru/> ((accessed 1 november 2025).

4. *O razvitii kreativny`x (tvorcheskix) industrij v Rossijskoj Federacii* [On the development of creative industries in the Russian Federation]. Federal'ny`j zakon ot 08.08.2024 № 330-FZ (poslednyaya redakciya). SPS Konsul`tant-Plyus (accessed 1 november 2025).

5. *Strategii razvitiya Volgogradskoj oblasti do 2030 goda* [On the Development Strategy for the Volgograd Region until 2030]. Zakon Volgogradskoj oblasti ot 28.12.2021 g. № 134-OD. Prinyat Volgogradskoj oblastnoj Dumoj 24.12.2021 v red. Zakona Volgogradskoj oblasti ot 13.10.2023 № 78-OD. E`lektronny`j fond pravovy`x i normativno - texnicheskix dokumentov. URL: <https://docs.cntd.ru/document/578044892?ysclid=mhzugf2p5j48344339> (accessed 1 november 2025).

6. *Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy` Volgogradskoj oblasti «Razvitie ry`nka truda i obespechenie zanyatosti v Volgogradskoj oblasti»* [On approval of the State Program of the Volgograd Region «Development of the Labor Market and Employment in the Volgograd Region»]. Postanovlenie Administracii Volgogradskoj oblasti ot 25.09.2017 № 503-p (s izm. na 28.12.2024 g.). E`lektronny`j fond pravovy`x i normativno-texnicheskix dokumentov. URL: <https://docs.cntd.ru/document/450356607?ysclid=mhzt66yzsn91272287> (accessed 1 november 2025).

7. *Ob utverzhdenii Konceptii razvitiya trudovy`x resursov Volgogradskoj oblasti na 2017 – 2025 gody`* [Approval of the Concept for the Development of Labor Resources in the Volgograd Region for 2017-2025]. Postanovlenie Gubernatora Volgogradskoj oblasti ot 10.08.2017 g. № 502. E`lektronny`j fond pravovy`x i normativno-texnicheskix dokumentov. URL: <https://docs.cntd.ru/document/450294906?ysclid=mhzy4ju565399027992> (accessed 1 november 2025).

8. *Osnovny`e metodologicheskie i organizacionny`e polozeniya po provedeniyu vy`borochnogo obsledovaniya rabochej sily`* [Basic methodological and organizational provisions for conducting a sample survey of the workforce]. Priказ Rosstat'a ot 29 dekabrya 2023 no. 707 v red. ot 13.11.2024. Razdel 2.6. p. 29. Available at: <https://24.rosstat.gov.ru/> (accessed 1 november 2025).

9. *Otchet Gubernatora Volgogradskoj oblasti o rezul'tatax deyatel`nosti Administracii Volgogradskoj oblasti v 2024 godu* [Report of the Governor of the Volgograd Region on the results of the Volgograd Region Administration's activities in 2024]. URL: <https://www.volgograd.ru/gubernator/about/files/Otchet-2024.pdf> (accessed 1 november 2025).

10. Pilipchuk, N. V. Informal Employment: Assessment of the Role of International Cooperation and Impact Factors / N. V. Pilipchuk, E. E. Kukina, I. G. Sukhanova // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Journal of Volgograd State University. Economics], 2024, vol. 26, no. 1, pp. 94-109. DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2024.1.8>.

11. Postanovlenie Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii ot 12 fevralya 2025 goda № 14-SF. *Tekushhee sostoyanie i perspektivy` razvitiya ry`nka truda i sfery` zanyatosti naseleniya* [Current state and prospects for the development of the labor market and employment sector] // SPS Konsul'tant Plyus (accessed 1 november 2025).

12. *Rejting regionov po ry`nku truda – itogi 2024 goda* [Regions' Labor Market Rankings: Results of 2024]. RIA Rejting. Rossiya segodnya. URL: <https://riarating.ru/https://riarating.ru/infografika/20250908/630285706.html> (accessed 1 november 2025).

13. Sredi samozanyaty`x 64% prekratyat deyatel`nost` pri nedovol`stve NPD [Among the self-employed, 64 % will stop working if they are dissatisfied with the NAP], 15.11.2025. *Vedomosti*. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2025/10/29/1150656-sredi-samozanyatih> (accessed 1 november 2025).

14. Cifrovaya zanyatost` v kar`erno-obrazovatel`ny`x traektoriyax individua: rasshirenie napravlenij professional`noj podgotovki i formiruemy`x kompetencij [Digital Employment in Individual Career and Educational Trajectories: Expanding Professional Training and Formed Competencies]. T. B. Ivanova, S. M. Mironova, E. G. Smolina, and M. D. Fisenko. *Perspektivy` nauki i obrazovaniya*. 2025. № 3 (75). S. 646-659. DOI 10.32744/pse.2025.3.43.

15. New Urbanization and Informal Employment: Scale, Pattern, and Social Integration / M. Chen [et al.] // *Progress in Geography*. 2021. P. 50–60.

Информация об авторах

Татьяна Борисовна Иванова, доктор экономических наук, профессор кафедры государственного управления и менеджмента Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственного управления при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, nika20021960@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1103-8210>, SPIN-код: 9190-9220, AuthorID: 221498

Владимир Геннадьевич Михайлов, кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой аэрологии, охраны труда и природы Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, ул. Весенняя, 28, 650000 г. Кемерово, Российская Федерация, mvg.eohp@kuzstu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8864-2574>, SPIN-код: 4088-3617, AuthorID: 385569

Information about Authors

Tat'jana B. Ivanova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Corporate Management, Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St. 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, nika20021960@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1103-8210>, SPIN-код: 9190-9220, AuthorID: 221498

Vladimir G. Mikhailov, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Aerology, Occupational Health and Safety, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, 28 Vesennaya Street, 650000 Kemerovo, Russian Federation, mvg.eohp@kuzstu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8864-2574>, SPIN-code: 4088-3617, AuthorID: 385569

Для цитирования: Иванова Т. Б., Михайлов В. Г. Развитие методологических подходов к управлению региональным рынком занятости (по материалам Волгоградской области) // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 4 (18). С. 56-72. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N4.pdf

УДК 314.1

ОСОБЕННОСТИ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ¹

Елена Вячеславовна Акользина, Марина Викторовна Леденёва

Волгоградский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Целью данной статьи является определение особенностей возрастной структуры населения России, выявление преобладающих возрастных групп, а также анализ текущих тенденций изменения возрастной структуры и определение факторов, обуславливающих процесс старения населения.

Методы. В работе применялись методы статистического и сравнительного анализа, графические методы исследования. Был проведен сравнительный анализ данных о структуре населения России, Японии и Индии.

Анализ. Проведен анализ возрастной структуры населения России, в результате которого выявлены такие особенности, как волнообразная возрастная структура, явившаяся следствием ряда исторических и социально-экономических факторов. Подтверждена тенденция старения населения России. Рассмотрена динамика соотношения трудоспособного и нетрудоспособного населения. Выявлены определенные общие тенденции старения населения с развитыми странами, в частности с Японией.

Выводы. Результаты проведенного исследования могут быть в дальнейшем использованы при более подробном изучении влияния возрастной структуры населения России на экономику и при разработке программ и мероприятий, направленных на повышение экономической стабильности и минимизацию негативных последствий старения населения.

Ключевые слова: население, демография, возрастная структура, возрастной состав, старение населения, демографические тенденции.

UDC 314.1

FEATURES OF THE AGE STRUCTURE OF THE POPULATION OF RUSSIA

Elena V. Akolzina, Marina V. Ledeneva

Plekhanov Russian University of Economics, Volgograd branch, Volgograd, Russia

Abstract. Introduction. The purpose of this article is to determine the characteristics of the age structure of the population of Russia, identify the predominant age groups, as well as analyze

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова» в рамках Конкурса на выполнение научно-исследовательских работ студентами и аспирантами «Шаг в науку»

current trends in changes in the age structure and determine the factors determining the process of population aging.

Methods. The article utilized statistical and comparative analysis methods, as well as graphical research techniques. A comparative analysis of population structure data was conducted for Russia, Japan, India.

Analysis. An analysis of the age structure of the Russian population revealed features such as a wave-like age structure, a consequence of a number of historical and socioeconomic factors. The trend of population aging in Russia has been confirmed. The dynamics of the ratio of the working-age to non-working-age population were examined. Certain common trends in population aging were identified, similar to those in developed countries, particularly Japan.

Conclusions. The results of the study can be used in the future for a more detailed study of the impact of the age structure of the Russian population on the economy, and in the development of programs and measures aimed at increasing economic stability and minimizing the negative consequences of population aging.

Keywords: population, demography, age structure, age composition, population aging, demographic trends.

Введение. Изучение демографических процессов занимает особое место в работах современных ученых и исследователей. Исследования динамики населения, его структурных изменений играют важную роль в оценке экономических и социальных процессов, прогнозировании будущих тенденций, и в обеспечении принципов устойчивого развития.

Одним из ключевых демографических показателей является возрастная структура населения. Возрастной состав населения характеризует количество доступных трудовых ресурсов, учитывается при прогнозе показателей смертности и рождаемости, позволяет определить текущую и спрогнозировать будущую нагрузку на пенсионную систему и здравоохранение [1, с. 288].

Так, к примеру, преобладание в структуре молодых возрастных групп, является движущей силой экономического роста, инновационной деятельности, технологического прогресса и цифровизации, в то время как преобладание пожилого нетрудоспособного населения ведет к увеличению нагрузки на пенсионные фонды, росту затрат на здравоохранение, дефициту кадров, в том числе в социальной сфере [4, с. 44]. В связи с этим, анализ возрастного состава населения является довольно важным и актуальным направлением современных научных исследований.

Одной из самых серьезных проблем современности является старение населения, так как, как было указано ранее, преобладание пожилого населения в структуре населения влечет за собой ряд негативных последствий. Учитывая, что именно старение населения является, по оценке ряда экспертов, основной мировой демографической тенденцией в России и в

большинстве развитых стран, мы считаем целесообразным рассмотреть возрастную структуру населения России сконцентрировав внимание на данном процессе.

Цель данной работы – определение особенностей возрастной структуры населения России, выявление преобладающих возрастных групп, а также анализ текущих тенденций изменения возрастной структуры и определение факторов, обуславливающих процесс старения населения.

Методы исследования. В рамках исследования были определены несколько направлений анализа, в частности, анализ структуры населения, анализ структурных изменений в динамике, анализ соотношения работоспособного и пожилого населения.

При исследовании возрастного состава населения использовались такие методы, как статистический анализ демографических данных, сравнительный анализ данных разных временных периодов, а также графические методы. В рамках исследования также был проведен анализ научной литературы и актуальных исследований по теме исследования.

В качестве эмпирической базы исследования были использованы данные Росстата, включая данные об общей численности населения, численности населения по возрастным группам, а также открытые статистические данные международных организаций.

Учитывая тот факт, что трансформация возрастной структуры, в частности старение населения, является одной из мировых демографических тенденций, был также проведен сравнительный анализ с использованием данных других стран, в частности Японии, Индии.

Анализ. Рост естественной убыли и сокращение численности населения – долговременная тенденция российской демографии. Подобная удручающая тенденция убыли населения России наблюдается ещё с 1993 г., когда население страны достигло своего максимального значения – 148,6 млн. человек. Данный процесс иногда прерывался умеренным ростом в 2009–2017 гг., однако уже с 2018 г. непрерывная убыль населения возобновилась [6, с. 79]. Так, например, в соответствии с данными Росстата, численность населения России на 1 января 2022 г. составила 145,6 млн. чел., сократившись за 2021 г. на 612,8 тыс. чел., или 0,4 %. На 1 января 2023 г. численность населения составила уже 146,4 млн. чел, сократившись ещё на 0,36 % [5].

Основной причиной сокращения численности населения России является длительное поддержание уровня рождаемости ниже уровня простого воспроизводства, наблюдающееся с 1992 года. Наиболее тяжелая ситуация сложилась в 1999–2002 годах, когда естественная убыль достигала почти миллиона человек в год. Ожидается, что подобная тенденция будет сохраняться не просто в ближайшие годы, а в ближайшие несколько десятилетий. Так, по прогнозам Федеральной службы государственной статистики тенденция непрерывной убыли населения России сохранится в течение 15 лет [5].

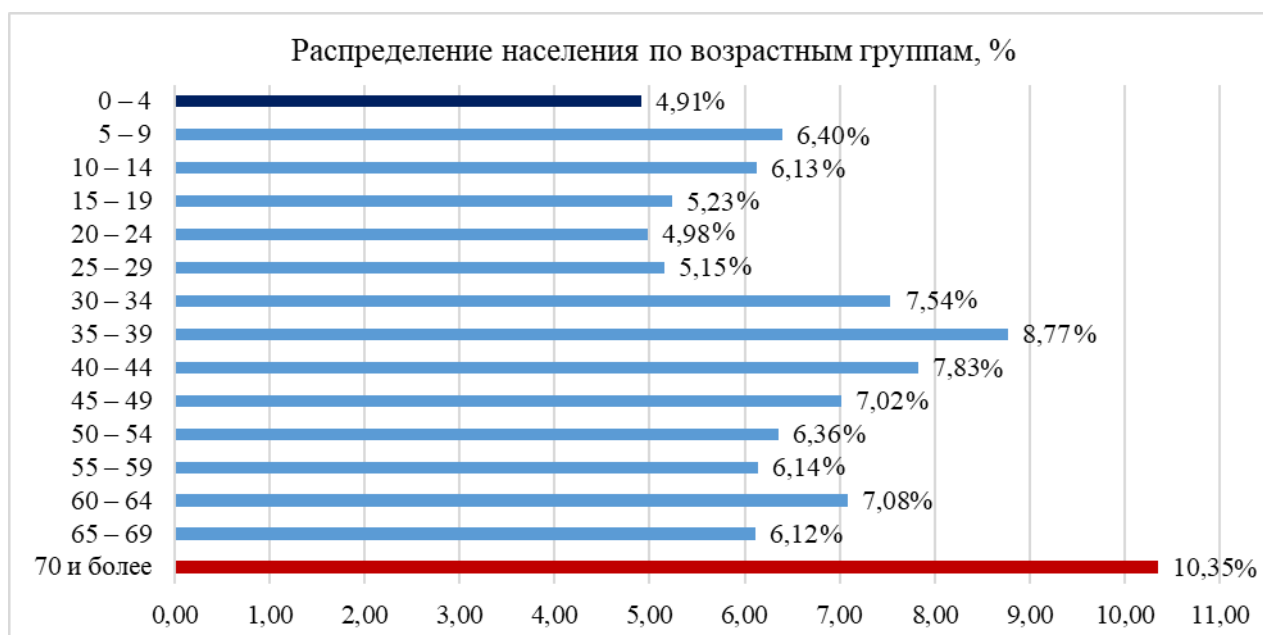

Рис. 1. Возрастная структура населения России, 2023 г.

Примечание: Источник: составлено авторами на основе данных [5].

На фоне сокращения общей численности населения наблюдаются и другие негативные демографические тенденции. Важной проблемой является неравномерное распределение населения России по возрастным группам: в структуре населения можно наблюдать волнообразную деформацию возрастного состава. Данные деформации вызваны рядом исторических и социально-экономических причин, в числе которых влияние Великой Отечественной войны, а затем экономических и политических кризисов, а также тяжелого переходного периода 1990-х годов [4, с. 40]. Ожидается, что в дальнейшем демографические волны сгладятся, но все равно сохранятся до конца века, проявляясь в волнообразном изменении численности родившихся и вступающих в брак [6, с. 81].

Негативной тенденцией является также общая тенденция старения населения, что видно из показателей по конкретным возрастным группам. Так, наибольшую долю населения России по состоянию на 1-е января 2023 г. составило население, от 70 лет и старше – 10,35 % (15152 тыс. чел.) [5]. В тоже время наименьшая доля населения приходится на детей до 4-х лет (4,91 %), а так же на молодежь в возрасте 20-24 лет (4,98 %) и 25-29 лет (5,15 %). Подобное соотношение свидетельствует о старении населения России.

Таблица 1 – Численность трудоспособного и нетрудоспособного населения России в 2019–2023, тыс. чел.

	2019	2020	2021	2022	2023
1. Трудоспособное население	81362	82678	81881	84400	83440
2. Нетрудоспособное население	65419	64071	64290	62580	63007
Население, не достигшее трудоспособного возраста (до 16 лет)	27430	27442	27387	27308	27160
Население старше трудоспособного возраста	37989	36629	36903	35272	35847

Старение населения – процесс увеличения доли пожилых людей в структуре населения страны и сокращения доли молодых и трудоспособных возрастных групп. Увеличение доли пожилого нетрудоспособного населения в структуре населения приводит к увеличению нагрузки на систему социальной защиты, пенсионные фонды и здравоохранение, а также вызывает демографический дисбаланс, увеличивая структурную нагрузку на экономику страны.

В период с 2019 по 2023 годы соотношение трудоспособного населения к нетрудоспособному варьировалось в России в пределах от 56,02 % и 43,98 % до 57,42 % и 42,58 % [5].

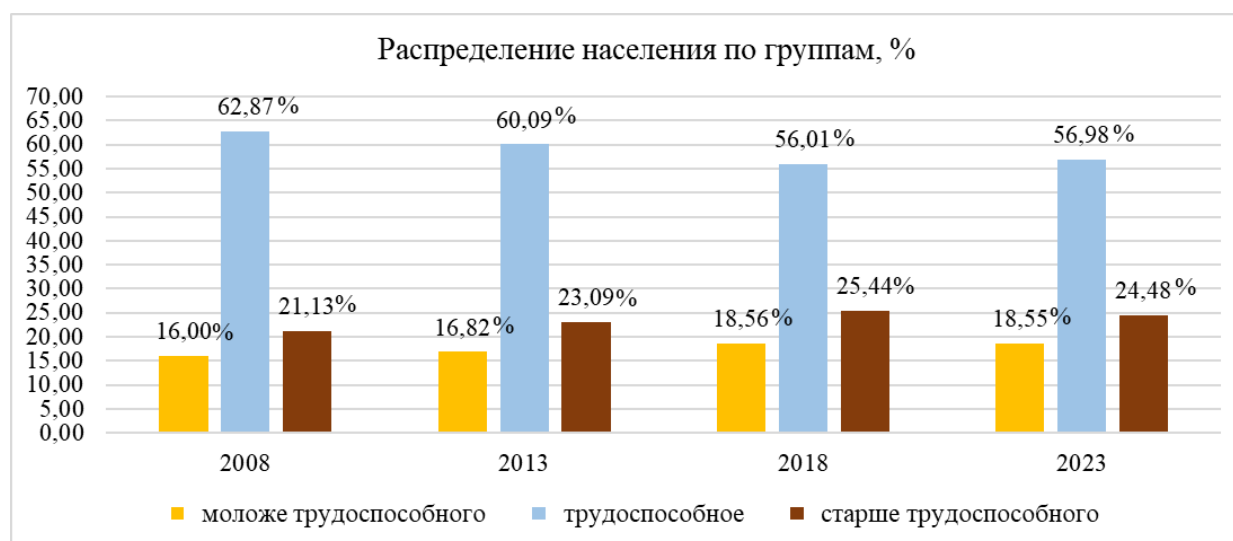

Рис. 2. Соотношение трудоспособного и нетрудоспособного населения России, 2008–2023 гг.

Примечание: источник: составлено авторами на основе данных [5].

Однако, более показательны изменения соотношения трудоспособной и нетрудоспособной части населения за последние 15 лет. Так, за 15 лет общая доля нетрудоспособного населения увеличилась с 37,13 %, до 43,03 %. Причем доля пожилого населения старше трудоспособного возраста за 15 лет увеличилась с 21,13 % в общей численности населения России до 24,48 %.

Россия – далеко не единственная страна, в которой наблюдаются подобные процессы. Старение населения становится проблемой всё большего числа стран [6, с. 80]. Так, старение населения является одной из основных демографических тенденций стран Европы, в частности, Германии. Однако, структурный дисбаланс населения европейских государств в определенной степени перекрывается миграцией. Более показательным примером «стареющего» государства является Япония [2, с. 26].

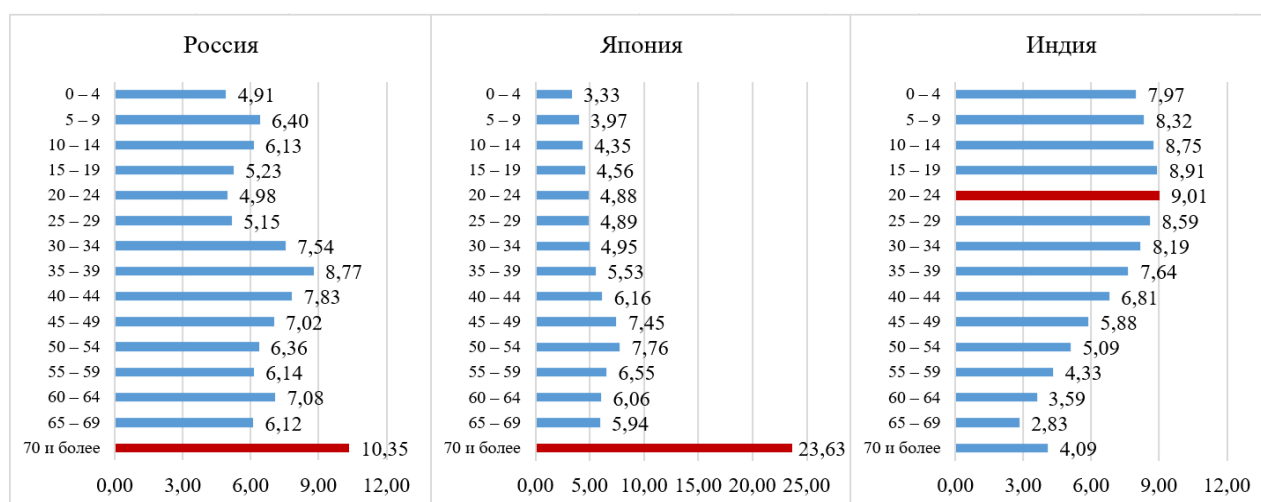

Рис. 3. Сравнение возрастной структуры стран в 2023 г., %.

Примечание: источник: составлено авторами на основе данных [7]

Старение населения, получившее в Японии неофициальное название «серебряное цунами», является серьезной проблемой и потенциальной угрозой экономике страны [3, с. 95]. В отличие от российских 10,35 %, в Японии население старше 70 лет в 2023 году составило 23,63 % от всего населения [7]. Публикуемые исследования содержат ряд факторов, оказавших влияние на формирование подобной демографической ситуации в Японии: увеличение продолжительности жизни населения за счёт развития системы здравоохранения и роста общего благосостояния населения, а также стремительное снижение рождаемости ввиду ряда экономических факторов – смещения акцента на получение образования и построение карьеры, а также в связи с постоянно возрастающей стоимостью содержания и воспитания детей. Подобная ситуация, по оценкам ряда экспертов, уже ставит под угрозу стабильность финансовой системы Японии, увеличивает требования к планированию и распределению средств на социальное обеспечение, ведет к дефициту кадров и ряду других негативных последствий.

Для сравнения, рассмотрим страну с кардинально отличающимся возрастным составом. Ярким примером является Индия. Преобладающую долю населения составляет молодое население в возрасте 20–24 лет (9,01 %), и, в целом, большая часть населения приходится на трудоспособную молодежь, в то время как на население старше 70 лет приходится всего

4,09 % населения [7]. В современной Индии отсутствует проблема старения населения, что определяется высоким уровнем рождаемости. Однако, важно отметить и негативный аспект подобной ситуации – в Индии более низкая продолжительность жизни, чем в ранее рассмотренных странах; уровень медицины, социального обеспечения и общее благосостояние населения ведут к сокращению доли пожилых, население в данной ситуации ещё больше «молодеет». Таким образом, Индия продолжает иметь преимущественно молодежную и очень динамичную демографическую структуру.

Выводы. Таким образом, демографическая ситуация в стране является достаточно напряженной и не ограничивается только непрерывной убылью населения. В настоящее время, Россия, как и ряд развитых стран, столкнулась с демографическим кризисом, связанным с непропорциональной возрастной структурой и старением населения.

Старение населения в России является серьезным вызовом для экономики и страны. Увеличение доли пожилых людей приводит к сокращению трудоспособного населения, росту государственных расходов на пенсионное обеспечение и здравоохранение, дефициту квалифицированных кадров и ряду других долгосрочных последствий, способных ограничить экономический рост государства.

Для преодоления сложившейся ситуации и определения стратегии государственной социально-демографической политики необходима комплексная оценка и мониторинг тенденций, факторов и последствий социально-демографических процессов на федеральном и региональном уровнях.

Результаты проведенного исследования могут быть в дальнейшем использованы при более подробном изучении влияния возрастной структуры населения России на экономику и при разработке программ и мероприятий, направленных на повышение экономической стабильности и минимизацию негативных последствий старения населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ананченкова, П. И. Будущее мировой политики в условиях старения населения // Власть. 2025. Т. 33, № 4. С. 287-293. DOI 10.24412/2071-5358-2025-4-287-293. EDN QFSSFP.
2. Гринин, Л. Е. Демографический срез исторического процесса. Статья вторая. Демографические трансформации в историческом процессе / Л. Е. Гринин, А. Л. Гринин // Философия и общество. 2022. № 4 (105). С. 5-39. DOI 10.30884/jfio/2022.04.01. EDN GYBYWW.
3. Лебедева, И. П. Социально-экономическое измерение старения населения Японии // Японские исследования. 2023. № 4. С. 94-116. DOI 10.55105/2500-2872-2023-4-94-116. EDN GBMRIY.

4. Сигарева, Е. П. Изменения человеческого потенциала в России до 2050 года под влиянием трансформации возрастной структуры населения / Е. П. Сигарева, С. Ю. Сивоплясова, В. Н. Архангельский // Экономика. Налоги. Право. 2023. Т. 16, № 2. С. 37-47. DOI 10.26794/1999-849X-2023-16-2-37-47. EDN GRYYYYE.

5. Федеральная служба государственной статистики. Демография // Электронный ресурс. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 28.10.2025).

6. Щербакова, Е. М. Динамика населения России в контексте мировых тенденций // Проблемы прогнозирования. 2022. № 4 (193). С. 78-97. DOI 10.47711/0868-6351-193-78-97. EDN FRSMFJ.

7. Statbase. Статистика. Данные международных организаций. Электронный ресурс. URL: <https://statbase.ru/> (дата обращения: 28.10.2025).

REFERENCES

1. Ananchenkova, P. I. Budushchee mirovoj politiki v usloviyah stareniya naseleniya // Vlast'. 2025. Т. 33, № 4. С. 287-293. DOI 10.24412/2071-5358-2025-4-287-293. EDN QFSSFP.

2. Grinin, L. E. Demograficheskij srez istoricheskogo processa. Stat'ya vtoraya. Demograficheskie transformacii v istoricheskom processe / L. E. Grinin, A. L. Grinin // Filosofiya i obshchestvo. 2022. № 4(105). С. 5-39. DOI 10.30884/jfio/2022.04.01. EDN GYBYWW.

3. Lebedeva, I. P. Social'no-ekonomicheskoe izmerenie stareniya naseleniya Yaponii // Yaponskie issledovaniya. 2023. № 4. С. 94-116. DOI 10.55105/2500-2872-2023-4-94-116. EDN GBMRIY.

4. Sigareva, E. P. Izmeneniya chelovecheskogo potenciala v Rossii do 2050 goda pod vliyaniem transformacii vozrastnoj struktury naseleniya / E. P. Sigareva, S. Yu. Sivoplyasova, V. N. Arhangel'skij // Ekonomika. Nalogi. Pravo. 2023. Т. 16, № 2. С. 37-47. DOI 10.26794/1999-849X-2023-16-2-37-47. EDN GRYYYYE.

5. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistki. Demografiya // Elektronnyj resurs. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (data obrashcheniya: 28.11.2025).

6. Shcherbakova, E. M. Dinamika naseleniya Rossii v kontekste mirovyh tendencij // Problemy prognozirovaniya. 2022. № 4(193). С. 78-97. DOI 10.47711/0868-6351-193-78-97. EDN FRSMFJ.

7. Statbase. Statistika. Dannye mezhdunarodnyh organizacij. Elektronnyj resurs. URL: <https://statbase.ru/> (data obrashcheniya: 28.11.2025).

Информация об авторах

Елена Вячеславовна Акользина, аспирант 2 курса направления «Экономика», Волгоградский филиал РЭУ имени Г. В. Плеханова, ул. Волгодонская, 11, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, k.alena913@mail.ru, SPIN-код: 7044-0826, AuthorID: 1289917.

Марина Викторовна Леденёва, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, Волгоградский филиал РЭУ имени Г. В. Плеханова, ул. Волгодонская, 11, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, mledenjova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9638-0364>, SPIN-код: 6664-2437, AuthorID: 617814.

Information about Authors

Elena V. Akolzina, 2nd year postgraduate student (Economics), Plekhanov Russian University of Economics, Volgograd branch, Volgograd, Volgodonskayast., 11, 400066 Volgograd, Russian Federation, k.alena913@mail.ru, SPIN-код: 7044-0826, AuthorID: 1289917.

Marina V. Ledeneva, Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Professor Department of Management and Marketing, Plekhanov Russian University of Economics, Volgograd branch, Volgograd, Volgodonskayast., 11, 400066 Volgograd, Russian Federation, mledenjova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9638-0364>, SPIN-код: 6664-2437, AuthorID: 617814.

Для цитирования: Акользина Е. В., Леденёва М. В. Особенности возрастной структуры населения России // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 4 (18). С. 73-81. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N4.pdf

УДК 331.5

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОЛОДЕЖНОГО РЫНКА ТРУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Артем Дмитриевич Грошев, Екатерина Александровна Чумакова

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,

г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются трансформационные процессы на рынке труда молодого поколения в Российской Федерации. Уровень образования, предпочтения и ожидания молодежи, макроэкономические факторы оказывают влияние на трудоустройство молодого поколения, на параметры занятости и безработицы и, вызванное, в связи с этим, напряжение на рынке труда формируют современную модель поведения, которую целесообразно исследовать со всех сторон и на постоянной основе.

Методы. Используемые количественные методы исследования позволили изучить трансформацию молодежного рынка труда Российской Федерации с выявлением современных угроз. Сравнительный метод, экономико-статистический подход позволили выявить закономерности в ретроспективе и предположить прогнозные сценарии развития молодежного рынка труда на перспективу.

Анализ. В статье проведен анализ уровня официальной безработицы и динамики общей численности рабочей силы, численности рабочей силы по возрастным группам, численности принятых и выбывших работников, оценены уровень безработицы по возрастным группам и продолжительность поиска работы по возрастным группам, выявлена доля трудоустроенных выпускников, проведено соответствие работы трудоустроенных выпускников высшего образования, а также соответствие работы трудоустроенных выпускников СПО, дополнен анализ оценкой миграционных потоков и параметрами численности населения в возрасте 14-35 лет в Волгоградской области.

Результаты. Молодёжь вынуждена быть более мобильной, что позволяет ей быстро находить новые рабочие места, однако высокая безработица показывает, что молодые люди не задерживаются долго на этих рабочих местах в силу несоответствия ожиданиям и уровню квалификации и, в итоге, остаются безработными чаще, хотя и на менее продолжительный период. Однако, рынок труда ждет молодых специалистов и при условии готовности к собственному профессиональному развитию карьерные ожидания не заставят долго ждать.

Ключевые слова: занятость населения, молодежь на рынке труда, безработица, рабочая сила.

UDC 331.5

TRANSFORMATION OF THE YOUTH LABOR MARKET IN THE RUSSIAN FEDERATION

Artem D. Groshev, Ekaterina A. Chumakova

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article examines the transformation processes in the labor market of the younger generation in the Russian Federation. The level of education, preferences and expectations of young people, and macroeconomic factors all have an impact on the employment of the younger generation, as well as on the parameters of employment and unemployment, and the resulting tension in the labor market. This creates a modern model of behavior that should be studied from all angles and on an ongoing basis.

Methods. The quantitative research methods used allowed for the transformation of the youth labor market in the Russian Federation, identifying current threats. The comparative method and economic and statistical approaches allowed for the identification of patterns in the past and the prediction of future scenarios for the development of the youth labor market.

Analysis. The article analyzes the level of official unemployment and the dynamics of the total workforce, the workforce by age group, the number of new and retired employees, the unemployment rate by age group, and the duration of job search by age group. The article also identifies the proportion of employed graduates, compares the employment of graduates of higher education and the employment of graduates of secondary vocational education, and provides an analysis of migration flows and population parameters in the age group of 14-35 in the Volgograd Region.

Results. Young people are forced to be more mobile, which allows them to quickly find new jobs, but high unemployment rates show that young people do not stay in these jobs for long due to a lack of fit with expectations and skill levels, and as a result, they are more likely to remain unemployed, albeit for shorter periods. However, the job market is eager for young professionals, and with the right mindset and commitment to personal growth, career expectations can be met.

Keywords: population employment, young people in the labor market, unemployment, and the workforce.

Введение. Сложившиеся тенденции российского рынка труда на начало 2025 года характеризуются рядом положительных трендов. Так, уровень официальной безработицы населения находится на исторически низком уровне: на начало 2024 года он был зафиксирован на уровне 2,6 %, что в два раза меньше по сравнению с 2014 годом (5,2 %) и, более чем, в три раза меньше за двадцатилетний интервал времени (7,8 %). Общая численность рабочей силы

также остаётся стабильной, увеличившись на 348 и 2946 тысяч человек, сравнивая с 2014 и 2004 годом соответственно. Такое положение дел выгодно опытным работникам, а от молодежи скрывает суровую реальность: найти работу по специальности, которая будет соответствовать их трудовым и зарплатным ожиданиям, будет становиться сложнее из года в год.

Анализ. Разделив рабочую силу условно на молодой (18-35 лет), средний (36-60 лет) и пожилой (61-75 лет) возраст, отслеживается негативная тенденция на увеличение среднего возраста трудящегося человека: если в 2019 году среднестатистическому работнику был 41 год, то уже спустя 3 года – 41,8 год. Более того, положительный рост занятых в структуре рабочей силы наблюдается у представителей среднего и пожилого возраста, при этом общая численность молодежи в составе рабочей силы уменьшилась на 12 %, или на 2991 тыс. человек за 3 года, в то время, как у людей среднего и пожилого возраста произошло увеличение на 4 % и 14 % соответственно. Снижается и удельный вес молодежи в формировании рабочей силы при относительно стабильном увеличении последней.

Таблица 1 – **Уровень официальной безработицы и динамика общей численности рабочей силы**

Показатель	2004	2014	2024
Уровень безработицы, %	7,8	5,2	2,6
Рабочая сила, тыс. человек	72984,7	75582,3	75930,4

Источник: составлено автором на основе [1].

С 2019 по 2022 годы доля занятой молодёжи снизилась с 34 % до 30 %, в это же время другие возрастные группы укрепили свои позиции на рынке труда: удельный вес работников среднего возраста увеличился на 3 %, пожилого возраста – на 1 % (таблица 2). Это говорит о том, что, несмотря на продолжительное старение населения и сопутствующее увеличению возраста молодёжи до 35 лет в 2020 году, потенциал молодых работников не может быть реализован полностью вследствие тренда на удержание опытных сотрудников и высокой безработицы поколения.

Таблица 2 – **Численность рабочей силы по возрастным группам**

Год	Всего	Молодой возраст	Средний возраст	Пожилой возраст	Население в трудоспособном возрасте	Средний возраст, лет
	Тыс. человек					
Рабочая сила						
2019	75 398	26 036	44 665	4 698	67 230	41
2020	74 923	24 924	45 085	4 913	67 336	41
2021	75 350	24 277	45 917	5 157	68 505	42
2022	74 924	23 045	46 511	5 368	68 255	42

Источник: составлено автором на основе [7, с. 20].

Прослеживается связь между пропорцией нанятых/выбывших работников и изменением возрастной структуры рабочей силы. Период с 2000 года по 2008 год в целом можно описать как положительный на рынке труда: стабильно нанималось больше сотрудников, чем увольнялось. Однако, в 2009 году численность принятых сотрудников резко сократилась на 1857 тысяч человек, а темпы выбытия сотрудников наоборот замедлились, впервые показав отрицательную динамику по сравнению с 2000 годом. После мирового финансового кризиса, затронувшего в том числе и Россию, траектория найма и выбытия изменилась бесповоротно: начиная с 2009 года количество нанятых сотрудников ни разу не показало плюсовой разницы с докризисным периодом. В 2020 году в связи с началом коронавирусной пандемии ситуация повторилась: резко сократилось количество нанятых, число выбывших работников уменьшилось. Следовательно, в критические для экономики периоды вход на рынок затрудняется, что делает ситуацию для желающих трудоустроиться выпускников ВУЗов и СУЗов еще более напряженной (таблица 3).

Таблица 3 – Численность принятых и выбывших работников

Год	Численность принятых работников, тыс. человек	По сравнению с 2000 годом	Численность выбывших работников, тыс. человек	По сравнению с 2000 годом
2000	11235,9	0,0	11616,2	0,0
2003	11534,9	299,0	12358,1	741,9
2006	11644,7	408,8	11797,7	181,5
2009	9378,1	-1857,8	10900,7	-715,5
2012	9710,4	-1525,5	9859,0	-1757,2
2015	9109,3	-2126,6	10047,9	-1568,3
2018	9136,1	-2099,8	9462,9	-2153,3
2020	8398,5	-2837,4	8789,9	-2826,3
2023	10822,3	-413,6	10938,5	-677,7

Источник: составлено автором на основе [6].

Это является одной из причин, почему молодёжь остаётся и «лидером» по безработице по сравнению с другими поколениями. Низкий уровень безработицы характерен для работников 30 лет и старше. В 2022 году уровень безработицы молодых людей в возрасте 20-24 лет составил 13,5 %, что больше показателей группы 30-34 на 9,5 %, группы 40-44 на 10,7 %, группы 60-64 на 11 %, группы 70 и старше на 11,7 %. Среднегодовые темпы снижения безработицы с 2019 по 2022 годы у молодежи в группах 20-24 и 30-34 лет ниже, чем у других возрастных групп, у группы 40-44 они выше на 0,2 %, у группы 50-54 на 0,5 %, у группы 50-54 на 0,2 %, у группы 70 и старше на 0,3 %. Это сигнализирует о структурных проблемах на рынке труда, поскольку при стабильном расширении экономики должны создаваться рабочие места в том числе направленные, на молодое поколение. Таким образом, в условиях, сложившихся в России в настоящее время, опытные работники выигрывают конкуренцию за, и так уменьшившееся в кризисные времена, рабочие места (таблица 4).

Таблица 4 – Уровень безработицы по возрастным группам

Год	Всего	20 – 24	30 – 34	40 – 44	50 – 54	60 – 64	70 и старше
	Тыс. человек						
2019	4,6	14,4	4,4	3,4	3,7	2,4	2,4
2020	5,8	16,2	6,0	4,6	4,5	2,8	2,8
2021	4,8	15,1	4,8	3,6	3,8	2,8	3,2
2022	3,9	13,5	4,0	2,8	2,8	2,5	1,8
Среднегодовой темп, %	-0,2	-0,5	-0,5	-0,3	0,0	-0,3	-0,2

Источник: составлено автором на основе [7, с. 61].

Несмотря на высокий уровень молодежной безработицы, прослеживается тенденция, что время поиска работы у молодёжи по сравнению с другими поколениями меньше. Среднее время поиска работы в России составляет 6,2 месяца. Молодые люди в среднем ищут работу за 5,2 месяца, что на 24 % меньше, чем у представителей среднего возраста (6,9 месяцев) и на 28 % меньше, чем у пожилого возраста (7,2 месяцев). Молодёжь вынуждена быть более мобильной, что позволяет ей быстро находить новые рабочие места, однако высокая безработица показывает, что молодые люди не задерживаются долго на этих рабочих местах в силу несоответствия ожиданиям и уровню квалификации и, в итоге, остаются безработными чаще, хотя и на менее продолжительный период (таблица 5).

Таблица 5 – Продолжительность поиска работы по возрастным группам

Группа	Всего	в том числе ищут работу, месяцев						Среднее время поиска работы, месяцев
		менее 1	от 1 до 3	от 3 до 6	от 6 до 9	от 9 до 12	12 и более	
	Тысяч человек							
Всего	2 951	345	817	601	368	286	533	6,2
Молодой возраст	1446	221	427	299	172	121	205	5,2
Средний возраст	1381	114	351	285	183	151	299	6,9
Пожилой возраст	123	11	39	18	13,4	13,3	30	7,2

Источник: составлено автором на основе [7, с. 68].

Причина доминирующего положения работников среднего и пожилого возрастов кроется, в том числе, и в соотношении изменений показателя трудоустройства выпускников и, сопряжённой с ним, средней начисленной заработной платой.

Трудоустроенных выпускников в России становится меньше. Если в 2015 году было трудоустроено 84,5 %, то уже в 2023 году этот показатель снизился до 77,6 %. Ситуация в сфере трудоустройства выпускников высшего уровня образования складывается лучше, чем в среднем по другим уровням образования: в 2015 году было трудоустроено 88,4 %, в 2023 году – 79 %. Вопреки тому, что ситуация с трудоустройством по специальности улучшилась с 2015 года (в 2015 году 71 % трудоустройства был связан со специальностью, в 2023 году – 76 %), трудоустроенными не по специальности выпускников высших учебных

заведений остаётся около четверти, что может вызывать риски перехода недавних студентов в теневую или неформальную занятость, а также кадровый дефицит в отдельных отраслях экономики. (таблица 6). Самые высокие показатели трудоустройства выпускников по специальности в 2023 году имеют такие направления, как клиническая медицина (5 %), науки о здоровье и профилактическая медицина (5 %) и фармацевтика (6 %). Меньше всего трудоустраивается выпускников по специальности в сфере политических наук и регионоведения (60 %), технологий легкой промышленности (43 %) и наук о земле (42 %) (таблица 7). Что касается ситуации с трудоустройством выпускников, получивших среднее профессиональное образование, почти половина из них не устраивается работать по специальности: за период 2015–2017 годов не по специальности устроились 40 %, за период 2020–2022 годов – 38 %, то есть более трети (таблица 8). В связи с этим встает важный вопрос – где сейчас находятся выпускники и почему они не хотят работать по специальности.

Таблица 6 – Доля трудоустроенных выпускников

(В процентах)	Группа 2015-2017			Группа 2020-2022		
	Выпускники 2015 г.	Выпускники 2016 г.	Выпускники 2017 г.	Выпускники 2020 г.	Выпускники 2021 г.	Выпускники 2022 г.
Всего	84,5	79,1	72,8	88,1	83,8	77,6
имеют уровень образования:						
высшее	88,4	84,7	76,4	90,9	85,8	79,0

Источник: составлено автором на основе [8].

Таблица 7 – Соответствие работы трудоустроенных выпускников высшего образования

Тыс. чел.	Группа 2015-2017			Группа 2020-2022		
	Всего	В процентах		Всего	В процентах	
		связана	не связана		связана	не связана
Всего	2447,0	71	29	1660,1	76	24
Клиническая медицина	101,5	97	3	68,3	95	5
Науки о здоровье и профилактическая медицина	7,8	91	9	5,9	95	5
Фармацевтика	18,0	97	3	10,1	94	6
Политические науки и регионоведение	7,1	39	61	4,2	40	60
Технологии легкой промышленности	5,4	47	53	5,4	57	43
Науки о Земле	28,7	50	50	18,0	58	42

Источник: составлено автором на основе [8].

Таблица 8 – Соответствие работы трудоустроенных выпускников СПО

Среднее звено	Всего	в том числе по связи работы с полученной профессией		В процентах	
		связана	не связана	связана	не связана
Группа 2015-2017	1019,2	614,3	404,8	60	40
Группа 2020-2022	1015,9	628,5	387,4	62	38

Источник: составлено автором на основе [8].

Оценка миграционных процессов позволяет сделать выводы, что молодежь более склонна к международной миграции. Среднее значение переехавших за границу за период 2017–2023 год у группы 20-24 лет (56186 человек) выше на 11 % чем у группы 25-29 лет (50711 человек), на 3 % чем у группы 30-34 лет (49076 человек), на 21 % чем у группы 35-39 лет (40562 человек) и на 33 % чем у группы 40-44 лет (30555 человек). При этом по направлению межрегиональной миграции молодёжь в целом демонстрирует положительную динамику: миграция из городской среды у людей в возрасте 20-34 лет сократилась в среднем на 24 %, из сельской местности – на 37 % за 7 лет (таблица 9). Однако на примере Волгоградской области можно заметить, что число молодёжи в сельских районах уменьшается. Только 3 административные единицы региона показали положительный рост численности населения в возрасте от 14 до 35 лет – г. Михайловка (114 %), Даниловский (159 %) и Котовский (180 %) районы, а в 5 районах – убыль молодежи на треть (Алексеевский, Руднянский, Кумылженский, Чернышковский и Киквидзенский) за 10 лет (таблица 10). Следовательно, нельзя утверждать, что убыль молодежи в России связана с межрегиональной миграцией из сёл и городов, она связана именно с высокой интенсивностью международной миграции и со снизившимся количеством детей на одну семью при снижении тренда на трудовую и учебную релокацию.

Таблица 9 – Миграция молодёжи

Группа		2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
20-24	Международная миграция	43 634	53 204	51 743	69 261	24 015	91 714	59 736
	Межрегиональная миграция (город)	221 707	230 800	216 226	191 627	181 448	183 620	174 012
	Межрегиональная миграция (село)	53 350	53 438	45 220	38 063	38 548	36 683	
24-29	Международная миграция	43 898	51 182	48 891	56 812	25 902	77 882	50 411
	Межрегиональная миграция (город)	216 796	206 684	173 428	143 787	129 563	120 772	110 071
	Межрегиональная миграция (село)	69 789	67 781	54 099	44 028	40 525	36 746	
30-34	Международная миграция	42 054	49 243	48 592	53 697	27 166	74 652	48 130
	Межрегиональная миграция (город)	215 630	223 801	201 961	172 881	159 542	147 269	128 848
	Межрегиональная миграция (село)	63 065	66 576	57 580	48 832	46 270	42 183	
35-39	Международная миграция	32 899	38 746	38 364	43 837	23 402	63 796	42 892
	Межрегиональная миграция (город)	152 530	164 848	157 770	144 352	143 108	145 856	141 424
	Межрегиональная миграция (село)	41 941	45 718	41 671	37 044	37 896	38 354	
40-44	Международная миграция	25 860	30 002	28 709	32 153	17 175	47 773	32 216
	Межрегиональная миграция (город)	105 674	114 378	109 314	101 257	101 479	104 015	105 268
	Межрегиональная миграция (село)	28 064	30 580	28 340	25 995	26 898	26 980	

Источник: составлено автором на основе [4].

Таблица 10 – Численность населения в возрасте 14-35 лет в Волгоградской области

Показатели	2013	2024	Тренд
Алексеевский район	4 676	2 998	64%
Руднянский район	4 219	2 757	65%
Кумылженский район	5 833	3 865	66%
Чернышковский район	4 538	3 067	68%
Киквидзенский район	4 721	3 256	69%
город Михайловка	18 084	20 592	114%
Даниловский район	3 639	5 797	159%
Котовский район	8 465	15 211	180%

Источник: составлено авторов на основе [5].

Одним из факторов указанных тенденций является разница между средней начисленной заработной платой работников по возрастным группам и индексом потребительских цен. Купить/снять жилье для молодёжи стало одним из препятствий для реализации своего трудового потенциала: только в 2021 году индекс цен на все квартиры составил 125 %, в 2022 году – 121 %, в 2023 – 109,7 %, со средним показателем в 107 % за период 2009–2023 годов, индекс потребительских цен также держится на стабильном уровне в 8-9 % (таблица 11). Из-за роста цен на жилье молодое поколение решает отложить создание семьи из-за финансовых соображений. Вне зависимости от категории специалистов интервальная группа в возрасте от 20 до 30 лет содержит гораздо меньше опытных работников, а для преодоления разницы между максимальной и минимальной заработной платой существует разрыв в 15 лет. Например, руководитель в возрасте 20-24 лет в среднем в 2021 году получал 63569 тыс. рублей, в возрасте 35-39 лет – 123432 тыс. рублей, специалист среднего уровня квалификации в возрасте 20-24 лет получал 40747 тыс. рублей, в возрасте 35-39 лет – 57936 тыс. рублей (таблица 12). Вследствие чего перспектива карьерного роста (и сопутствующего долгосрочного роста заработной платы) не может удовлетворить существующие финансовые потребности молодежи.

Таблица 11 – Индекс цен 2009–2023 годов

Индексы цен, %	2009	2011	2013	2015	2017	2019	2020	2021	2022	2023
Жильё	92,4	106,7	104,8	99,7	101,0	108,0	112,0	126,0	121,0	109,7
Потребительские товары	108,80	106,10	106,47	112,91	102,51	103,04	104,91	108,39	111,94	107,42

Источник: составлено авторов на основе [2].

Таблица 12 – Средняя начисленная заработная плата

Категория	из них в возрасте, лет							
	до 20	20 – 24	25 – 29	30 – 34	35 – 39	40 – 44	45 – 49	50 и старше
Руководители	34 703	63 569	101 743	122 736	123 432	120 567	118 063	97 627
Специалисты высшего уровня квалификации	34 534	51 866	70 859	71 301	68 962	65 171	62 916	56 010
Специалисты среднего уровня квалификации	40 747	50 073	66 471	62 542	57 936	55 067	52 693	45 752

Источник: составлено автором на основе [7, с. 177].

Заключение. Таким образом, тренды современного рынка труда показывают, что в силу ряда финансово – экономических факторов молодёжь не хочет работать по специальности, поскольку начальные зарплаты не могут покрыть базовые расходы. В результате увеличивается количество вакантных мест при ограниченном трудовом ресурсе, возникает дефицит молодых специалистов. Перспективы у начинающих работников не столь благоприятные, однако, если они будут готовы постоянно развивать свои навыки и повышать свою квалификацию, несмотря на экономическую неопределённость, и будут открыты к различным типам работ, включая временные или частичные позиции, которые могут привести к постоянной занятости, рынок труда откроется им с новой стороны и будет соответствовать их карьерным ожиданиям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Занятость и безработица // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 23.09.2025).
2. Индексы потребительских // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 23.09.2025).
3. Ли В. Р., Чумакова Е. А. Повышение занятости населения как фактор экономической безопасности муниципального образования // Актуальные социально-экономические проблемы развития общества в России и за рубежом. Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Волгоград, 2023. С. 202-207.
4. Миграция (витрины) // Росстат – витрина статистических данных. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278008/> (дата обращения: 23.10.2025).
5. Население Волгоградской области // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst18 (дата обращения: 23.10.2025).

6. Неполная занятость, прием и выбытие работников, рабочие места, забастовки // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 23.10.2025).
7. Столярова, А. Н. Проблемы демографии Волгоградской области: современные вызовы / А. Н. Столярова, Е. А. Чумакова, Е. Ю. Чернявская, Л. В. Шамрай-Курбатова // Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 11. С. 3061-3082. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.18.11.121901>
8. Труд и занятость в России. 2023: Стат.сб. / Росстат. М., 2023. 180 с.
9. Трудоустройство выпускников образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 23.10.2025).

REFERENCES

1. Zanyatost` i bezraborticza // Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (data obrashheniya: 23.09.2025).
2. Indeksy` potrebitel'skix // Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (data obrashheniya: 23.09.2025).
3. Li V. R., Chumakova E. A. Povy'shenie zanyatosti naseleniya kak faktor e`konomicheskoy bezopasnosti municipal'nogo obrazovaniya // Aktual'ny`e social'no-e`konomicheskie problemy` razvitiya obshhestva v Rossii i za rubezhom. Sbornik materialov V Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem. Volgograd, 2023. S. 202-207.
4. Migraciya (vitriiny`) // Rosstat – vitrina statisticheskix danny`x. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278008/> (data obrashheniya: 23.10.2025).
5. Naselenie Volgogradskoj oblasti // Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst18 (data obrashheniya: 23.10.2025).
6. Nepolnaya zanyatost`, priem i vy`by`tie rabotnikov, rabochie mesta, zabastovki // Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (data obrashheniya: 23.10.2025).
7. Stolyarova, A. N. Problemy` demografii Volgogradskoj oblasti: sovremenny`e vy`zovy` / A. N. Stolyarova, E. A. Chumakova, E. Yu. Chernyavskaya, L. V. Shamraj-Kurbatova // Kreativnaya e`konomika. 2024. T. 18. № 11. S. 3061-3082. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.18.11.121901>
8. Trud i zanyatost` v Rossii. 2023: Stat.sb. / Rosstat. М., 2023. 180 с.
9. Trudoustrojstvo vy`pusknikov obrazovatel'ny`x organizacij srednego professional'nogo i vy`sshego obrazovaniya // Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (data obrashheniya: 23.10.2025).

Информация об авторах

Артем Дмитриевич Грошев, студент 4 курса экономического факультета, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, groshevare@gmail.com.

Екатерина Александровна Чумакова, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и финансов, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, chumakova-ea@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1687-1682>, SPIN-код: 3409-5444, AuthorID: 705553

Information about Authors

Artem D. Groshev, 4th year student of the Faculty of Economics, Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarin st., 8, 400006 Volgograd, Russian Federation, groshevare@gmail.com.

Ekaterina A. Chumakova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economics and Finance, Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarin st., 8, 400006 Volgograd, Russian Federation, chumakova-ea@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1687-1682>, SPIN-код: 3409-5444, AuthorID: 705553

Для цитирования: Грошев А. Д., Чумакова Е. А. Трансформация молодежного рынка труда Российской Федерации // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 4 (18). С. 82-92. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N4.pdf

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

ECONOMIC SECURITY

УДК: 339.5

МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКЕ

Нигора Тулкуновна Талипова, Бобурхон Ботир угли Талипов

Филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова,
г. Ташкент, Республика Узбекистан

Аннотация. Введение. В условиях глобализации экономики и стремительного развития высоких технологий интеллектуальная собственность становится ключевым стратегическим ресурсом государства. Эффективная защита прав на результаты интеллектуальной деятельности напрямую влияет на инновационную активность, инвестиционную привлекательность и устойчивость конкурентной среды. Изучение международного опыта позволяет выявить успешные подходы к регулированию и охране интеллектуальных прав, применимые для совершенствования национальной системы защиты РИД.

Методы. В статье использованы методы сравнительного и структурного анализа, индукции и дедукции, экономико-статистические подходы, а также анализ международной и национальной практики охраны интеллектуальной собственности.

Анализ. На основе статистических данных Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) и национальных патентных ведомств проведён анализ динамики патентной активности, регистрации товарных знаков и промышленных образцов в ведущих странах мира. Особое внимание уделено странам Азии, включая Китай и Индию, а также США и ЕС. Выявлены ключевые тенденции, такие как рост высокотехнологичных и цифровых объектов интеллектуальной собственности, усиление роли государства в стимулировании инноваций и формирование специализированной инфраструктуры поддержки РИД.

Результаты. Установлено, что повышение уровня защиты интеллектуальной собственности способствует росту инвестиций в НИОКР, ускоряет развитие высокотехнологич-

ных отраслей и укрепляет конкурентоспособность национальных экономик. Для Китая характерен резкий рост патентной активности и создание технологических парков, в ЕС — стабильное расширение использования РИД в промышленности и торговле, в США — утилитарный подход к авторскому праву и комплексная система патентной защиты. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования национальных стратегий регулирования интеллектуальной собственности и поддержки инновационной экономики.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, патентная активность, регистрация товарных знаков, промышленные образцы, международный опыт, инновационная экономика.

UDC 339.5

MODELS OF INTELLECTUAL RIGHTS REGULATION IN FOREIGN PRACTICE

Nigora T. Talipova, Boburkhon B. ugli Talipov

Tashkent branch of the Plekhanov Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov,
Tashkent, Republic of Uzbekistan

Abstract. Introduction. In the context of globalization of the economy and rapid development of high technologies, intellectual property has become a key strategic resource for the state. Effective protection of rights to the results of intellectual activity directly affects innovation activity, investment attractiveness, and the stability of the competitive environment. Studying international experience allows us to identify successful approaches to the regulation and protection of intellectual rights that can be applied to improve the national system of protection of RID.

Methods. The article uses methods of comparative and structural analysis, induction and deduction, economic and statistical approaches, as well as an analysis of international and national practices of intellectual property protection.

Analysis. Based on statistical data from the World Intellectual Property Organization (WIPO) and national patent offices, the article analyzes the dynamics of patent activity, trademark registration, and industrial design registration in the leading countries of the world. Special attention is given to Asian countries, including China and India, as well as the United States and the European Union. The article identifies key trends, such as the growth of high-tech and digital intellectual property, the increasing role of the government in promoting innovation, and the development of specialized R&D support infrastructure.

Results. It has been established that increasing the level of intellectual property protection contributes to increased investment in R&D, accelerates the development of high-tech industries,

and strengthens the competitiveness of national economies. China is characterized by a sharp increase in patent activity and the establishment of technology parks, while the EU is characterized by a steady increase in the use of R&D in industry and trade, and the United States is characterized by a utilitarian approach to copyright and a comprehensive system of patent protection. These findings can be used to improve national strategies for regulating intellectual property and supporting the innovation economy.

Keywords: intellectual property, patent activity, trademark registration, industrial designs, international experience, and the innovative economy.

Введение. В условиях стремительного развития высокотехнологичных отраслей и формирования экономики, основанной на знаниях, интеллектуальная собственность превращается в один из ключевых стратегических ресурсов государства. Эффективность правовых механизмов её охраны прямо коррелирует с уровнем инновационной активности, инвестиционной привлекательностью и устойчивостью конкурентной среды. Ведущие страны мира, опираясь на собственные исторические, экономические и институциональные предпосылки, выработали неоднородные модели регулирования интеллектуальных прав. Эти модели представляют собой комплекс инструментов, обеспечивающих баланс между интересами правообладателей и необходимостью поддержания добросовестной конкуренции [1]. Изучение такого опыта обладает значительной научно-практической ценностью, поскольку позволяет выявить наиболее результативные подходы и определить направления совершенствования национальной системы защиты объектов интеллектуальной собственности.

Зарубежная практика применения антимонопольного законодательства к обороту результатов интеллектуальной деятельности (РИД) демонстрирует отсутствие универсального подхода – даже среди экономически развитых государств. Разнообразие судебных решений, специальных исключений и отраслевых регуляторных механизмов показывает, что вопрос о сохранении особых режимов для интеллектуальных прав остаётся дискуссионным. Пределы допустимого ограничения конкуренции при использовании исключительных прав изменялись под воздействием экономических факторов, эволюции правовых систем и технологического прогресса.

Механизмы защиты прав на РИД формировались в разных странах по индивидуальным траекториям, отражающим специфику их социально-экономического развития. Для государств, находящихся на этапе модернизации, приоритетным направлением стала институционализация охраны интеллектуальной собственности, что проявилось в присоединении к международным соглашениям, прежде всего к ТРИПС, и адаптации национального законодательства к стандартам ВОИС.

Экономики развивающихся стран характеризуются преобладанием аграрного и сырьевого секторов, тогда как развитые государства уже давно рассматривают интеллектуальную

собственность как ключевой драйвер роста: вклад объектов авторского права достигает 7 % ВВП, сопоставимые показатели обеспечивают патенты, товарные знаки и промышленные образцы [5]. После вступления в силу ТРИПС в таких странах, как Китай и Индия, наблюдались ускорение роста ВВП, увеличение притока прямых иностранных инвестиций и рост расходов на НИОКР. Наиболее ощутимый эффект проявился в химической, фармацевтической и биотехнологической промышленности: введение патентной охраны субстанций в Индии, Японии и Республике Корея привело к росту числа патентных заявок, интенсификации технологического обмена и увеличению инвестиционной активности.

Анализ. Сведения о международном распределении заявок на регистрацию товарных знаков, включая обращения иностранных заявителей, представлены на соответствующей карте (таблица 1) [2].

Таблица 1 – **Подача патентных заявок иностранными заявителями по ведущим странам мира в 2023–2024 гг.**

Страна / регион	РСТ-заявки в 2023 г.	РСТ-заявки в 2024 г.	Комментарии / место
Китай	69 527	70 160	лидер по РСТ-заявкам
США	55 618	54 087	снижение в 2024 году
Япония	48 992	48 397	небольшое снижение
Республика Корея	22 277	23 851	рост
Германия	14 256	16 721	рост

Глобальная патентная активность в последние годы демонстрирует устойчивый рост, а ключевой центр инновационной динамики смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион, который постепенно становится ведущим мировым технологическим хабом. Китай сохраняет доминирующее положение по числу патентных заявок, что отражает стратегию технологического суверенитета и приоритетное развитие высокотехнологичных отраслей — от микроэлектроники и телекоммуникаций до систем искусственного интеллекта.

Соединённые Штаты располагаются на втором месте, хотя темпы прироста патентной активности несколько замедляются вследствие усиления корпоративного R&D и более выборочного международного патентования. Япония и Германия остаются в группе лидеров, однако их вклад постепенно снижается на фоне ускоренного роста Южной Кореи, Индии и других азиатских экономик. Особое значение имеет индийская динамика: масштабные государственные программы и цифровизация способствуют формированию нового высокотехнологического сектора, ориентированного на внешние рынки.

В 2024 году мировой массив интеллектуальной собственности продолжил расти. Число действующих товарных знаков достигло 88,2 млн (+6,4 %); Китай аккумулировал более половины этого объёма (46,1 млн.), тогда как Индия и США заняли второе и третье места (по 3,2 млн.). Регистрации промышленных образцов увеличились до 6,08 млн (+10,5 %),

свыше 53 % из которых приходилось на Китай; США и Республика Корея имели 424,7 тыс. и 414,1 тыс. соответственно. В сегменте полезных моделей мировая активность составила 3,13 млн. заявок (+3,9 %), при этом более 98 % приходилось на Китай [2].

Совокупные показатели подтверждают устойчивое доминирование Китая в глобальной архитектуре интеллектуальной собственности, тогда как США, Индия, Республика Корея и страны Европы укрепляют позиции за счёт развития инновационной инфраструктуры и совершенствования механизмов охраны РИД. Ожидается, что в 2025 году эти тенденции сохранятся: Китай удержит крупнейшую долю, а рост регистраций в других крупных экономиках будет умеренным и сосредоточенным преимущественно в сфере цифровых и технологических объектов интеллектуальной собственности (рис. 1) [2].

Параллельно в 2025 году отмечается дальнейшее увеличение глобальной патентной активности. Китай остаётся центральным драйвером, формируя около 44 % всех мировых заявок. США занимают второе место с долей около 19 %, далее следуют Япония и Республика Корея. Вклад Европейского патентного ведомства остаётся сравнительно скромным – около 5,7 %, что отражает более умеренные темпы инновационного развития в европейском регионе.

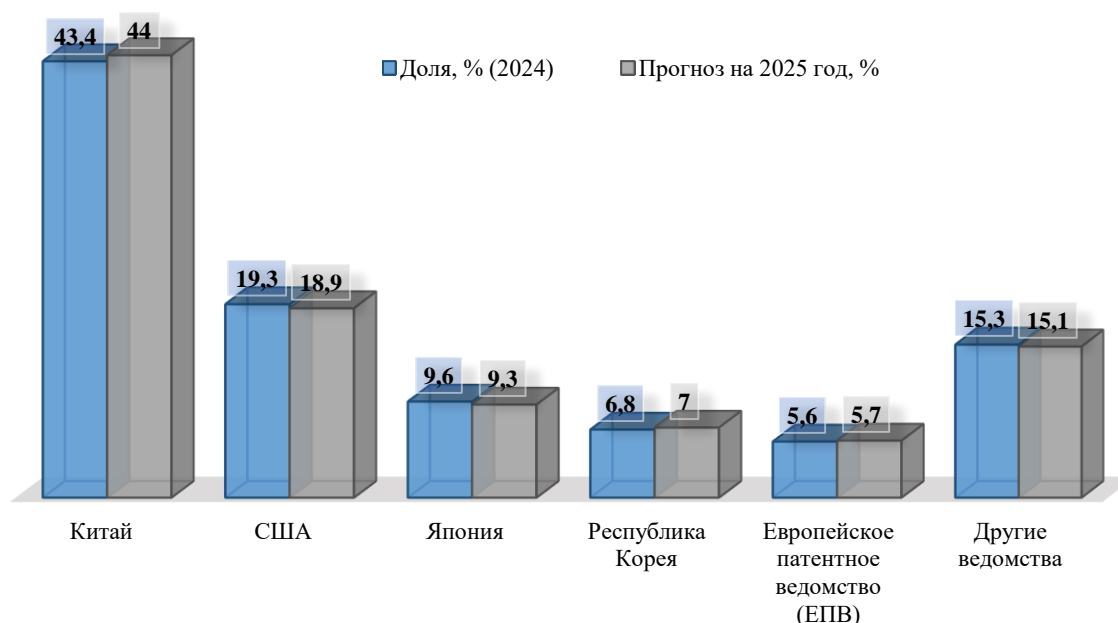

Рис. 1. Процентные доли пяти ведущих стран в общем числе патентных заявок в 2024–2025 гг.

В целом, более 60 % всех мировых патентных заявок сосредоточено в Китае и США (рис. 2) [6], что подчёркивает их доминирование в глобальной инновационной системе.

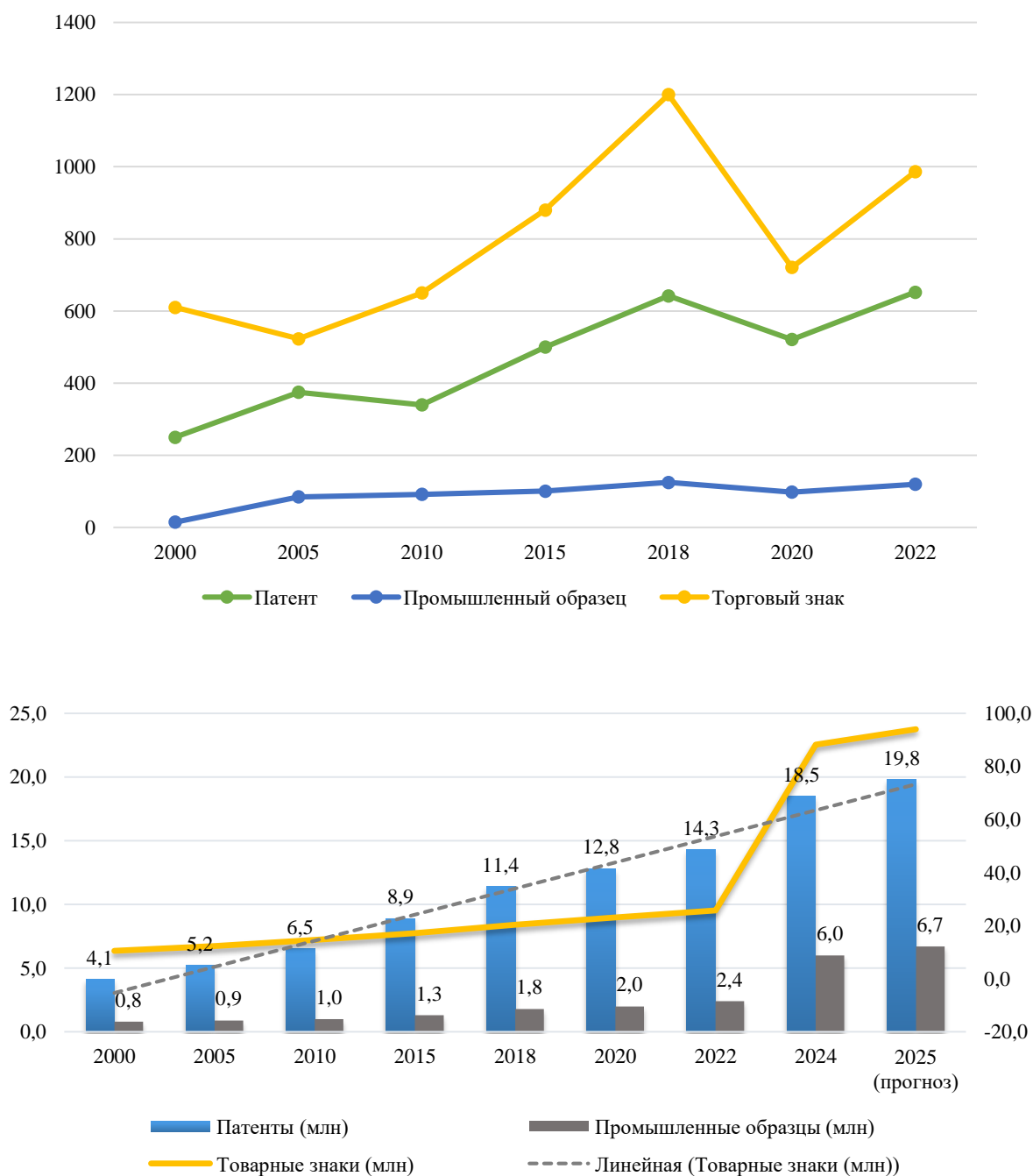

Рис. 2. Динамика числа заявок, поданных в патентные органы США

В последние годы рост числа заявок на регистрацию объектов интеллектуальной собственности концентрируется преимущественно в странах Азии, где цифровизация, развитие ИИ и «зелёные» технологии стимулируют инновационную активность. В 2025 году наибольший объём патентования приходится на компьютерные технологии (7,8 %), электротехническое оборудование (7,4 %), измерительные системы (4,8 %), цифровую связь (4,6 %) и медицинскую технику (4,4 %). Эти направления формируют ядро глобального технологического прогресса и отражают смещение инновационных приоритетов в сторону высокотехнологичных и цифровых разработок [6].

С 2000 по 2025 гг. мировая активность в сфере охраны интеллектуальной собственности демонстрирует устойчивый рост, отражающий переход экономик к инновационной модели. Действующие патенты увеличились с 4,0 млн. до 18,6 млн, а к 2025 году их число может достичь 19,7 млн. при ежегодном приросте 6-7 %. Лидерами остаются Китай, США, Япония и Республика Корея, где расширение патентных портфелей поддерживается государственными программами исследований и разработок, особенно после 2015 года, когда цифровая трансформация ускорила рост заявок [8].

Регистрация промышленных образцов росла умеренно до 2018 года (около 1,42 млн), но затем ускорилась: к 2024 году их число достигло 6,08 млн, более 53 % приходилось на Китай, что подчёркивает значение дизайна и визуальной идентичности. В сфере товарных знаков рост оказался ещё более интенсивным: с 6,1 млн. в 2000 году до 88,2 млн. в 2024 году, почти в 15 раз, чему способствовали глобализация рынков, активизация предпринимательства в Азии и развитие электронной коммерции. После 2020 года дополнительный импульс обеспечил переход бизнеса в онлайн-формат; в 2025 году ожидается рост до около 94 млн регистраций.

Американская модель авторского права традиционно утилитарна: её цель – стимулирование научного и творческого прогресса, а не приоритет личных неимущественных прав автора, что отличает её от континентальной европейской системы, ориентированной на защиту личности создателя [3]. Патентное регулирование США полностью относится к федеральной компетенции, что обеспечивает единообразие правоприменения, тогда как в сфере товарных знаков значительная роль принадлежит законам отдельных штатов, формирующим многоуровневую систему охраны обозначений.

В странах ЕС отставание от США по производительности труда и общей конкурентоспособности обусловило необходимость ускоренного развития наукоёмких отраслей. В конце 2020-х годов ВВП на одного занятого в ЕС составлял около 70 % уровня США. Отрасли, активно использующие результаты интеллектуальной деятельности, обеспечили в 2020–2024 гг. 26 % занятости и 39 % совокупного ВВП ЕС: на товарные знаки приходилось 34 % ВВП, на промышленные образцы – 13 %, на патенты – 14 %, на авторское право – 4 %. На протяжении длительного периода число заявок на патенты, товарные знаки и промышленные образцы в ЕС стабильно растёт (рис. 3) [7].

Рост патентной активности последних лет в значительной степени связан с развитием электронной промышленности. Наиболее патентоёмкими остаются производство ручных электрических инструментов, фармацевтических и химических продуктов, оптического и измерительного оборудования, электробытовых приборов и машин для металлургии. Существенный вклад в расширение патентного массива вносят также биотехнологические исследования и деятельность по лизингу объектов интеллектуальной собственности.

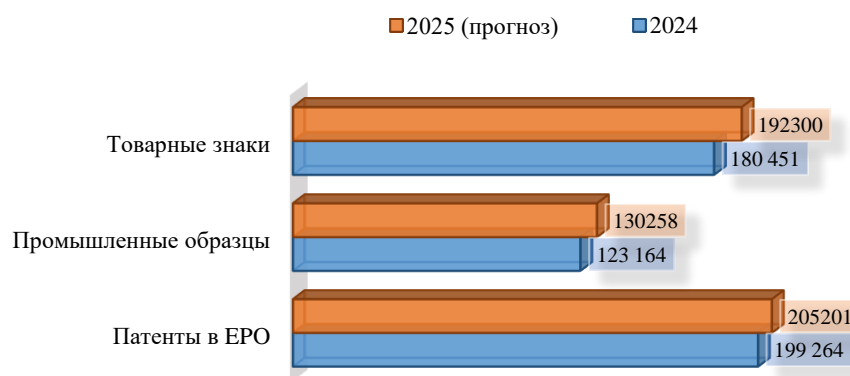

Рис. 3. Количество заявок, поданных заявителями ЕС в период между 2000–2025 гг.

Правовая охрана интеллектуальной собственности в Европейском союзе осуществляется на национальном и наднациональном уровнях. Существенный шаг в гармонизации законодательства составила Директива 2004/48/ЕС, которая унифицировала меры защиты прав и обеспечила правообладателям сопоставимые механизмы охраны на внутреннем рынке. Директива обязывает государства-члены применять эффективные средства пресечения нарушений и закрепляет единый набор процедурных инструментов.

После присоединения Китая к Соглашению ТРИПС в 2001 году наблюдается резкий рост патентной активности как национальных, так и иностранных заявителей. Китайская система охраны включает законодательство о патентах, товарных знаках, авторском праве, недобросовестной конкуренции, а также специальные нормы, регулирующие защиту программного обеспечения, селекционных достижений и топологий интегральных схем.

Стратегия Китая в сфере интеллектуальной собственности ориентирована на переход к инновационной экономике через рынок интеллектуальной собственности. На протяжении десятилетий государство инвестирует в образование, науку и технологии, формируя институциональную основу для развития высокотехнологичного сектора. Программа «Новое качество для нового века» направлена на повышение качества образования и подготовку высокотехнологичного человеческого капитала.

Ключевым этапом научно-технологического развития стало создание в 1988 году Пекинской экспериментальной зоны новых и высоких технологий — крупнейшего технопарка страны площадью около 100 км². Здесь функционируют десятки ведущих университетов, включая Пекинский университет, около 130 научных центров и лабораторий с более чем 100 тыс. специалистов. В рамках инициативы по формированию «новых знаний» было выделено 4,8 млрд юаней на развитие инновационной инфраструктуры и создание международных центров генерации знаний.

Развитая система государственной поддержки, включая стимулирование образовательных учреждений, научных организаций и предприятий, способствует ежегодному росту

числа заявок на изобретения, полезные модели и промышленные образцы. Это отражает увеличение инновационного потенциала страны и переход экономики на качественно новый уровень развития. Наибольшую активность демонстрируют промышленные предприятия, чему способствует создание благоприятных условий для малого и среднего бизнеса, включая сеть научных парков (рис. 4) [8; 9].

Общее число заявок на патенты в Китае превысило 20 млн. С 1 апреля 1990 года по конец 2024 года Государственное управление по делам интеллектуальной собственности рассмотрело более 20 млн патентных заявок. Современная политика направлена на поддержку инновационного роста через укрепление инновационной системы и развитие передовых технологий посредством создания специализированных учреждений и целевых программ. Данные на рисунках 5 и 6 иллюстрируют текущий уровень динамизма бизнеса и инновационного потенциала КНР, по которым страна занимает 31 и 11 места соответственно.

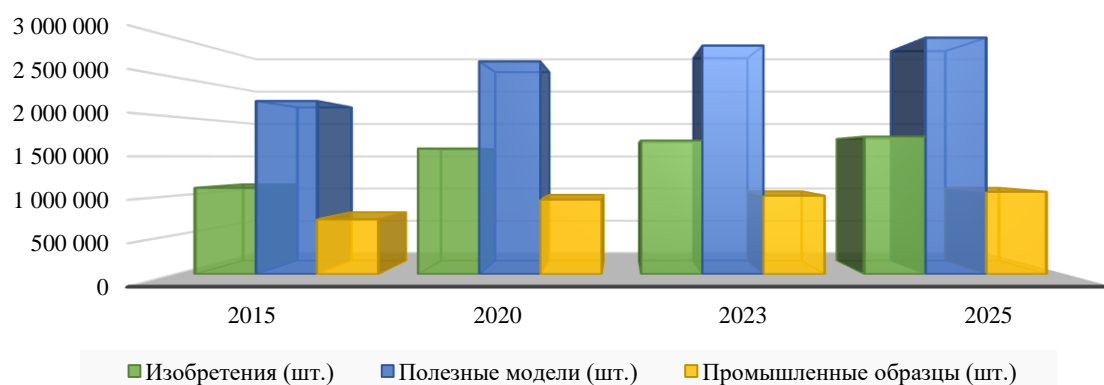

Рис. 4. Статистика поданных заявок на патентование изобретений, полезных моделей, дизайнерских решений относительно их происхождения, 2015–2025 гг.

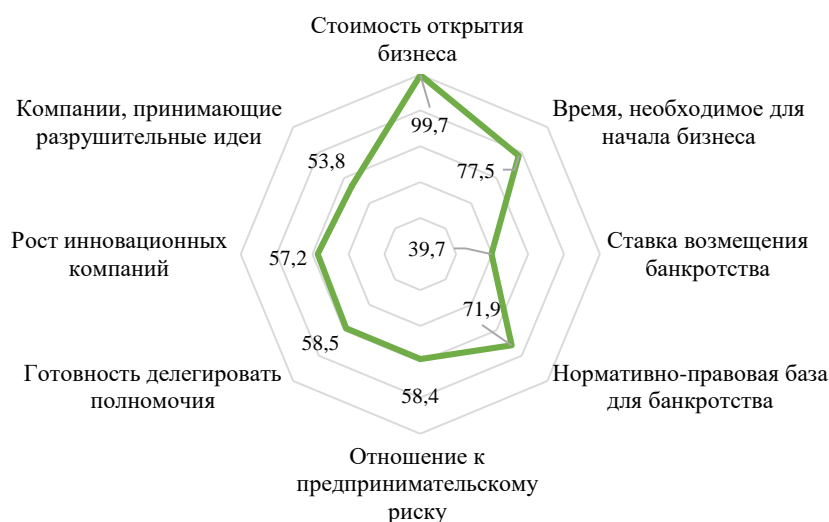

Рис. 5. Показатели динамизма бизнеса в КНР, 2025 год

Динамизм бизнеса отражается в способности частного сектора генерировать и внедрять новые технологии и новые способы организации работы с помощью культуры, которая включает изменения, риски, новые бизнес-модели и административные правила, которые позволяют фирмам легко входить и выходить из рынка.

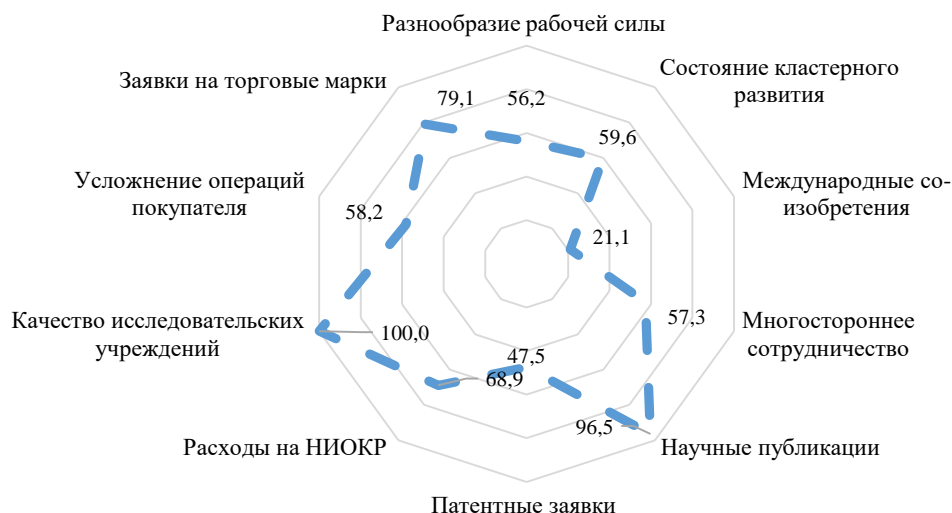

Рис. 6. Показатели инновационного потенциала КНР, 2025 год

В то время как инновационный потенциал отражается в количестве и качестве исследований и разработок; степени, в которой обстановка в стране стимулирует сотрудничество, взаимодействие, творческий подход, разнообразие и конфронтацию в разных взглядах и ракурсах; и способности превращать идеи в новые товары и услуги.

Исследования подтверждают наличие прямой зависимости между уровнем защиты интеллектуальной собственности и объёмами инвестиций. Государства с низким уровнем патентной охраны, как правило, направляют на НИОКР менее 0,3% ВВП, тогда как страны с более развитой системой защиты инвестируют в научные исследования и разработки в несколько раз больше [8]. Установлено, что степень правовой охраны интеллектуальной собственности возрастает по мере увеличения реального ВВП на душу населения: рост доходов населения формирует спрос на продукцию более высокого качества, стимулирует развитие инновационного производства и, соответственно, усиливает потребность в защите результатов интеллектуальной деятельности.

Страны с относительно низким уровнем экономического развития часто предпочитают более мягкий режим охраны интеллектуальной собственности, рассчитывая на свободный доступ к информации и технологиям, использование которых при строгом режиме потребовало бы значительных затрат. Напротив, развитые государства, обладающие устойчивым преимуществом в производстве наукоёмких товаров и услуг, стремятся сохранить его и придают высокое значение эффективной правовой защите интеллектуальной собственности. Для многих компаний в этих странах стоимость нематериальных активов уже превышает стои-

мость материальных, что дополнительно усиливает значимость механизма охраны РИД.

Заключение. Анализ международного опыта регулирования и защиты интеллектуальной собственности показывает, что эффективность правовой охраны РИД напрямую связана с инновационной активностью, инвестиционной привлекательностью и экономическим ростом государства. Ведущие страны применяют различные модели регулирования, формируя баланс между интересами правообладателей и потребностями добросовестной конкуренции. Особое значение имеет Азия, прежде всего Китай, где системная государственная поддержка образования, науки и технологий стимулирует активное патентование и развитие высокотехнологичных отраслей. Полученные данные подтверждают, что усиление защиты интеллектуальной собственности способствует формированию инновационной экономики и повышению конкурентоспособности национальных рынков, что делает изучение зарубежного опыта особенно ценным для совершенствования отечественной системы охраны РИД.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Горышина, О. А. Интеллектуальная собственность в контексте развития экспорта в условиях санкционных ограничений / О. А. Горышина, Е. В. Ермакова // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2023. № 6. С. 5-12. EDN QJCOXJ.
2. Статистика интеллектуальной собственности. URL: https://www.wipo.int/edocs/statistics-country-profile/ru/_list/11.pdf (дата обращения: 26.10.2025).
3. Талипова, Н. Т. Вопросы развития научно-технической и инновационной деятельности в республике Узбекистан // Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития : Пленарные доклады / Материалы Девятого Международного форума, Москва, 29–30 октября 2020 года. Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем рынка Российской академии наук, 2020. С. 215-220. EDN SYUBFB.
4. Талипова, Н. Т. Основные экономические риски и источники финансирования инвестиционных проектов // Стратегии противодействия угрозам экономической безопасности в условиях нестабильности мировых рынков : Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 25-26 июня 2020 г., М.: ИПР РАН, 25–26 июня 2020 года / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова, к.ф.-м.н., доцента К.Х. Зоидова. М.: ИПР РАН: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем рынка Российской академии наук, 2020. С. 135-138. EDN FLFFAV.
5. Умарова, Ш. А. Инновационное предпринимательство как фактор устойчивого социально-экономического развития страны // Стратегия устойчивого развития в антикризисном управлении экономическими системами : Материалы V международной научно-практической конференции, Донецк, 17 апреля 2019 года / Ответственные редакторы О. Н. Шарнопольская, И. А. Кондаурова, Е. Г. Курган. – Донецк: Донецкий национальный

технический университет, 2019. С. 752-756. EDN CFNOSZ.

6. Banga, R. (2024), Impact of Government Policies and Investment Agreements on FDI Inflows, Indian Council for Research on International Economic Relations (ICRIER), Working Paper (116), November.

7. European Patent Office. Patent Index 2024: Statistics at a Glance. Munich, 2025. URL: <https://www.epo.org/about-us/statistics/patent-index.html> (date of request: 26.10.2025).

8. Intellectual Property in Asian Countries: Studies on Infrastructure and Economic Impact, WIPO. URL: <http://www.wipo.int/freepublications/en/archive.jsp?cat=economic> (date of request: 26.10.2025).

9. World Intellectual Property Indicators 2025. Режим доступа: <https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4822> (date of request: 26.10.2025).

REFERENCES

1. Goryshina, O. A. Intellektual'naya sobstvennost' v kontekste razvitiya e'ksportav usloviyakh sankcionny'x ogranichenij / O. A. Goryshina, E. V. Ermakova // Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhny'e prava. 2023. № 6. S. 5-12. EDN QJCOXJ.

2. Statistika intellektual'noj sobstvennosti. URL: https://www.wipo.int/edocs/statistics-country-profile/ru/_list/11.pdf (data obrashheniya: 26.10.2025).

3. Talipova, N. T. Voprosy razvitiya nauchno-texnicheskoj i innovacionnoj deyatel'nosti v respublike Uzbekistan // Rossiya v XXI veke: global'ny'e vy'zovy i perspektivy razvitiya : Plenarny'e doklady / Materialy Devyatogo Mezhdunarodnogo foruma, Moskva, 29–30 oktyabrya 2020 goda. Moskva: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie nauki Institut problem ry'nka Rossijskoj akademii nauk, 2020. S. 215-220. EDN SYUBFB.

4. Talipova, N. T. Osnovny'e e'konomicheskie riski i istochniki finansirovaniya investicionny'x projektov // Strategii protivodejstviya ugrozam e'konomicheskoy bezopasnosti v usloviyakh nestabil'nosti mirovy'x ry'nkov : Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskva, 25-26 iyunya 2020 g., M.: IPR RAN, 25–26 iyunya 2020 goda / Pod red. chl.-korr. RAN V.A. Czvetkova, k.f.-m.n., docenta K.X. Zoidova. M.: IPR RAN: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie nauki Institut problem ry'nka Rossijskoj akademii nauk, 2020. S. 135-138. EDN FLFFAV.

5. Umarova, Sh. A. Innovacionnoe predprinimatel'stvo kak faktor ustojchivogo social'no-e'konomicheskogo razvitiya strany // Strategiya ustojchivogo razvitiya v antikrizisnom upravlenii e'konomicheskimi sistemami : Materialy V mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Doneczk, 17 aprelya 2019 goda / Otvetstvenny'e redaktory O.N. Sharnopol'skaya, I.A. Kondaurova, E.G. Kurgan. – Doneczk: Doneczkij nacional'nyj texnicheskij universitet, 2019. S. 752-756. EDN CFNOSZ.

6. Banga, R. (2024), Impact of Government Policies and Investment Agreements on FDI In-

flows, Indian Council for Research on International Economic Relations (ICRIER), Working Paper (116), November.

7. European Patent Office. Patent Index 2024: Statistics at a Glance. Munich, 2025. URL: <https://www.epo.org/about-us/statistics/patent-index.html> (date of request: 26.10.2025).

8. Intellectual Property in Asian Countries: Studies on Infrastructure and Economic Impact, WIPO. URL: <http://www.wipo.int/freepublications/en/archive.jsp?cat=economic> (date of request: 26.10.2025).

9. World Intellectual Property Indicators 2025. Режим доступа: <https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4822> (date of request: 26.10.2025).

Информация об авторах

Нигора Тулкуновна Талипова, кандидат экономических наук, профессор, заведующая кафедры «Международная экономика и бизнес» Ташкентского филиала «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 100164, Республика Узбекистан, г. Ташкент, Мирзо-Улугбекский район, массив Ялангач, улица Шахриобод, дом 3, nigoratal@gmail.com, SPIN-код: 2440-4153, AuthorID: 398320

Бобурхон Ботир угли Талипов, студент Ташкентского филиала «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 100164, Республика Узбекистан, г. Ташкент, Мирзо-Улугбекский район, массив Ялангач, улица Шахриобод, дом 3, Talipovbabur@gmail.com

Information about Authors

Nigora T. Talipova, Candidate of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of International Economics and Business Tashkent branch of the Plekhanov Russian University of Economics, 100164, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Mirzo-Ulugbek district, Yalangach massif, Shakhriobod street, house 3, nigoratal@gmail.com, SPIN-код: 2440-4153, AuthorID: 398320

Boburkhon B. ugli Talipov, student of the Tashkent branch of the Plekhanov Russian University of Economics, 100164, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Mirzo-Ulugbek district, Yalangach massif, Shakhriobod street, house 3, Talipovbabur@gmail.com

Для цитирования: Талипова Н. Т., Талипов Б. Б. Модели регулирования интеллектуальных прав в зарубежной практике // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 4 (18). С. 93-105. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N4.pdf

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

REGIONAL ECONOMY

УДК 332.1

РАЗВИТИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: АНАЛИЗ СТАТИСТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Алексей Алексеевич Соколов

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,

г. Волгоград, Российская Федерация

Игорь Михайлович Кублин

Социально-экономический институт Саратовского государственного технического
университета имени Гагарина Ю. А., г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Инвестиции, в целом, а также направляемые на реализацию инновационных проектов и локальных хозяйственных решений, в частности, всегда являлись драйвером социально-экономического развития страны, отдельных субъектов России и макрорегионов, территориальных образований, производственных и торговых предприятий. Условия стремительных изменений во всех сферах жизнедеятельности человека и общества обуславливают необходимость концентрации всех видов ресурсов на обеспечение системной поддержки инвестиционной деятельности и решение задач инновационного характера. Представленное исследование содержит срез актуальных данных о динамике показателей «инвестиционно-инновационного насыщения» регионов Российской Федерации и анализ их изменения в контексте стремления к достижению высоких результатов реального сектора экономики и социальном сегменте.

Методы. В ходе решения исследовательских задач был применен комплекс методических инструментов, который сделал возможным выявить основные тенденции в рамках выбранной проблемы и рассматриваемого круга вопросов, определить причины их возникновения и факторы изменения. Таковыми являются: анализ научной литературы и данные официальных источников, в том числе интернет-сайты государственных органов, расчеты

экономического характера, приемы и способы статистики, системный подход, анализ эмпирического материала, синтез для формирования выводов и предложений.

Анализ. Уровень развития народно-хозяйственного комплекса на федеральном и региональном уровне характеризует набор макроэкономических показателей, которые отслеживаются органами Росстата и группируются для целей анализа, планирования и прогнозирования в рамках государственного управления социально-экономическими процессами в стране, ее субъектах и муниципальных образованиях. К таким показателям относятся валовой внутренний продукт, валовой региональный продукт, инвестиции в основной капитал, объем инновационных товаров (работ, услуг). Это далеко не полный перечень, характеризующий состояние дел в экономике и социальной сфере. Однако, именно значения данных показателей отражают возможности и перспективы создания благоприятных условий для выпуска отечественных товаров, роста объемов производства внутри страны, повышения качества жизни граждан и на этой основе достижения национальных целей развития Российской Федерации, определенных Указом Президента России от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [4].

Выводы. Зависимость ключевых показателей развития субъектов России в соответствии с расчетами, произведенными на основе статистических данных за анализируемый период, прослеживается и достаточно ярко выражена. В то же время здесь нет прямо пропорционального соотношения в силу одновременного взаимного влияния целого ряда факторов, определяющих причинно-следственные связи.

Ключевые слова: инвестиции, инновации, инвестиционная активность, инновационная деятельность, государственное управление социально-экономическими процессами на федеральном и региональном уровне.

UDC 332.1

DEVELOPMENT OF INVESTMENT AND INNOVATION ACTIVITIES IN RUSSIAN REGIONS: ANALYSIS OF STATISTICAL DATA

Alexey A. Sokolov

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA,
Volgograd, Russian Federation

Igor M. Kublin

Social and Economic Institute of the Saratov State Technical University
named after Yu. A. Gagarin, Saratov, Russian Federation

Abstract. Introduction. Investments, in general, as well as those aimed at implementing innovative projects and local economic solutions, in particular, have always been a driver of socio-economic development in the country, individual regions of Russia, macro-regions, territorial enti-

ties, and manufacturing and trade enterprises. The rapid changes in all areas of human and social life necessitate the concentration of all types of resources on providing systematic support for investment activities and solving innovative problems. The presented study contains a snapshot of current data on the dynamics of the «investment and innovation saturation» indicators in the regions of the Russian Federation and an analysis of their changes in the context of the desire to achieve high results in the real sector of the economy and the social segment.

Methods. In the course of solving research tasks, a set of methodological tools was applied, which made it possible to identify the main trends within the chosen problem and the range of issues under consideration, to determine the causes of their occurrence and the factors of change. These include: analysis of scientific literature and data from official sources, including websites of government agencies, economic calculations, statistical methods, a systematic approach, analysis of empirical material, and synthesis for drawing conclusions and making suggestions.

Analysis. The level of development of the national economy at the federal and regional levels is characterized by a set of macroeconomic indicators that are monitored by Rosstat and grouped for the purposes of analysis, planning, and forecasting as part of the state management of socio-economic processes in the country, its constituent entities, and municipalities. These indicators include gross domestic product, gross regional product, investments in fixed assets, and the volume of innovative goods (works, services). This is by no means a complete list of indicators that characterize the state of affairs in the economy and social sphere. However, it is the values of these indicators that reflect the opportunities and prospects for creating favorable conditions for the production of domestic goods, increasing domestic production, improving the quality of life for citizens, and, as a result, achieving the national development goals of the Russian Federation, as defined by Presidential Decree No. 309 of May 7, 2024, «On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and Beyond 2036» [4].

Conclusions. The dependence of the key indicators of the development of the constituent entities of Russia, according to the calculations made on the basis of statistical data for the analyzed period, is traced and quite pronounced. At the same time, there is no direct proportional relationship here due to the simultaneous mutual influence of a whole number of factors that determine the cause-and-effect relationships.

Keywords: investments, innovations, investment activity, innovative activity, state management of socio-economic processes at the federal and regional level.

Введение. Трансформация условий ведения хозяйственной деятельности, вызванная межгосударственным противостоянием в рамках геополитической борьбы за сферы мирового влияния между «Западом» и «Востоком» – США и европейских стран с Россией и дружественными ей странами – предопределяет необходимость повышения инвестиционной активности всех российских субъектов рыночных отношений. Это способствует развитию собственного

производства товаров и услуг, удовлетворению платежеспособного спроса и обеспечению экономической безопасности государства. Одновременно со сменой ключевых бизнес-партнеров претерпевает изменения и структура источников инвестиций, ориентируясь на внутренний потенциал и средства зарубежных инвесторов из стран-союзников. Кроме того, взятый Правительством России курс на импортозамещение продуктов критических отраслей, создающих основу для производственной независимости и движения к технологическому лидерству, ставит новые условия и для инвестиционной деятельности, которая в этой связи должна все более приобретать характер инновационной, финансируя соответствующие идеи и проекты.

Методы. Для описания современного состояния и характеристики тенденций развития инвестиционной деятельности и ее нормативного регулирования использовался метод анализа научной литературы и официальных источников. Экономические расчеты на основе эмпирических данных Росстата и интернет-сайты других государственных органов обеспечили возможность оценки динамики инвестиций и инноваций с применением числовых значений соответствующих показателей.

Анализ. Ограничительные меры со стороны недружественных государств «коллективного Запада», направленные на сдерживание поступательного социально-экономического развития Российской Федерации и нанесение ей стратегического поражения, способствуют созданию определенных препятствий для реального сектора экономики страны. Однако в целом это воздействие не является определяющим для продуктивной деятельности хозяйствующих субъектов и не достигает своей главной цели. Наоборот, зачастую возникающие сложности стимулируют к поиску новых механизмов действия коммерческих организаций на рынке и более совершенных приемов государственного управления со стороны органов власти федерального, регионального и местного уровня.

В России, конечно, есть народнохозяйственные задачи, носящие проблемный характер и требующие постоянного системного внимания. Они относятся к сфере демографии, здравоохранения, кадрового обеспечения, производству отдельных отечественных товаров и услуг, технологической независимости, разработки и внедрения инноваций, экологического благополучия и др. Это внимание должно выражаться в финансовой поддержке, адекватном складывающейся ситуации нормативном регулировании, использовании эффективных инструментов управленческого воздействия. И все же, необходимость решения таких задач существовала практически всегда, вне зависимости от состояния и уровня лояльности взаимоотношений с зарубежными партнерами. Периодическое обострение соперничества и стремления к лидерству только добавляет актуальности данным вопросам.

Одним из инструментов решения таких задач выступают национальные проекты России, с помощью которых осуществляется концентрация финансовых средств, ресурса времени и управленческих полномочий на конкретных народнохозяйственных проблемах либо перспективных разработках, определяющих социально-экономическое развитие страны в це-

лом и ее отдельных территорий. Подтверждением этому является новый состав проектов, принятый на период с 2025 года взамен документам со сроком реализации до 31.12.2024 и уже завершившим свое действие [1].

Инвестиции играют ключевую роль в обеспечении поступательного развития всего народнохозяйственного комплекса страны, ее регионов и отдельных территорий. Их динамика с высокой степенью влияния отражается на изменении объема валового внутреннего продукта и показателях валового регионального продукта субъектов Российской Федерации, решая при этом задачу инновационного развития, реконструкции и модернизации производства, внедрения новых технологий и освоения выпуска перспективных видов товарной продукции. Вместе с тем инвестиционная активность при взаимодействии в рамках государственно-частного и муниципально-частного партнерства обеспечивает создание объектов инфраструктуры, в том числе производственно-экономического и социального назначения.

Динамика инвестиций в основной капитал в целом по Российской Федерации за 2022–2024 гг. согласно данным статистической отчетности выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1 – **Инвестиции в основной капитал по Российской Федерации**

№ п/п	Наименование показателя	2022 год	2023 год	2024 год
1	Сумма инвестиций в основной капитал по фактическим ценам, млрд руб.	28413,9	34038,9	39533,7
2	Индекс потребительских цен, %	111,9	107,4	109,5
3	Сумма инвестиций в основной капитал с поправкой на индекс потребительских цен, млрд руб.	25392,2	31693,6	36103,8
4	Отношение к предыдущему году по строке 3, %	118,4	124,8	113,9

Источник: составлено автором по данным [5; 6].

Примечание. Для расчета отношения (строка 4) 2022 года использованы данные за 2021 год: сумма инвестиций в основной капитал по фактическим ценам – 23239,5 млрд руб., индекс потребительских цен – 108,4 %, сумма инвестиций в основной капитал с поправкой на индекс потребительских цен – 21438,7 млрд руб.

Значения показателей, представленные в таблице 1 и последующих таблицах, не учитывают статистическую информацию по новым регионам России – Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской области и Херсонской области.

Для достижения сопоставимости стоимостных показателей был произведен пересчет значений «сумма инвестиций в основной капитал по фактическим ценам» (строка 1) с учетом сложившегося уровня инфляции за соответствующий анализируемый период. Для этого рассчитаны годовые индексы потребительских цен (строка 2), с помощью которых найдено значение «сумма инвестиций в основной капитал с поправкой на индекс потребительских цен» (строка 3). Расчет отношений в процентах к предыдущему году (строка 4) свидетельствует об

уверенном росте инвестиционной активности в Российской Федерации. Сумма инвестиций в основной капитал увеличивается по годам исследуемого периода – на 18,4 % в 2022 году по сравнению с 2021, на 24,8 % в 2023 году по отношению к 2022 и на 13,9 % в 2024 году по сравнению с 2023.

Положительная динамика инвестиций свидетельствует об осуществлении государственной политики, направленной на создание условий для развития реального сектора экономики России в части создания и обновления основных производственных фондов. Предпринимательские организации осознают необходимость реконструкции и модернизации парка технологического оборудования, строительства зданий и сооружений для решения задачи по расширению деятельности, увеличения ее масштабов и достижения на этой основе целевых показателей прибыли, обеспечивая экономическую эффективность. Государство за счет роста доходов в бюджеты всех уровней сможет реализовывать социальные проекты, развивать территории на местах. Граждане получают дополнительные рабочие места с возможностью трудоустройства и повышения своего благосостояния.

Еще одним направлением деятельности, в значительной степени определяющим перспективы развития реального сектора экономики и социальной сферы на территории Российской Федерации и ее регионов, является инновационная активность хозяйствующих субъектов, которая также способствует достижению технологической независимости и обеспечению безопасности государства в долгосрочном периоде.

Рассмотрим соответствующие показатели инновационного развития за 2022–2024 годы (табл. 2).

Таблица 2 – Объем инновационных товаров (работ, услуг) в Российской Федерации

№ п/п	Наименование показателя	2022 год	2023 год	2024 год
1	Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами, млрд руб. – всего,	125634,7	139365,7	164603,9
1.1	из них инновационных	6377,2	8323,9	9817,7
1.2	доля инновационных, %	5,1	6,0	6,0
2	Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами с поправкой на индекс потребительских цен, млрд руб. – всего,	112274,1	129763,2	150323,2
2.1	из них инновационных с поправкой на индекс потребительских цен	5699,0	7750,4	8965,9
2.2	отношение к предыдущему году по строке 2, %	101,7	115,6	115,8
2.3	отношение к предыдущему году по строке 2.1, %	102,9	136,0	115,7

Источник: составлено автором по данным [6; 7].

Примечание. Для расчета отношения (строки 2.2 и 2.3) 2022 года использованы данные за 2021 год: отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (всего) – 119675,3 млрд руб., из них инновационных – 6003,3 млрд руб.; индекс потребительских цен – таблица 1; отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами с поправкой на индекс потребительских цен (всего) – 110401,6 млрд руб., из них инновационных с поправкой на индекс потребительских цен – 5538,1 млрд руб.

Данные таблицы 2 свидетельствуют в целом о положительной динамике показателей, характеризующих развитие инновационной деятельности субъектов хозяйствования на территории Российской Федерации. Так доля инновационных товаров (работ, услуг) в общей сумме отгрузки по годам исследуемого периода составляет около 5-6 %. Это значение практически соответствует уровню 2017–2021 годов с некоторыми колебаниями в течение рассматриваемых лет [3, с. 150].

Однако, принимая во внимание скорость изменений во всех сферах жизнедеятельности человека и общества, стремление к достижению национальных целей развития России с наступлением 2030 года и на перспективу до 2036 года, в частности «д) устойчивая и динамичная экономика; и «е) технологическое лидерство» [4, п. 1], сложившийся уровень инновационной продукции, скорее всего, требует увеличения. При значении этого показателя, равном 5 % в год, можно предположить, что полное обновление товарного производства и реализации наступит не ранее, чем через 20 лет, а этого явно недостаточно.

На микроуровне – предприятиями – стимулирование инноваций может осуществляться по нескольким приоритетным направлениям:

- четкое определение ожидаемых результатов инновационной деятельности и их осознание руководителями всех уровней;
- установление фокуса внимания руководителей на высоком качестве и стратегически значимых инновациях;
- преобразование восприятия работников как одного из видов ресурсов в отношении к ним как человеческому капиталу;
- системное включение в бюджет компании затрат на инвестиции в профессиональное развитие персонала;
- использование доходов от инновационной деятельности на новые проекты, повышение квалификации работников и улучшение качества создаваемых продуктов [2, с. 55-59].

Если рассматривать инвестиционную и инновационную активность российских регионов, то можно проследить следующие тенденции (табл. 3; 4).

**Таблица 3 – ТОП-10 субъектов России по сумме инвестиций
в основной капитал, млрд руб.**

№ п/п	Название субъекта	2022 год	2023 год	2024 год
1	г. Москва	6047,5	7154,3	8118,8
2	Московская область	1376,0	1658,7	1820,0
3	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	1328,0	1552,3	1720,9
4	Ямало-Ненецкий автономный округ	1417,9 *	1473,7	1650,8
5	г. Санкт-Петербург	1050,1	1279,5	1529,5
6	Республика Татарстан	888,6	1180,4	1435,1
7	Краснодарский край	753,1	869,8	1119,6
8	Ленинградская область	567,3	739,3	1110,5
9	Красноярский край	752,0 *	926,9 *	1089,9
10	Амурская область	488,0	745,5	956,1

Источник: составлено автором по данным [5].

Примечание. Распределение регионов по убыванию исследуемого показателя осуществлено на основании данных за 2024 год. Знаком «*» отмечены значения, которые по своей величине должны находиться выше в списке соответствующего периода.

Информация таблицы 3 демонстрирует, что наибольшие значения сумм инвестиций в основной капитал приходятся на регионы страны, где на высоком уровне находится развитие реального сектора экономики, преимущественно промышленного производства, перерабатывающих предприятий и добычи топливно-энергетических ресурсов. Это обеспечивает, прежде всего, финансово-экономические возможности вложения значительного количества средств в модернизацию и обновление основных фондов с целью решения задачи по увеличению объемов выпускаемой продукции и услуг и повышения на этой основе эффективности хозяйственной деятельности. Первые пять строк на протяжении всего исследуемого периода занимают одни и те же регионы.

**Таблица 4 – ТОП-10 субъектов России по сумме инновационных товаров
(работ, услуг), млрд руб.**

№ п/п	Название субъекта	2022 год	2023 год	2024 год
1	г. Москва	989,9	1358,9	1628,5
2	Республика Татарстан	955,5	1126,2	1401,6
3	Московская область	416,2	657,3	991,4
4	г. Санкт-Петербург	501,8 *	499,7	643,9
5	Нижегородская область	216,2	406,1	548,2
6	Челябинская область	293,2 *	432,2 *	429,7
7	Самарская область	210,6	335,1	407,8
8	Свердловская область	238,6 *	291,0	295,0
9	Ростовская область	177,3	181,8	237,6
10	Республика Башкортостан	128,2	215,3 *	220,6

Источник: составлено автором по данным [7].

Примечание. Распределение регионов по убыванию исследуемого показателя осуществлено на основании данных за 2024 год. Знаком «*» отмечены значения, которые по своей величине должны находиться выше в списке соответствующего периода.

Как показывают данные таблицы 4, лидирующие позиции по показателю отгрузки инновационной продукции, с одной стороны, принадлежат также промышленно развитым регионам Российской Федерации. С другой стороны, прослеживается частичная взаимосвязь – чем больше сумма инвестиций в основной капитал, тем больше показатель отгрузки инновационных товаров (работ, услуг). На протяжении практически всех трех лет анализируемого периода первые пять мест сохраняют за собой одни и те же субъекты – Москва, Татарстан, Московская область, Санкт-Петербург и Нижегородская область.

Выводы. В завершение проведенного исследования следует отметить, что поступательное развитие российской экономической системы оказывает самое непосредственное влияние на возможность решения текущих и перспективных задач в сфере социального обеспечения населения, создания инфраструктурных объектов, обороны и безопасности государства.

Инвестиционная активность хозяйствующих субъектов и инновационный характер преобразований напрямую воздействует на степень достижения национальных целей развития Российской Федерации и благополучие граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Правительство Российской Федерации. Национальные проекты. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2641/> (дата обращения: 12.11.2025).
2. Проблемные аспекты моделирования риска при внедрении инноваций / И. К. Бурмистрова, И. М. Кублин, Г. С. Сулян, В. И. Тинякова // Учет и статистика. 2018. № 2 (50). С. 54-63. EDN XQKCOD.
3. Соколов, А. А. Анализ динамики инвестиционной и инновационной активности регионов в контексте управления территориальными образованиями России и Казахстана / А. А. Соколов, Н. М. Антонова // Парадигмы управления, экономики и права. 2022. № 2 (6). С. 147-160. EDN XFUCUB.
4. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 10.11.2025).
5. Федеральная служба государственной статистики. Инвестиции в основной капитал (по субъектам Российской Федерации). URL: https://www.rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (дата обращения: 17.11.2025).
6. Федеральная служба государственной статистики. Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, месяцы (с 1991 г.). URL: <https://www.rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 17.11.2025).
7. Федеральная служба государственной статистики. Объем инновационных товаров, работ, услуг (с 2010 г.). URL: <https://www.rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 17.11.2025).

REFERENCES

1. Pravitel'stvo Rossijskoj Federacii. Nacional'ny'e proekty`. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2641/> (data obrashheniya: 12.11.2025).
2. Problemny'e aspekty` modelirovaniya riska pri vnedrenii innovacij / I. K. Burmistrova, I. M. Kublin, G. C. Sulyan, V. I. Tinyakova // Uchet i statistika. 2018. № 2 (50). S. 54-63. EDN XQKCOD.
3. Sokolov, A. A. Analiz dinamiki investicionnoj i innovacionnoj aktivnosti regionov v kontekste upravleniya territorial'ny'mi obrazovaniyami Rossii i Kazaxstana / A. A. Sokolov, N. M. Antonova // Paradigmy` upravleniya, e'konomiki i prava. 2022. № 2 (6). S. 147-160. EDN XFUCUB.
4. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 07.05.2024 g. № 309 «O nacional'ny`x celyax razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (data obrashheniya: 10.11.2025).
5. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Investicii v osnovnoj kapital (po sub`ektam Rossijskoj Federacii). URL: https://www.rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (data obrashheniya: 17.11.2025).
6. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Indeksy` potrebitel'skix cen na tovary` i uslugi po Rossijskoj Federacii, mesyacy (s 1991 g.). URL: <https://www.rosstat.gov.ru/statistics/price> (data obrashheniya: 17.11.2025).
7. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Ob`em innovacionny`x tovarov, rabot, uslug (s 2010 g.). URL: <https://www.rosstat.gov.ru/statistics/science> (data obrashheniya: 17.11.2025).

Информация об авторах

Алексей Алексеевич Соколов, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400066, г. Волгоград, Российская Федерация, ASokolov.vlg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3880-6475>, SPIN-код: 4377-2482, AuthorID: 962855.

Игорь Михайлович Кублин, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Экономика и маркетинг», Социально-экономический институт Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А., ул. Политехническая, 77, 410054, г. Саратов, Российская Федерация, kublinim@sstu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8985-6160>, SPIN-код: 3854-0197, AuthorID: 358178.

Information about Authors

Aleksey A. Sokolov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration and Management, Volgograd Institute of Management – branch of the RANEPa, st. Gagarina, 8, 400066, Volgograd, Russian Federation, ASokolov.vlg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3880-6475>, SPIN-код: 4377-2482, AuthorID: 962855

Igor M. Kublin, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economics and Marketing, Social and Economic Institute of Yuri Gagarin Saratov State Technical University, st. Politekhnikeskaya, 77, 410054, Saratov, Russian Federation, kublinim@sstu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8985-6160>, SPIN-код: 3854-0197, AuthorID: 358178

Для цитирования: Соколов А. А., Кублин И. М. Развитие инвестиционной и инновационной деятельности в российских регионах: анализ статистических показателей // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 4 (18). С. 106-116. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N4.pdf

ПРАВО

LAW

ЧАСТНОЕ ПРАВО

PRIVATE LAW

УДК 341.9.01

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ТРАНСГРАНИЧНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЦЕССА В XIX И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКОВ

Петр Мартынович Филиппов

Волгоградская академия МВД России,
г. Волгоград, Российская Федерация

Игорь Борисович Иловайский

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Отказ иностранных инвесторов выполнять ранее принятые на себя обязательства в Российской Федерации в результате санкционных рестрикций, с одной стороны, ущемление прав российского капитала за рубежом, с другой, обострили проблему создания эффективного международного регулирования трансграничного инвестиционного процесса и сбалансированного характера правомочий участников такого рода отношений. Между тем, подобный конфликт не является новым, нечто подобное пришлось пережить государствам Латинской Америки в прошлом и позапрошлом веках. В связи с чем ретроспективный анализ опыта этих стран позволяет, на наш взгляд, не только оптимизировать внутреннее инвестиционное законодательство РФ, но и более взвешенно формировать международное сотрудничество нашего Отечества в этой сфере. Именно аспектам такого рода проблематике и посвящено настоящее исследование.

Методы. Изыскание основано на применении логического, исторического, диалектического приемов и способов научного познания, сравнительно-правового и юридико-технического анализа текстов нормативных актов.

Анализ. Анализ правового регулирования международных инвестиционных отношений осуществлялся на основе рассмотрения процесса создания и совершенствования минимального цивилизованного и национального стандартов такой деятельности, в контексте по-

явления доктрин Монро, Кальво и Драго, а также их последующей трансформации в условиях работы Постоянной палаты международного правосудия, созданной Лигой Наций.

Результаты. Проведенное исследование позволило сделать несколько итоговых выводов. Во-первых, противодействие в международном сообществе на протяжении XIX и первой половине XX вв. между апологетами прав инвесторов и защитниками правомочий страны-реципиента привели к выработке компромиссного варианта минимального стандарта цивилизованности при осуществлении трансграничных инвестиций. Отдельные элементы подобных правил осталась на уровне обычных норм, часть из них была закреплена или в унифицированных соглашениях или была подтверждена судебной практикой. Обобщенные варианты такого стандарта можно свести к трем правилам: (1) соблюдение принципа законности, а именно: инвестор должен уважать и не нарушать законы и обычаи государства пребывания; а государство-реципиент обязано предоставить такому лицу правовой статус не ниже национального режима. Меры, затрагивающие права иностранных инвесторов, должны основываться на нормах права и применяться на основе установленной в законе процедуры. (2) Государство-реципиент вправе изымать находящееся в его пределах имущество иностранного инвестора по основаниям национализации, реквизиции и конфискации, только в тех случаях, которые закреплены в нормах международного права. (3) Иностранный инвестор должен иметь возможность на справедливое и беспрепятственное рассмотрение споров из отношений трансграничного инвестирования в компетентном суде принимающего инвестиции государства. Только после полного исчерпания внутригосударственных способов защиты своих интересов инвестор вправе обратиться в компетентные международные арбитражные органы. Во-вторых, перечисленные правила на фоне нарушения прав отечественных инвесторов в недружественных странах и недобросовестного поведения иностранных инвесторов на территории РФ, в результате военного конфликта России с Украиной, выглядят достаточно злободневно. Поэтому вопрос формирования на уровне единого унифицированного соглашения (или нескольких подобных договоров) эффективного регулирования международного инвестиционного процесса и защиты прав его участников и в настоящее время является актуальным.

Ключевые слова: государство инвестора (государство донор), инвестор, доктрины Драго, доктрины Кальво, доктрины Монро, международное инвестирование, минимальный цивилизованный стандарт, национализация, национальный стандарт, правовое положение иностранных лиц, принимающее государство (страна-реципиент), принцип национального режима, реторсии, репрессалии, формула Халла.

UDC 341.9.01

FORMATION OF THE RIGHTS OF PARTICIPANTS IN THE CROSS-BORDER INVESTMENT PROCESS IN THE 19TH AND FIRST HALF OF THE 20TH CENTURIES

Peter M. Filippov

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Volgograd, Russian Federation

Igor B. Ilvaysky

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The refusal of foreign investors to fulfill their previously assumed obligations in the Russian Federation as a result of sanctions restrictions on the one hand, and the infringement of the rights of Russian capital abroad on the other, have exacerbated the problem of creating effective international regulation of the cross-border investment process and the balanced nature of the powers of participants in such relations. Meanwhile, such a conflict is not new, Latin American states had to go through something similar in the last and the century before that. In this regard, a retrospective analysis of the experience of these countries allows, in our opinion, not only to optimize the domestic investment legislation of the Russian Federation, but also to form a more balanced international cooperation of our country in this area. It is precisely aspects of this kind of problem that this study is devoted to.

Methods. The research is based on the application of logical, historical, dialectical techniques and methods of scientific knowledge, comparative legal and legal-technical analysis of texts of normative acts.

Analysis. The analysis of the legal regulation of international investment relations was carried out on the basis of consideration of the process of creating and improving minimum civilized and national standards for such activities, in the context of the appearance of the Monroe, Calvo and Drago doctrines, as well as their subsequent transformation in the work of the Permanent Court of International Justice, established by the League of Nations.

Results. The conducted research allowed us to draw several final conclusions. First, the opposition in the international community during the 19th and first half of the 20th centuries between advocates of investor rights and defenders of the rights of the recipient country led to the development of a compromise version of the minimum standard of civility in cross-border investments. Some elements of such rules remained at the level of ordinary norms, some of them were fixed either in unified agreements or were confirmed by judicial practice. Generalized versions of such a

standard can be reduced to three rules: (1) compliance with the principle of legality, namely: the investor must respect and not violate the laws and customs of the host State; and the recipient State is obliged to provide such a person with a legal status not lower than the national regime. Measures affecting the rights of foreign investors should be based on the norms of law and applied on the basis of the procedure established in the law. (2) The recipient State has the right to seize the property of a foreign investor located within its borders on the grounds of nationalization, requisition and confiscation, only in those cases that are fixed in the norms of international law. (3) A foreign investor must have the opportunity to have disputes arising from cross-border investment dealt with fairly and unhindered before the competent court of the State receiving the investment. Only after the complete exhaustion of domestic ways to protect their interests, the investor has the right to apply to the competent international arbitration authorities. Secondly, these rules, against the background of violations of the rights of domestic investors in unfriendly countries and unscrupulous behavior of foreign investors in the territory of the Russian Federation, as a result of the military conflict between Russia and Ukraine, look quite topical. Therefore, the issue of forming a single unified agreement (or several similar agreements) on the level of effective regulation of the international investment process and protection of the rights of its participants is currently relevant.

Keywords: investor's state (donor state), investor, Drago doctrines, Calvo doctrines, Monroe doctrines, international investment, minimum civilized standard, nationalization, national standard, legal status of foreign persons, host state (recipient country), principle of national regime, retorsions, reprisals, Hull formula.

Введение. Долгое время правовое положение иностранных лиц и их имущества в стране пребывания было достаточно нестабильным и шатким. При попустительстве иностранного государства, а часто при его прямом участии, к таким субъектам могли быть применены акты дискриминации и насилия. В качестве защиты их прав и интересов, и как равноценный ответ, страна, к которой принадлежали такие лица, предпринимали на своей территории определенные репрессивные действия (реторсии и репрессалии) по отношению подданным первого государства. Только в 1758 году швейцарским юристом Эмером де Ваттель было издано сочинение «Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов», в котором автор сформировал близкое к современному понятие ответственности государства за вред, причиненный иностранному лицу. Так, ученый утверждал, что тот, кто плохо обращается с иностранным подданным, своими действиями косвенно наносит оскорбление государству, к которому такое лицо принадлежит. По мнению Де Ваттель государство, принимая на своей территории иностранца, должно относиться к нему также, как относится к своим лицам, в том числе и в области нарушения прав такого субъекта. И если такие факты имели место, то в силу его иностранного статуса и принадлежности к другой стране, это должно приводить к ответственности принимающего

государства перед государством иностранного гражданина и разрешению спора между ними, а не с иностранным гражданином как физическим лицом [1, с. 165]. В силу этого вполне адекватной признавалась дипломатическая защита иностранцев и их собственности [3, с. 57]. Развитие общих теоретических представлений о правовом статусе и правосубъектности иностранных субъектов на территории принимающего государства отражалось и на формировании прав иностранных инвесторов в странах-реципиентах. При этом, уже начиная с первой четверти XIX века, указанным государствам приходилось предпринимать меры не столько для защиты прав таких участников инвестиционного процесса, сколько для создания баланса между полномочиями этих лиц и правами собственных граждан и организаций. Часто странам приходилось противостоять злоупотреблениям со стороны иностранцев и государствам, к которым они принадлежали. Исторически сложилось так, что инициатива в такой конфронтации принадлежала молодым государствам Латинской Америки.

Методология. Методологической основой настоящего исследования послужила система общенаучных и юридических методов научного познания. Для достижения поставленных целей были применены следующие методы: формально-юридический метод, исторический метод, метод анализа и синтеза. Ключевое место в проведенном исследовании отводится сравнительно-правовому методу, включая метод юридического анализа, позволившего авторам прийти к логически обоснованному заключению.

Анализ. С первой четверти XIX века постепенно рушится мировая колониальная система. Начался этот процесс с распада Испанской империи и утраты ей своего влияния на Американском континенте, с одной стороны, и возрастанием влияния в этом регионе со стороны США, с другой. При этом прослеживается определенная конкуренция между этой страной и ведущими европейскими державами, за влияние на территории бывших колоний Испании. В 1822 году на Веронском конгрессе страны Священного союза предприняли попытку восстановить власть испанского государства над ее латиноамериканскими территориями. Для этого Австрия, Пруссия и Россия выдали соответствующие полномочия Франции по противодействию испанской революции с правом распространить военную интервенцию на испанские колонии. Такие меры вызвали активное противодействие со стороны США и Великобритании. Инициативу по этому вопросу взяли на себя Соединенные Штаты. В этой связи 2 декабря 1823 года в ежегодном послании Конгрессу США президент Джеймс Монро выдвинул принцип разделения мира на европейскую и американскую системы влияния. США провозглашало принцип своего невмешательства во внутренние дела европейских стран и, соответственно, призывало к невмешательству европейских держав во внутренние дела стран Западного полушария. Заявляя о своём нейтралитете по отношению к борьбе испанских колоний за независимость, США одновременно предупредили европейские метрополии, что любая попытка их вмешательства в дела своих бывших колоний в Америке будет расцениваться как нарушение жизненных интересов США [5, с. 51]. В дальнейшем принци-

пы, провозглашенные в этой речи, получили наименование «доктрины Монро». Из этой концепции США не только сформировали политику в отношении европейских государств, но и своих латиноамериканских соседей, в том числе и в области инвестиционных вложений в эти страны.

Потребность в природных ресурсах для динамично развивающейся промышленности европейских стран и США во второй половине XIX века привели к значительному росту инвестиционных вложений в эти страны. Такой процесс требовал выработки определенных правил его осуществления, но первоначально они складывались на уровне норм обычаев, а не правовых актов. При этом прослеживалось определенное навязывание развитыми странами, к которым принадлежали инвесторы, своих представлений и подходов к регулированию этой деятельности [4, с. 80–81]. С одной стороны, такие державы провозглашали принцип «минимального цивилизованного стандарта» в процессе осуществления иностранных инвестиций. А с другой стороны, вполне естественно они стояли на позициях охраны прав своих граждан и организаций и игнорировании национальных интересов принимающего государства. В качестве способов воздействия активно пропагандировалась возможность не только дипломатической защиты своих лиц на территории других государств, но и право прибегать к угрозам применения силы или даже непосредственного её применения для восстановления нарушенных прав. И эти меры неоднократно осуществлялись мировыми державами по отношению стран-реципиентов. Более того, при рассмотрении споров в качестве применимого навязывались нормы своих правопорядков, а не этих государств, что также приводило к ущемлению их интересов. Отрицалось право таких стран на национализацию имущества иностранных инвесторов, а если она и допускалась, то выдвигались требования полной компенсации стоимости изъятой собственности.

Между тем, в молодых южноамериканских государствах постепенно происходило осознание своих национальных интересов, в связи с чем, они стремились установить контроль над деятельностью иностранцев на их территории и выработать более справедливые правила осуществления их инвестиционной деятельности в своих странах. Впервые такого рода воззрения были сформированы в 1868 году аргентинским государственным деятелем, историком и юристом-международником Карласом Кальво (1824–1906 гг.), в последующем его позиции получила название «доктрины Кальво». Её суть заключалась в том, чтобы на основе принципа государственного суверенитета, скорректировать несправедливые положения минимального стандарта цивилизованности. Во-первых, было предложено следовать равенству прав иностранных субъектов (инвесторов) и местных физических и юридических лиц в стране пребывания. По мнению этого правоведа, иностранцы имеют право на обращение, не более благоприятное, чем обращение, которое государство оказывает своим собственным гражданам, т. е., по сути, был сформирован принцип национального режима для таких лиц в стране их нахождения. Во-вторых, отрицалась возможность применения норм иностранного

права в стране, где осуществлялись инвестиции, и провозглашалась необходимость применения норм собственного законодательства страны-реципиента. В-третьих, отрицалось обязательство правительства такого рода стран нести ответственность за убытки, причиненные иностранным инвесторам, в результате внутренних беспорядков или гражданской войны, так как такого рода обстоятельства находятся вне их контроля и, как правило, не предусматриваются в их нормах права, как основание подобного возмещения. В-четвертых, предлагалось закрепить принцип невмешательства других государств в частные дела их субъектов, которые являются иностранными инвесторами, в стране пребывания по поводу удовлетворения их долговых претензий. На основе чего ограничивалось, провозглашенное еще Э. Ваттель, право дипломатического вмешательства страны по подобным вопросам. Согласно предложениям К. Кальво, споры, касающиеся иностранных инвестиций, должны решаться в национальных судах на территории страны, в которой осуществляется процесс инвестирования. Такой вывод следовал из заключения, что правовая природа таких конфликтов имеет частный, а не публично-правовой характер. В последующем в 1924 году в деле «Greek Vs. The United Kingdom» постоянной палатой международного правосудия была подтверждена правомерность такого тезиса и было указано, что с точки зрения международного права дипломатическая защита – это право государства, а не физического или юридического лица [10, с. 46-47]. Тем не менее, право на дипломатическую защиту сохранялось, его можно было осуществить только в экстраординарных случаях, когда явно были нарушены нормы международного права [6, с. 211–231].

Таким образом, как заметил И. З. Фархутдинов, международному минимальному стандарту цивилизованности был противопоставлен национальный стандарт. Выдвинутые К. Кальво предложения не носили конфликтного характера. Они лишь были разумным предложением по совершенствованию уже сложившихся правил в части их несправедливого отношения к принимающему иностранные инвестиции государству [4, с. 82]. Отдельные и значимые положения «доктрины Кальво» были включены в большинство из правопорядков латиноамериканских стран, в том числе и в их конституции, и получили наименование «статьи Кальво». Более того, при заключении международных договоров, как между странами Латинской Америки, так и с европейскими странами и США подобные нормы указывались в качестве базовых правил их исполнения, например, в Итало-парагвайском договоре 1893 года или Франко-мексикано-никарагуанском договоре 1894 года и др.

В начале XX века правила, сформированные Карласом Кальво, были несколько скорректированы и дополнены в сторону еще большей защиты принимающего инвестиции государства. В 1902 году президент Венесуэлы Сиприано Кастро (1858–1924 гг.) отказался выплачивать государственный долг по облигациям трем странам: Англии, Италии и Германии. В ответ на это указанные державы устроили военную блокаду Венесуэлы с целью добиться исполнения указанных обязательств. При этом США, в лице находившегося в то время у

власти Президента США Теодора Рузвельта, отказались от исполнения «доктрины Монро» в отношении указанных государств. На этом фоне, 29 октября 1902 года, аргентинский премьер-министр Луис Мария Драго (1859–1921 гг.) направил в США дипломатическую ноту, в которой указал, что «... государственный долг не может быть причиной вооружённой интервенции, ни тем более оккупации территории американских государств европейской державой» [9, с. 657]. Подобные действия, по мнению Л. М. Драго, являются явным нарушением государственного суверенитета и равенства государств друг перед другом. США проигнорировали усилия аргентинского дипломата, чем вызвали сильную антиамериканскую реакцию и рост авторитета Аргентины, и появление так называемой «доктрины Драго». Ее положения послужили основой для принятия на второй Гаагской конференции, проходящей со 2 (15) июня по 5 (18) октября 1907 года, 13 (тринадцати) международных конвенций в сфере цивилизованного ведения военных действий. Одним из таких соглашений была «Конвенция об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам» или Конвенция Драго-Портера [8]. В ней было закреплено требование к государствам-кредиторам, уважать границы государства-должника и не применять военные меры для истребования внешнего долга, если такая страна не отказалась от арбитражного разрешения спора [3, с. 66].

Дальнейшие попытки унифицировать нормы в области иностранных инвестиций и сформировать единый подход их осуществления происходили после Первой мировой войны под эгидой Лиги Наций. Большинство ученых отмечают два разнонаправленных движения в этом процессе. С одной стороны, страны-инвесторы (доноры), т. е. ведущие мировые западные державы во главе с США, которые продвигали правила полной защиты прав инвестора, главным из которых считалось право «незамедлительной, достаточной и действительной» компенсации в случае национализации или иного изъятия его имущества, т. н. «формулы Халла». А с другой стороны, это страны-реципиенты – развивающиеся государства во главе с Мексикой, позднее к ним присоединились страны социалистического лагеря, которые стремились выстроить систему охранительных норм для принимающей инвестиции стороны [2, с. 18].

И те, и другие пытались использовать трибуну Лиги Наций для достижения своих целей. Страны первого блока больше действовали через принятия соответствующих судебных решений, в учрежденной в 1920 году Лигой Наций Постоянной палате международного правосудия. В 1924 году этот орган подтвердил право государства осуществлять дипломатическую защиту в отношении своих граждан как «базовый принцип международного права». В 1926 году была подтверждена обязанность признавать права, переданные иностранным инвесторам, а в 1928 году уже в другом решении было подчеркнуто, что «любое нарушение обязательства влечет за собой обязанность возместить вред». Таким образом, был закреплен принцип возмещения за незаконное изъятие частной собственности. Как от-

мечает А. В. Соловьева, все эти решения, так или иначе «... подтверждали формирование и действие принципа минимального стандарта обращения с иностранными лицами и их ответственностью» [11, с. 42].

Группа развивающихся стран, главным образом из Латинской Америки, действовали несколько иным способом, а именно пытались создать систему унифицированных трансграничных норм, правил и принципов в области международного инвестиционного права. Для достижения этой цели в 1924 году в Лиге Наций был образован специальный экспертный комитет по кодификации норм международного права. Результатом его работы в рассматриваемой сфере стало создание и подписание в 1933 году Конвенция о правах и обязанностях государств (Конвенция Монтевидео). В ее положениях была реализована концепция латиноамериканских стран относительно стандарта равного обращения и осуществлении компенсации за изъятое у инвестора имущество на основе норм национального законодательства изымающего государства [7, с. 19–21].

Результаты. Подводя итог и резюмируя вышеизложенное, необходимо признать, что несмотря на предпринимаемые усилия в течение XIX и первой половине XX вв. международному сообществу не удалось создать единого международного акта в области международного инвестирования. Тем не менее, противодействие между двумя тенденциями по выработке подобных правил (действия, с одной стороны, апологетов прав инвесторов, а, с другой, защитников правомочий принимающей инвестиции страны) привели к выработке некоторого компромиссного варианта минимального стандарта цивилизованности при осуществлении международных инвестиций. Часть подобных правил так и осталась на уровне обычных норм, часть была закреплена или в международных соглашениях (как двух, так и многостороннего характера), а часть была подтверждена судебной практикой. В литературе можно встретить обобщенные варианты такого стандарта, которые можно свести к нижеприведенным правилам: *во-первых*, это соблюдение принципа законности, который в области трансграничного инвестирования должен проявляться в нескольких аспектах. С одной стороны, инвестор должен уважать и не нарушать законы и обычаи государства пребывания. С другой стороны, государство-реципиент должно предоставить такому лицу правовой режим не ниже объема полномочий общепринятого международного минимального стандарта. Любые меры, затрагивающие права и интересы иностранных инвесторов, должны основываться только на нормах права и применяться в соответствии с установленной в законе процедурой. *Во-вторых*, государство-реципиент на основе своего суверенитета вправе изымать находящееся в его пределах имущество иностранного инвестора по основаниям национализации, реквизиции и конфискации, но только в тех случаях и при таких обстоятельствах, которые закреплены в нормах международного права. *В-третьих*, иностранный инвестор, должен иметь возможность на справедливое и беспрепятственное рассмотрение споров, которые могут возникнуть в процессе осуществления трансграничного инвестирования, в компетентном суде

принимающего инвестиции государства. Только после полного исчерпания внутригосударственных способов защиты своих прав инвестор вправе обратиться в компетентные международные арбитражные органы.

Перечисленные правила были выработаны фактически более ста лет тому назад, но их положения на фоне нарушения прав отечественных инвесторов в недружественных странах и недобросовестного поведения иностранных инвесторов на территории РФ, в результате военного конфликта России с Украиной, выглядят достаточно актуально и злободневно. Приходится признать, что международным сообществом и в современных условиях не удалось разработать эффективного порядка осуществления инвестиционного процесса и защиты прав его участников, в связи с чем, такие отношения все еще ждут своего законодателя, который сможет взвешенно и гармонично урегулировать такого рода деятельность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ваттель, Э. Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюриздат, 1960. 179 с.
2. Лабин, Д. К. Международное право по защите и поощрению иностранных инвестиций. М.: Волтерс Клувер, 2008. 314 с.
3. Соловьева, А. В. Международно-правовые доктрины инвестиционного права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Алена Викторовна Соловьева, науч. рук. Д. К. Лабин; МГИМО МИД РФ. Москва, 2020. 526 с.
4. Фархутдинов, И. З. Международное инвестиционное право: теория и практика применения. М.: Волтерс Клувер, 2005. 404 с.
5. Юхно, А. С. Международно-правовые аспекты выплаты компенсации при разрешении международных инвестиционных споров государств. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Александр Сергеевич Юхно; науч. рук. Д. К. Лабин; МГИМО МИД РФ. Москва, 2015. 151 с.
6. Calvo, C. *Le Droit International Theoritique et Practique*. 5th ed. P., 1968. 687 p.
7. Convention on the Rights and Duties of States (26 December 1933) // League of Nations Treaty Series. Vol. 165. P. 19-21.
8. Convention with respect to the Laws and Customs of War on Land, Respecting the Limitation of the Employment of Force for the Recovery of Contract Debts (The Hague, 18 October 1907) [Electronic resource] // International Committee of the Red Cross. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ihl/INTRO/195>
9. Drago, L. M. State loans in their relation to international policy // American Journal of International Law. 1907. Vol. 1. P. 692.
10. International Court of Justice. Reports. 1970. P. 46-47.

11. See Rights of Minorities in Upper Silesia (Minority Schools) (Germany v. Poland) / Publications of Permanent Court of International Justice // Collection of Judgments. Series A, № 15. Leiden: Sijthoff, 1928. P. 22-42.

REFERENCES

1. Vattel', E. *Pravo narodov, ili Printsipy estestvennogo prava, primenyayemyye k povedeniyu i delam natsiy i suverenov* [The law of nations, or the Principles of Natural Law applied to the conduct and affairs of nations and sovereigns]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960. 179 p.

2. Labin, D. K. *Mezhdunarodnoye pravo po zashchite i pooshchreniyu inostrannykh investitsiy* [International law on the protection and promotion of foreign investments]. Moscow Volters Kluver Publ., 2008. 314 p.

3. Solov'yeva, A. V. *Mezhdunarodno-pravovyye doktriny investitsionnogo prava: dis. ... kand. yurid. nauk*: [International legal doctrines of investment law. Cand. Jurid. Sci. Diss.]. Moscow, 2020. 526 p.

4. Farkhutdinov, I. Z. *Mezhdunarodnoye investitsionnoye pravo = International investment law : International investment law : teoriia i praktika primeneniia* [International investment law = International investment law : International investment law : theory and practice of application]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2005. 404 p.

5. Yukhno, A. S. *Mezhdunarodno-pravovyye aspekty vyplaty kompensatsii pri razreshenii mezhdunarodnykh investitsionnykh sporov gosudarstv. dis. ... kand. yurid. nauk*. [International legal aspects of compensation payments in the resolution of international investment disputes between States. Cand. Jurid. Sci. Diss.]. Moscow, 2015. 151 p.

6. Calvo, C. *Le Droit International Theoritique et Practique*. 5th ed. P., 1968. 687 p.

7. Convention on the Rights and Duties of States (26 December 1933) // League of Nations Treaty Series. Vol. 165. P. 19-21.

8. Convention with respect to the Laws and Customs of War on Land, Respecting the Limitation of the Employment of Force for the Recovery of Contract Debts (The Hague, 18 October 1907) [Electronic resource] // International Committee of the Red Cross. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ihl/INTRO/195>.

9. Drago, L. M. State loans in their relation to international policy // American Journal of International Law. 1907. Vol. 1. P. 692.

10. International Court of Justice. Reports. 1970. P. 46-47.

11. See Rights of Minorities in Upper Silesia (Minority Schools) (Germany v. Poland) / Publications of Permanent Court of International Justice // Collection of Judgments. Series A, № 15. Leiden: Sijthoff, 1928. P. 22-42.

Информация об авторах

Петр Мартынович Филиппов, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, почетный работник высшего профессионального образования, старший научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», ул. 50 лет Октября, 94, г. Курск, 305040, Российская Федерация, civillaw34@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7406-5590>, SPIN-код: 2392-0333, AuthorID: 461691

Игорь Борисович Иловайский, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. им. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, dominno@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4210-9413>, SPIN-код: 2964-0093, AuthorID: 663351

Information about Authors

Peter M. Filippov, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Honorary Worker of Higher Professional Education, Senior Researcher Southwest State University 94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russia, civillaw34@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7406-5590>, SPIN-код: 2392-0333, AuthorID: 461691

Igor B. Ilovaysky, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, domino@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4210-9413>, SPIN-code: 2964-0093, AuthorID: 663351

Для цитирования: Филиппов П. М., Иловайский И. Б. Формирование прав участников трансграничного инвестиционного процесса в XIX и первой половине XX веков // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6, № 4 (18). С. 118-129. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2025_N4.pdf

Сетевое издание

ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

Том 6 № 4(18) 2025

Дата выхода в свет:

19 декабря 2025 года

Периодичность выпуска 4 номера в год.

***Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей***

Перепечатка из СМИ (средство массовой информации)
«Парадигмы управления, экономики и права»
категорически запрещена без оформления договора
в соответствии с действующим законодательством РФ

Главный редактор *А. И. Бардаков*
Компьютерная верстка *Г. В. Подшиваловой*

Усл. печ. 7,48. Уч.-изд. л. 7,69.

Адрес редакции и издателя:
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400066, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. им. Гагарина, д. 8.
400078, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Герцена, 10